М. Л. ГАСПАРОВ

РАССКАЗЫ ГЕРОДОТА О ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙНАХ И ЕЩЕ О МНОГОМ ДРУГОМ

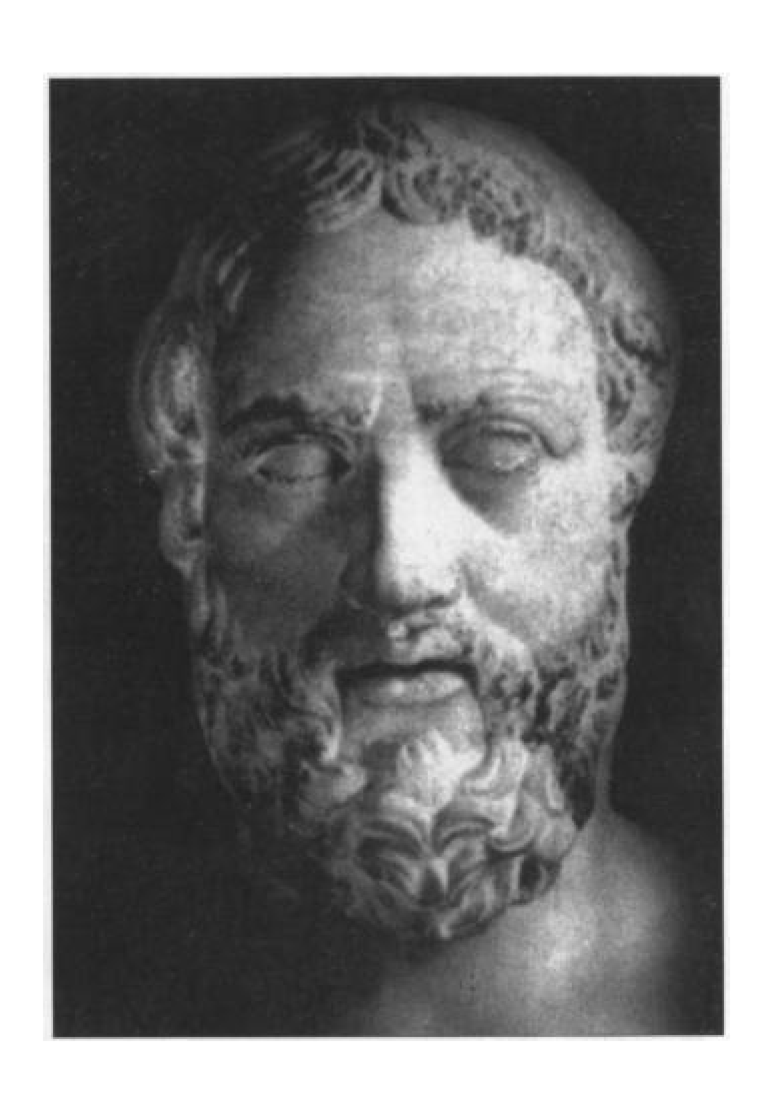

М.Л.ГАСПАРОВ

РАССКАЗЫ ГЕРОДОТА О ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙНАХ

И ЕЩЕ О МНОГОМ ДРУГОМ

СОГЛАСИЕ

М.Л.ГАСПАРОВ

РАССКАЗЫ ГЕРОДОТА О ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙНАХ

И ЕЩЕ О МНОГОМ ДРУГОМ

МОСКВА «СОГЛАСИЕ» 2001

УДК 882
ББК 63.3(0)32+83.3(2Рос-Рус)6
Г 22

Редактор
Г.А.Дубровская

Оформление и макет
А. Б.Коноплев

Вступительная статья
М.Л.Гаспарова

Руководитель
программы
«СОГЛАСИЕ»
В. В.Михальский

На титульном развороте —
портрет Геродота

СОГЛАСИЕ*
Издательство является
единственным владельцем
настоящего названия
в качестве товарного знака
и знака обслуживания
Свидетельство № 165848
Российского агентства
по патентам и товарным
знакам

ISBN 5-86884-125-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга не совсем соответствует замыслу той серии, в которой она выходит. Это не малоизвестный автор и не малоизвестное произведение. Геродот — имя знаменитое; даже те, кто только слышал о нем, знают, что он был «отец истории».

Кто интересовался им, тот знает больше: он жил в V веке до нашей эры, то есть в пору высочайшего расцвета древнегреческой культуры, когда строился Парфенон, а Эсхил, Софокл и Еврипид ставили свои трагедии; он написал историю греко-персидских войн — а победой в этих войнах с могущественным врагом, грозившим Греции тяжким порабощением, греки гордились больше всего; он предпослал своему рассказу о греко-персидских походах и сражениях огромное вступление о том, как возникла и что собой представляла персидская держава, и этим его вступлением до сих пор благодарно пользуются историки Древнего Востока.

Но даже те, кто не только интересовался им, а и читал его, редко задумываются о том, каким подвигом была его «История». Один большой ученый, специалист по античной историографии, не оставивший без внимания, пожалуй, ни одного самого малого историка древности, Ренессанса или нового времени, писавшего о Древней Греции, никогда ничего не написал только об «отце истории» Геродоте. Объясняя это, он выражался примерно так: «Если нас спросят, возможно ли описать события, при наших отцах потрясшие целую страну, не располагая при этом никакими письменными документами, а только расспросами стариков да случайными памятными надписями; возможно ли вдобавок к этому описать историю всего Древнего Востока за пятьсот, а то и за тысячу лет до тебя, объехав часть этих стран, но ни слова не понимая ни на одном

из их языков,— то мы твердо ответим: невозможно. А Геродот это сделал. Значит, перед нами чудо, а чудесами наука историография не может заниматься».

Здесь, однако, не сказано еще о двух вещах — о самых простых, но самых необходимых для читателя.

Во-первых, Геродот *интересен.* Те, кто читали его только по-русски — если они не профессионалы-специалисты по древней истории,— не могут этого должным образом почувствовать. Может быть, они не признаются себе в этом, но Геродот для них скучен или хотя бы скучноват — особенно во второй половине его сочинения, где речь идет собственно о войне, походах и битвах. Здесь слишком много подробностей, слишком много имен и названий, ничего не говорящих рядовому читателю и лишь отвлекающих от главного. Для античных читателей Геродота, которые знали все эти места, о которых он писал (если не своими глазами, то по рассказам), и помнили эти имена, восприятие было иным, это богатство подробностей радовало их, а не отвлекало.

Во-вторых, Геродот *приятен* своим языком и стилем. Он писал не на общепринятом греческом литературном языке (который в его время еще не сложился), а на диалекте, который ощущался как более поэтический и чуть-чуть напоминающий древнего Гомера. Он писал не обычным греческим стилем с развернутыми уравновешенными фразами, а старинным, нанизывающим короткие предложения в длинные, как бусы, ряды. Передать по-русски его диалект, конечно, невозможно; передать его стиль, конечно, возможно, но переводчики считали это ненужным: по их мнению, он слишком отвлекал бы читателя от содержания, а содержание у историка казалось им главным. Его переводили не как писателя, а как источник сведений о Древней Греции и Древнем Востоке. Таковы были все три русские перевода Геродота: И. Мартынова (1826-1827), Ф.Мищенко (1885-1886), Г.Стратановского (1972): все они переводили исторический стиль Геродота на деловой канцелярский стиль своего времени. Это было не совсем справедливо.

Мне захотелось поправить эту несправедливость. Это значило: предложить русским читателям не перевод, а пересказ Геродота, рассчитанный на восприятие читателя-неспециалиста, который знает о Древней Греции и Востоке то, что когда-то в школе проходил по истории, и редко больше того.

Такой пересказ означает, во-первых, сокращение, а во-вторых, выбор стиля. Сокращение, отказ от мелких подробностей и, наоборот, пояснения о таких предметах, которые греческому читателю были понятны, а русскому непонятны,— это было делом нетрудным. Девять «книг», на которые в древности было разделено сочинение Геродота, стали десятью рассказами (первая книга сама разделилась на две), каждая по объему сократилась вчетверо, а для удобства читателя рассказы и главы были снабжены ориентирующими заглавиями.

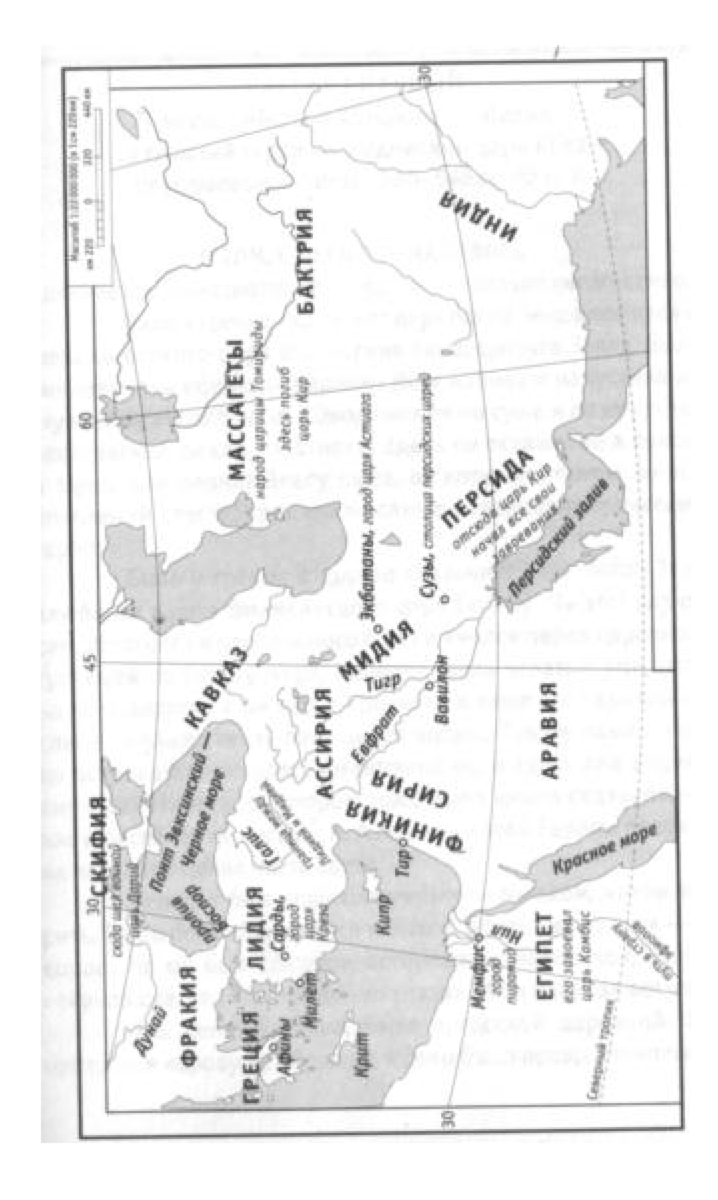
Выбор стиля был труднее. Можно было сохранить геродотовский нанизывающий синтаксис и старинный язык. Тогда получилось бы что-то похожее на русскую прозу XVIII века: «Когда перс с персом встретится на улице, то легко можно узнать, одинакового ли они состояния, ибо тогда вместо взаимного приветствия они целуются в уста; когда один из них несколько ниже, то целуются в щеки; когда же один гораздо низшего звания, то он падает другому в ноги. А из всех народов наибольше почитают они себя, потом живущих в ближайшем соседстве, потом отдаленнейших соседов, и так далее, наименее же тех, кои от них далее всего: ибо, полагая себя из всех гораздо наилучшими, они рассуждают, что все другие причастны доблести по мере отдаленности от них и кто от них обитает всех дальше, тот и всех хуже...» Я примерился и почувствовал, что в коротком отрывке такой пересказ приятен, но двести страниц такого стиля будут для непривычного читателя утомительны.

И тогда я предпочел противоположную крайность: переложить Геродота не только с языка на язык, но и с стиля на стиль. Сократить геродотовские фразы так же, как пришлось сократить геродотовские сюжетные подробности: чтобы они были коротки-

ми, легкими и местами, если удастся, немного ироничными. Не притворяться, будто мы с читателем вживаемся в образ Геродота-повествователя, а представить себе, что мы любуемся им со стороны, сохраняя собственный взгляд и на него, и на предметы его повествования. Собственный взгляд, выраженный в собственном языке. А чтобы язык был наш собственный, простой и здравый, а не расхожий газетный или канцелярский, пришлось стараться самому; успешно ли — читатель рассудит сам.

Я сделал этот пересказ много лет назад, представляя себе, что я пишу для школьников: так, как я хотел бы рассказывать об этом собственным детям. Потом части этого пересказа вошли в мою книжку рассказов о древнегреческой культуре «Занимательная Греция». «Занимательная Греция» предназначалась тоже для детей, но скоро оказалось, что ее с интересом читают и взрослые. Может быть, взрослый читатель примет и этот эпизод из истории занимательной Греции — рассказы Геродота о греко-персидских войнах и еще о многом другом.

М.Л.Гаспаров

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ,
место действия которого — Лидия,
а главный герой — лидийский царь Крез.
Царствование Креза: 560-546гг. до н.э.

О ТОМ, С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Начинается повествование Геродота несколько неожиданно.

Было у греков сказание: царь богов Зевс влюбился в дочь аргосского царя Ио. Богиня Гера, супруга Зевса, была ревнива: она обратила царевну Ио в корову и напустила на эту корову лютого овода. Овод гнал ее посуше и по морю далеко-далеко до самого Египта. Здесь он оставил ее в покое, и здесь она родила Зевсу сына, от которого потом, много поколений спустя, произошли самые знаменитые греческие герои.

Было у греков и другое сказание: царь богов Зевс влюбился в дочь финикийского царя Европу. На этот раз он сам обратился в прекрасного быка и явился перед царевной, гулявшей по берегу моря. Царевна стала играть с ним, села на него верхом, а он вдруг бросился в море и с Европой на спине поплыл сквозь пенящиеся волны. Так он плыл с нею до острова Крита; здесь он оставил ее, и здесь она родила ему сына Миноса, о котором тоже было много сказаний, но нас они сейчас не касаются. А по имени этой Европы получила название целая часть света.

Геродот был слишком умным человеком, чтобы верить, будто боги обращаются в быков, а царские дочери — в коров. Но он был слишком осторожным человеком, чтобы открыто сказать, что это только сказка. И он написал вот что.

Ио, действительно, была аргосской царевной. Но никто ее в корову не обращал, а дело было проще: приплыли

в Аргос азиатские купцы, заманили ее на свой корабль, неожиданно отчалили, увезли ее в Египет и продали в рабство.

Греки обиделись и поплыли к азиатским берегам искать мести. Здесь они застигли финикийскую Европу, похитили ее, увезли на корабле на остров Крит и тоже продали в рабство.

Азиаты не остались в долгу: их царевич Парис приехал в Грецию в гости к спартанскому царю Менелаю, влюбился в его прекрасную жену Елену, похитил ее и увез в свой город Трою.

Греки собрали огромное войско и пошли на Трою войной: отбивать Елену. Это была та самая Троянская война, которая длилась десять лет, в которой сражались Ахилл и Гектор, Агамемнон и Одиссей, Аякс и Диомед и о которой была сложена знаменитая поэма «Илиада», знакомая каждому греку.

Азиаты,— говорит Геродот,— вовсе не были расположены воевать из-за Елены. Они говорили грекам: «Кто похищает женщину — тот наглец, но кто мстит за это похищение — тот глупец: ведь никакую женщину нельзя похитить, если она сама того не желает». Но на греков этот разумный довод не подействовал. Они взяли Трою и разорили ее до основания.

Теперь очередь мстить была за азиатами. Прошло много поколений, пока они собрались с силами и пошли войной на Грецию. Это и была та война, историю которой собрался писать Геродот. Потому-то он и начал свой рассказ из сказочного далека — от царевны Ио и царевны Европы.

Если бы Геродот прожил еще тысячи две лет, он мог бы описать, как маятник войны еще несколько раз качнулся

с запада на восток и с востока на запад. Как Александр Македонский пошел на Персию и дошел до самой Индии. Как арабы двинулись на запад и дошли до Босфора и Пиренеев. Как средневековые рыцари крестовыми походами шли на восток умирать в Палестине и Египте. Как хлынули из Азии на Европу турки, дойдя до Дуная и дальше Дуная, и как отхлынули они, слабея, обратно. Но Геродот до этого не дожил, и мы писать об этом не будем.

Вернемся к тому времени, когда маятник войны впервые после сказочных времен качнулся с востока на запад. Это было тогда, когда лидийские цари начали подчинять себе греческие города в Малой Азии.

КАК ПОГИБ ЦАРЬ КАНДАВЛ, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ КРАСОТУ

Все знают, что Лидия — это женское имя. Но не все знают, что Лидия — это еще и древняя страна в Малой Азии и что имя «Лидия» значит: «уроженка страны Лидии».

Имя это — рабское. Знатным грекам и римлянам было недосуг запоминать непривычные имена восточных рабов. Рабу-сирийцу кричали попросту: «Эй,ты, Сир!» Рабыне-лидиянке: «Эй, ты, Лидия!»

Но это было позже. А когда-то Лидия была сильным государством и лидийцы не были ничьими рабами, а сами захватывали рабов.

По восточному берегу Эгейского моря узкой каймой лежали греческие города: Смирна, Эфес, Милет и другие; в их числе — и родина Геродота, Галикарнас. Дальше в глубь страны начиналось большое плоскогорье, рассе-

ченное долинами рек: Герма и Меандра. Река Меандр извивалась по своей долине так, что у художников до сих пор узор из сплошных завивающихся изгибов называется «меандром». Здесь жили лидийцы, удалые наездники и любители роскоши.

В долинах была плодородная земля, а в горах текли золотоносные ручьи. Это здесь когда-то царствовал жадный царь Мидас, попросивший у богов, чтобы все, чего он коснется, обращалось в золото. От этого он чуть не умер с голоду, потому что даже хлеб и мясо в его руках становились сверкающим металлом. Изнемогши, Мидас взмолился, чтобы боги взяли у него свой дар обратно. Боги велели ему вымыть руки в ручье Пактоле. Волшебство ушло в воду, и ручей потек золотыми струями. Лидийцы намывали здесь золотой песок и сносили его в царские сокровищницы в столичный город Сарды.

В Сардах правил царь Кандавл, который любил красоту. Эта любовь к красоте его и погубила.

У царя Кандавла была красавица-жена, которую он любил больше всех, и был верный оруженосец Гигес, которому он доверял больше всех.

Однажды, беседуя со своим оруженосцем, царь Кандавл воскликнул восторженно:

«Ах, Гигес, если бы ты знал, как прекрасна моя жена!»

Гигес был воспитанным царедворцем и ответил:

«Конечно, я знаю это, государь!»

Но Кандавл сказал:

«Нет, Гигес, ты не знаешь. Ты видел ее только в царском платье, а я видел ее нагою, и нагою она еще прекраснее. Но я люблю тебя и верю тебе. Я приведу тебя этой ночью в мою опочивальню, ты встанешь за дверью и увидишь, как моя царица будет раздеваться, а потом выскользнешь и уйдешь, чтобы она тебя не заметила. Вот тогда ты поверишь, что прекраснее ее нет никого на свете».

Гигес уверял, что он этому верит и так, но Кандавла уже нельзя было переубедить. Ночью он привел Гигеса в свою опочивальню, и Гигес видел, как раздевалась царица. Но случилось так, что и царица увидела, как Гигес смотрел на нее. Она только покраснела, но ничем не выдала себя.

На другой день царица вызвала к себе Гигеса. Она сказала ему:

«Ты видел меня нагою. Нагою меня может видеть только мой муж. Или ты убьешь царя Кандавла и станешь моим мужем, или я добьюсь того, что царь тебя казнит. Выбирай!»

«Гигес подумал,— говорит Геродот,— и почел за лучшее остаться в живых».

На следующую ночь царица провела его в спальню на то же место, где он стоял накануне. И когда царь Кандавл заснул, Гигес подошел к нему и пронзил его мечом.

Так погиб царь Кандавл, а Гигес стал мужем царицы и повелителем Лидии.

Однако никакое преступление не остается без наказания. И оракул бога Аполлона возвестил, что за смерть царя Кандавла поплатится пятое поколение потомков Гигеса.

«Но как водится,— говорит Геродот,— ни лидийцы, ни цари их не обращали никакого внимания на изречение оракула, пока оно не исполнилось».

КАК ЦАРЬ КРЕЗ БЕСЕДОВАЛ С МУДРЕЦОМ СОЛОНОМ

После Гигеса лидийцами правил его сын Ардис, после Ардиса — Садиатт, после Садиатта — Алиатт, после Алиатта — Крез. Таким образом, пятым потомком Гигеса по греческому счету оказался Крез.

Все эти цари с их звучными именами не совершили ничего достопримечательного. Однако именно они первыми из азиатов подчинили себе ближние греческие города — и Смирну, и Эфес, и Милет, и другие.

Подчинить — это значило: лидийцы подходили к греческому городу, жгли поля вокруг него, становились осадой и дожидались, пока горожане не начинали страдать от голода. Тогда начинались переговоры, горожане соглашались платить дань, и лидийский царь отступал с победою.

Наконец, все приморские города были подчинены, и Крез уже думал о том, чтобы подчинить города заморские — те, что на островах Лесбосе, Хиосе, Самосе и других. Но от этого его отговорил мудрец Биант, правитель греческого города Приены.

Дело было так. Биант приехал к Крезу в гости. Крез радушно принял его и спросил: «Что поделывают греки на островах?» Биант ответил: «Они готовят лошадей, чтобы идти войной на Лидию». Крез знал, что в конном бою его лидийцы непобедимы. Он воскликнул: «О, если бы так они и сделали!» Тогда Биант сказал: «Царь, а ты не думаешь, что если греки узнают, что ты готовишь корабли, чтобы идти войной на их острова, то они тоже воскликнут: „О, если бы так он и сделал"? Ведь как твои лидийцы искусны в конном бою, так греки искусны в морском бою, и тебе с ними не

справиться». Крезу такое замечание показалось разумным, и он раздумал идти войной на острова, а с жителями островов заключил союз.

Крез и без того был могущественным властителем. Царство его занимало половину Малой Азии. Сокровищницы его ломились от золота. До сих пор богатого человека в шутку называют «крезом». Дворец его в Сардах блистал пышностью и шумел весельем. Народ его любил, потому что он был добр, милостив и, как мы видели, умел понимать шутки.

Крез считал себя самым счастливым человеком на земле.

Однажды в гости к нему приехал мудрейший из греков — афинянин Солон, давший своему городу самые справедливые законы. Крез устроил в его честь пышный пир, показал ему все богатства, а потом спросил его:

«Друг Солон, ты мудр, ты объездил полсвета; скажи, кого ты считаешь самым счастливым человеком на земле?»

Солон ответил: «Афинянина Телла».

Крез очень удивился и спросил: «А кто это такой?»

Солон ответил: «Простой афинский гражданин. Но он видел, что родина его процветает, что дети и внуки его — хорошие люди, что добра у него достаточно, чтобы жить безбедно; а умер он смертью храбрых в таком бою, где его сограждане одержали победу. Разве не в этом счастье?»

Тогда Крез спросил: «Ну, а после него кого ты считаешь самым счастливым на земле?»

Солон ответил: «Аргосцев Клеобиса и Битона. Это были два молодых силача, сыновья жрицы богини Геры. На торжественном празднике их мать должна была подъехать к храму в повозке, запряженной быками. быков во время не

нашли, а праздник уже начинался; и тогда Клеобис и Битон сами впряглись в повозку и везли ее на себе восемь верст, до самого храма. Народ рукоплескал и прославлял мать за таких детей, а блаженная мать молила у богов самого лучшего счастья для Клеобиса и Битона. И боги послали им это счастье: ночью после праздника они мирно заснули в этом храме и во сне скончались. Совершить лучшее дело в своей жизни и умереть — разве это не счастье?»

Тогда раздосадованный Крез спросил прямо: «Скажи, Солон, а мое счастье ты совсем ни во что не ставишь?»

Солон ответил: «Я вижу, царь, что вчера ты был счастлив, и сегодня ты счастлив, но будешь ли ты счастлив завтра? Если ты хочешь услышать мудрый совет, вот он: никакого человека не называй счастливым, пока он жив. Ибо счастье переменчиво, а в году триста шестьдесят пять дней, а в жизни человеческой, считая ее за семьдесят лет,— двадцать пять тысяч пятьсот пятьдесят дней, не считая високосных, и ни один из этих дней не похож на другой».

Но этот мудрый совет не пришелся по душе Крезу, и Крез предпочел его забыть.

КАК ЦАРЬ КРЕЗ ВАРИЛ ЧЕРЕПАХУ

В средней Греции много гор. На горах — пастбища. На одном пастбище паслись козы. Одна коза отбилась от стада, забралась на утес и вдруг стала там скакать и биться на одном месте. Пастух полез, чтобы снять ее. И вдруг остальные пастухи увидели: он тоже стал прыгать, бесноваться и кричать несвязные слова. Когда его сняли, то

оказалось: в земле в этом месте была расселина, из расселины шли дурманящие пары, и человек, подышав ими, делался как безумный.

Испуганные пастухи пошли к жрецам. Жрецы, посовещавшись, сказали: «Это — то самое место, где некогда бог Аполлон убил дракона Пифона, сына Земли. Дурманящие пары идут от пролитой крови Пифона. Нужно на этом месте выстроить храм, над расселиной посадить прорицательницу, и она, надышавшись опьяняющим паром, будет предсказывать будущее».

Так был построен храм Аполлона в Дельфах — самый знаменитый храм с самым знаменитым оракулом во всей Греции. Раз в месяц на треножник над расселиной садилась прорицательница — пифия. Ей задавали вопросы, она отвечала на них несвязными криками, а жрецы перекладывали ее слова благозвучными стихами и передавали спрашивающим. На что были похожи эти предсказания, мы скоро увидим.

Со всей Греции стекались в Дельфы просители, ждавшие совета от бога Аполлона. Храм процветал и богател с каждым годом.

И вот однажды в Дельфы пришли посланцы от лидийского царя Креза и задали очень необычный вопрос и получили очень странный ответ.

Дело было так. Когда Крез раздумал идти войной на запад, на греческие острова, он решил пойти войной на восток — туда, где текла через Малую Азию река Галис, а за нею кончалась Лидия и начиналась Мидия. Воевать с Мидией было опасно, и Крез хотел сперва спросить у оракула совета: воевать или не воевать? Но у какого оракула? Как уз-

нать, правду скажет оракул или солжет? И Крез решил испытать все знаменитейшие оракулы мира.

Он послал людей и в Дельфы, и в Додону, и в Абы, и в пещеру Трофония, и в Милет к Бранхидам, и в Египет к Аммону. Всем посланцам было велено одно и то же: отсчитать сотый день от выхода из Сард и в тот день спросить оракула: что делает сейчас Крез, царь Лидии?

Что ответили другие оракулы, история умалчивает. А дельфийский оракул ответил вот что:

В море я капли сочту, и на бреге исчислю песчинки;
Знаю, что мыслит немой, и слышу, что молвит безгласный;
Чую вкус черепахи, что варится вместе с ягненком:
Медь вверху, и медь внизу, а они посредине.

Посланцы ничего не поняли, но аккуратно записали предсказание и доставили Крезу. Крез сидел, разбирал ответы одного оракула за другим и хмурился.

Вдруг он просиял и радостно воскликнул. Ответ дельфийского оракула один оказался правилен и точен: ибо в назначенный день Крез, чтобы испытать всеведение оракулов, занимался тем, что варил в медном котле мясо черепахи вместе с мясом ягненка, «будучи уверен,— говорит Геродот,— что чего-чего, а этого ни придумать, ни угадать никто не сможет».

После этого доверие Креза к дельфийскому оракулу стало безграничным. В Дельфы он послал столько даров, что перечень их у Геродота занимает две страницы. А потом отправил посланцев задать пифии еще три вопроса: во-первых, переходить ли ему через Галис, чтобы воевать с Мидией? во-вторых, если воевать,то одному или искать себе союзников? в-третьих, долго ли еще предстоит ему править?

На первый вопрос оракул ответил:

— Крез, перейдя через Галис, разрушит великое царство.

На второй вопрос:

— Самых сильных из эллинов сделай своими друзьями.

На третий:

— Кончится царство твое, когда мул будет Лидией править.

Все три ответа пришлись Крезу по сердцу. Он рассудил, что, перейдя через Галис, он разрушит великое мидийское царство; что власти его ничто не грозит, ибо не бывает так, чтобы мул правил над людьми; и что надо только заручиться дружбой самых сильных из греческих государств.

Он спросил советников, какие государства у эллинов самые сильные? Ему ответили: Спарта и Афины.

И он отправил послов с предложением дружбы и союза в Спарту и Афины.

ЧТО РАССКАЗАЛИ КРЕЗУ О ВОЙНЕ СПАРТАНЦЕВ С ТЕГЕЙЦАМИ

Спарта и вправду была самым сильным государством Греции. Это было государство, устроенное, как военный лагерь. Свободные граждане знали здесь только одно искусство: войну. Все были равны друг другу, как солдаты в строю, слушались старших беспрекословно, как военачальников, и речи спартанцев были коротки, как военный приказ.

Войны Спарта вела непрерывно. Только что в двух долгих и кровопролитных войнах была завоевана соседняя область — Мессения. Теперь спартанцы были заняты войной с другой соседней областью — Аркадией.

В памяти дальних потомков Аркадия осталась безмятежным пастушеским раем, где среди ручейков и рощиц нежные пастухи и пастушки пасли овечек, играли на свирелях и любили друг друга. Такую Аркадию выдумали поэты. Настоящая Аркадия была на это ничуть не похожа. Это была холодная гористая и лесистая страна, где люди жили в шалашах, вместо хлеба ели желуди, и полудикие пастухи в овчинах с трудом отгоняли от своих стад диких волков и медведей. Само слово «Аркадия» значит «медвежий край». Городов здесь было мало; единственный крупный город назывался Тегея. Спартанцы пошли войной на Тегею.

Перед переходом, как обычно, спросили совета в Дельфах. Оракул сказал:

Слышу, железные цепи звенят на лодыжках у пленных.
Вижу, спартанские люди поля тегейские мерят.

Решили, что предсказание доброе, и двинулись в поход, захватив даже цепи, чтобы заковывать пленных. Но был бой, и спартанцы потерпели поражение. Оказалось, что мерить тегейские поля суждено было спартанцам не как победителям, а как пленникам с цепями на ногах. А цепи, предназначенные для тегейцев, тегейцы захватили с добычей и повесили в храме Афины: их показывали там еще много веков спустя.

Раздосадованные спартанцы спросили оракула, что же им сделать, чтобы победить. Оракул сказал: «Найдите

кости героя Ореста, сына Агамемнона». Но где их искать? Оракул сказал:

Ветер на ветер летит, удар отвечает удару,
Злая беда лежит на беде: там — Орестовы кости.

Это звучало очень красиво; «но и после такого ответа спартанцы столь же мало понимали, где покоятся кости Ореста, как и раньше»,— говорит Геродот. Вдруг один спартанец крикнул: «Я понял!» Он объяснил: «Однажды я был в Тегее, зашел в кузницу, разговорился с кузнецом; и кузнец мне сказал, что двор его заколдован, что там под землею лежит гроб, а в гробу — кости великана ростом в семь локтей; он нашел их, когда копал колодец, и сам измерил. Видимо, это и есть Орест, а описание места говорит о кузнице: „ветер на ветер" — это кузнечные меха, „удар на удар" — это молот и наковальня, „беда на беде" — это железо под молотом, потому что железо создано на горе роду человеческому».

Спартанцы обрадовались. Человека, истолковавшего оракула, для вида обвинили в преступлении и изгнали. Он отправился в Тегею и поступил в подручные к кузнецу. Когда он этого добился, то выкопал кости и бежал с ними в Спарту. После этого спартанцы снова пошли на Тегею, и на этот раз одержали победу.

ЧТО РАССКАЗАЛИ КРЕЗУ ОБ АФИНСКОМ ТИРАНЕ ПИСИСТРАТЕ

Если Спарта была занята войною с внешним врагом, то Афины были заняты в это время внутренними раздорами. Богатые здесь боролись против бедных, а бедные против бога-

тых. Рыбаки и моряки побережья враждовали с земледельцами равнины, а крестьяне северных гор — и с теми и с другими. Еще жив был старый Солон, но его уже никто не слушал. Слушали молодых вождей — Мегакла, вождя прибрежных жителей, Ликурга, вождя равнинных жителей, и Писистрата, вождя горных жителей.

Самым умным и хитрым из трех оказался Писистрат.

Однажды Писистрат изранил сам себя мечом, изранил мулов, запряженных в его повозку, выехал в таком виде на площадь и стал жаловаться народу, что на него напали люди Мегакла и Ликурга и он с трудом от них ускользнул. Афиняне качали головами и жалели его. Писистрат попросил, чтобы ему позволили держать при себе телохранителей. Ему позволили. Правда, не копьеносцев — это было бы слишком похоже на царскую власть, а царей в Афинах давно уже не было,— а только дубиноносцев. Но Писистрату и этого было достаточно. Прошло немного времени, и со своими дубиноносцами он захватил афинский кремль — акрополь — и стал править Афинами единовластно.

Таких удальцов, захватывавших власть, было в Греции в эту пору немало. Их называли «тиранами». Теперь слово «тиран» значит «злой правитель», независимо оттого, законно или незаконно пришел этот правитель к власти. Тогда слово «тиран» значило «правитель, незаконно захвативший власть», даже если это был не злой, а добрый правитель. Писистрат был как раз добрым правителем. Он боялся вражды богачей и поэтому помогал беднякам. Народ его любил.

В этот первый раз Писистрат правил недолго. Мегакл и Ликург примирились друг с другом и изгнали его. Но и

изгнание оказалось недолгим: Мегакл и Ликург опять поссорились, и Мегакл послал к изгнанному Писистрату тайного гонца с предложением вернуться и вместе низвергнуть Ликурга. Писистрат согласился.

Чтобы вернуть Писистрата из изгнания, была придумана хитрость, настолько нелепая, что даже Геродот рассказывает о ней с недоумением. «Эллины с давних времен отличались от варваров своим просвещением и чуждались глупых суеверий,— пишет он,— афиняне же почитались даже среди эллинов самыми рассудительными; и все же измышленная против них Мегаклом и Писистратом хитрость возымела полный успех».

Хитрость была такая. В деревне близ Афин нашли крестьянку, красивую лицом, а ростом, как пишет Геродот, «в четыре локтя без трех пальцев» — по-нашему, один метр восемьдесят сантиметров. Ее звали Фия. На нее надели блестящий шлем, панцирь, дали копье и щит, поставили на колесницу и повезли в город. Глашатаи кричали: «Богиня Афина сама едет в свой город и ведет за собой Писистрата!» Народ сбегался, люди простирали руки к колеснице и молились богине. Женщина молчала — так ей велели,— и от этого шествие казалось еще торжественней. Колесница медленно въехала на акрополь, а за нею взошел Писистрат.

Так Писистрат стал тираном во второй раз. Правда, на этом дело не кончилось. Снова Мегакл поссорился с ним и соединился с Ликургом, снова Писистрату пришлось уйти в изгнание. Но афинскому народу надоело терпеть эту чехарду. Афиняне выбрали из трех зол меньшее, и когда Писистрат вновь явился из изгнания, они не оказали ему никакого сопротивления. Мегакл послал против Писистрата

войско, но войско разбежалось, а вслед беглецам поскакали на фракийских конях два сына Писистрата, громким голосом крича, чтобы никто ничего не боялся и каждый возвращался к своему очагу: Писистрат не мстит никому. После этого Мегаклу осталось только в свою очередь скрыться в изгнание. Так он и сделал. Но мы еще встретимся с ним в нашем рассказе.

А Писистрат занял Афины в третий раз, и на этот раз правил ими спокойно до самой своей смерти.

КАК КРЕЗ ПЕРЕШЕЛ ЧЕРЕЗ ГАЛИС И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Итак, царь Крез послал к спартанцам и к афинянам послов с предложением дружбы и союза. А сам стал собирать войска, чтобы перейти Галис и вторгнуться в индийские пределы.

Перейти Галис было не так-то просто: река была широкая и глубокая. Но в свите у Креза был греческий мудрец Фалес Милетский. Он считается первым философом в истории Европы, но, кроме философии, он занимался и более практичными вещами. Он придумал выкопать широкий водоотводный канал в виде излучины и таким образом как бы разделить течение Галиса на два русла. Река сразу стала вдвое мельче, и войско Креза перешло ее вброд.

В Мидии правил в это время царь Кир, от которого пошли все персидские цари. Кир вышел навстречу Крезу с большим войском. Бились целый день, и ни на одной стороне не было победы. Но Крез сражался на чужой земле,

а Кир на своей; и в ночь после боя Крез решил отступить. Он вернулся в Сарды, полагая, что Кир не осмелится его преследовать.

Но Кир оказался смелей, чем думал Крез. С неожиданной быстротой он вторгся в Лидию и подступил под стены Сард: «сам принес весть о своем вторжении»,— как выражается Геродот. Крез вывел против него свое войско, чтобы биться на этот раз не ради завоеваний, а ради собственного спасения.

Лидийская конница была лучшей во всей Азии, и Кир ее очень боялся. Но старый советник Кира Гарпаг нашел против лидийских коней неожиданное средство. Он собрал со всего обоза верблюдов, посадил на них воинов и строем повел их на конницу Креза. От необычного вида и необычного запаха диковинных зверей кони шарахнулись, всадники растерялись, началось смятение, и войско Креза обратилось в бегство. Кир обложил Сарды и приступил к осаде.

Не надо думать, что рассказ о конях и верблюдах — это сказка. Почти две тысячи лет спустя точно таким образом разбили турецкие верблюды сербскую конницу в той плачевной битве на Косовом поле в 1389 году, о которой в Сербии и поныне поются песни.

Сарды стояли на неприступном утесе. Осада затягивалась. Кир боялся, что к лидийцам подойдут подкрепления от греков и ему придется отступить. Но неожиданный случай открыл ему дорогу к приступу.

По стене над обрывом расхаживал лидийский часовой. Он наклонился, чтобы посмотреть через зубцы вниз. Вдруг с его головы сорвался шлем и, блестя и переворачива-

ясь, покатился вниз с обрыва. Часовой испугался, что начальник его теперь накажет. Он слез со стены и, осторожно ставя ноги, начал спускаться по обрыву вниз. Спустился, поднял шлем, отряхнул его, надел и по тем же уступам медленно вскарабкался обратно. Из индийского лагеря было хорошо видно, как он пробирался по скале. Царь Кир отдал приказ, и на следующий день тою же тропой на скалу взобрались мидийские воины. Сарды пали.

О ЧЕМ ЦАРЬ КРЕЗ ГОВОРИЛ С ЦАРЕМ КИРОМ И КАК ОБЪЯСНИЛОСЬ ПРОРОЧЕСТВО ОРАКУЛА

Пленного царя Креза в цепях привели перед лицо Кира. Кир приказал сжечь его заживо на костре. Сложили большой костер, Креза привязали к столбу, мидийские воины с факелами уже нагибались, чтобы поджечь костер с четырех сторон. Подавленный горем Крез подумал о своем былом счастье, о своем нынешнем несчастье, глубоко вздохнул, помолчал и воскликнул:

— Ах, Солон, Солон, Солон!

— Что говоришь ты? — спросил его Кир.

— Я говорю о человеке, которому следовало бы сказать всем царям то, что он сказал мне,— ответил Крез.

Кир стал его расспрашивать, и Крез рассказал ему о мудром совете Солона: никакого человека нельзя называть счастливым, пока он жив. Кир смутился. Он подумал о пленнике, который стоит перед ним, который совсем недавно был могущественным царем, а теперь — на краю гибели; он подумал о себе, о том, что сейчас он — могущественный царь, а что с ним будет завтра — неведомо;

и он приказал свести Креза с костра, развязать, одеть в богатые одежды и привести к себе. Он посадил Креза рядом с собой и сказал ему:

— Будь, прошу, моим другом и советником.

— Тогда позволь мне дать тебе два первых моих совета,— сказал Крез.

— Говори,— ответил Кир.

— Скажи,— спросил Крез,— что делают сейчас все эти твои воины вокруг нас?

— Разоряют твой город и грабят твои богатства,— ответил Кир.

— Неправда,— сказал Крез,— потому что у меня уже нет ни города, ни богатств. Это твой город они разоряют, и это твои богатства они расхищают. Если хочешь сделать умное дело — останови их.

Кир понял, что его пленник говорит разумно, и сделал так, как тот сказал.

— Ну, а второй совет? — спросил он Креза.

— Второй совет такой,— ответил Крез.— Если ты хочешь, чтобы лидийцы были тебе покорны и никогда не бунтовали, сделай вот что: оставь им их богатства и отбери у них оружие. Пройдет одно лишь поколение, и они настолько изнежатся в богатстве и роскоши, что никогда никому не будут опасны.

— Ну, а для себя, Крез, ты ничего не хочешь? — спросил Кир.

— А для себя я прошу одного,— сказал Крез,— подари мне эти цепи, в которые я был закован, я отошлю их в храм Аполлона Дельфийского и спрошу этого бога, почему его пророчества меня обманули, почему мне была предска-

зана победа и долгое царствование, а постигло меня поражение и смертный костер?

Так Крез и поступил; и цепи его еще долго хранились в дельфийском храме. Но ответ от дельфийских жрецов пришел к нему совсем неожиданный.

— Знай, Крез, сын Алиатта,— писали ему жрецы,— что Аполлон не обманул тебя ни единым словом. Тебе было предсказано, перейдя через Галис, разрушить великое царство — и ты его разрушил, только не мидийское, а свое собственное. Тебе было предсказано лишиться власти, когда над лидийцами воцарится мул,— так и случилось, ибо мул — это царь Кир: его родители — разной породы, мать индийская царевна, а отец — простой перс. Аполлон тебя любит за твои богатые дары, но помочь тебе он ничем не мог: ты — пятый потомок Гигеса, который убил своего царя Кандавла, любителя красоты, и тебе суждено быть наказанным за его преступление. Все, что мог сделать Аполлон,— это отсрочить твое наказание на три года. Поэтому знай, что ты и так правил на три года дольше, чем велено судьбой, и цени это. Прощай!

Сделанного не исправишь, а велений судьбы не проверишь; поэтому Крезу пришлось довольствоваться таким ответом и только дивоваться, как двусмысленно умеет выражаться вещий бог Аполлон.

А почему Кир, царь мидян и персов, оказался назван мулом,— об этом сейчас будет особый рассказ.

РАССКАЗ ВТОРОЙ,

место действия которого — Мидия,
а главный герой — персидский царь Кир.
Царствование Кира: 559-530гг. до н.э.
Взятие Вавилона: 538г. до н.э.

«Итак, лидийцы порабощены были персами. С этого времени повествование наше будет следить за Киром — кто был сей разрушитель Крезова царства, и за персами — как достигли они власти над всею Азиею. Я опишу о том со слов некоторых персов, кои сообщают истинную правду, а не усиливаются прославлять Кира во что бы то ни стало. Ибо мне ведомы еще и три иные сказания о Кире».

Так начинает Геродот свой новый рассказ.

ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ РОЖДЕНИИ И ДЕТСТВЕ КИРА

Начиналось мидийское царство, как мы уже знаем, от реки Галиса. А кончалось оно неведомо где. Все горные народы к северу и востоку от великой долины Тигра и Евфрата признавали власть индийских царей. Но земли эти были скудные, народы эти были бедные, и на все мидийское царство был всего-навсего один город: царская столица Экбатана.

Город Экбатана стоял на высоком холме. Царский дворец был окружен семью стенами. На первой, наружной, стене зубцы были белые, на второй — черные, на третьей — красные, на четвертой — голубые, на пятой — оранжевые, на шестой — серебряные, на седьмой, внутренней,— золотые.

Во дворце жил царь Мидии Астиаг.

У царя Астиага была дочь Мандана.

Однажды ночью Астиагу приснился странный сон. Ему привиделось, что у дочери его Манданы выросла из тела виноградная лоза и покрыла своей сенью всю Азию. Астиаг спросил жрецов, что значит этот сон. Мидийские жрецы назывались магами. Маги посовещались и сказали: «У твоей дочери, царь, родится сын, который отнимет у тебя власть над Азией».

Астиаг испугался. Прежде всего он решил не выдавать Мандану за знатного человека, а выдал ее за простого перса по имени Камбис. Персы были народом, жившим по соседству с мидянами; но мидяне правили, а персы им повиновались. «Никогда сын перса,— думал Астиаг,— не будет править над мидянами».

И все-таки, когда у Манданы и Камбиса родился ребенок, Астиаг опять затревожился. Он вызвал к себе своего советника и родственника, знатного мидянина по имени Гарпаг. Он сказал Гарпагу: «У Манданы родился ребенок. Отбери его, унеси его, умертви его, похорони его: так я приказываю».

«Слушаюсь и повинуюсь»,— ответил Гарпаг.

Но Гарпагу вовсе не хотелось брать на себя убийство неповинного младенца. Он знал, что Мандана ему этого не простит. Он вызвал к себе царского пастуха, бродившего со стадами в мидийских горах, передал ему младенца, завернутого в шитые золотом пеленки, и сказал: «Унеси его в горы, брось его в лесу, а когда он погибнет, покажи мне труп: так велел царь Астиаг».

«Слушаюсь и повинуюсь»,— ответил пастух.

Но пастуху было жалко и страшно убивать младенца. Он принес его к себе в хижину и спросил совета у жены.

А жена его сама только что родила ребенка, но ребенок родился мертвым. Жена сказала мужу: «Возьми и покажи Гарпагу моего ребенка, а царского оставь у нас. Мертвый ребенок будет похоронен в царской гробнице, а живой останется жить».

Так пастух и сделал. И младенец, названный Киром, вырос в пастушеском доме как пастушеский сын.

Прошло десять лет.

Мальчик Кир играл на деревенской улице с другими детьми, своими сверстниками. Игра была обычная: одного выбирали царем, другие должны были его слушаться. На этот раз жребий выпал Киру. И ребята с удивлением увидели, что Кир ведет себя как настоящий царь: одних он назначил своими телохранителями, других домоправителями, третьих осведомителями — никто не остался без поручения.

Один из ребят был не крестьянский сын, а сын царского придворного. «Я не хочу, чтобы мне давал приказы пастушонок!» — крикнул он. «Высечь его розгами за неповиновение царю!» — властно приказал Кир. Ребята с удовольствием выполнили такое приказание. Высеченный мальчик в слезах побежал к отцу — жаловаться на пастушонка.

Отец мальчика направился к царю Астиагу: «Царь, сын твоего раба обидел сына твоего придворного!» Астиаг приказал доставить к нему и Кира, и его отца. Их привели во дворец. Пастух дрожал, мальчик держался прямо и гордо.

«Как ты смел?» — спросил его Астиаг. Кир ответил: «Ребята из нашей деревни выбрали меня царем. Этот мальчик не захотел меня слушаться — я велел его наказать. Разве не так должен поступать настоящий царь?»

Астиаг слушал и слышал, что мальчик говорит не так, как простой крестьянский сын. Астиаг смотрел и узнавал в чертах лица мальчика свои собственные черты. Астиаг молчал. Потом он приказал удалиться всем, кроме пастуха. Пастуха он подозвал к себе. «Чей это сын?» — спросил он, наклоняясь к пастуху. «Мой»,— дрожа, ответил пастух. «Ну, что ж,— сказал Астиаг, откидываясь на спинку царского кресла,— как видно, ты соскучился по моим палачам». И тогда пастух бросился ему в ноги и рассказал ему все.

Царь приказал позвать Гарпага. Увидев пастуха, Гарпаг понял, что отпираться ни к чему. Он сказал правду: «Царь, я боялся прогневить богов и обидеть твою дочь. Поэтому я поручил убить твоего внука вот этому пастуху. А что младенец не был убит и остался жив,— об этом я ничего не знал».

Царь приказал позвать магов. Узнав, в чем дело, маги сказали: «Считай, царь, что все обошлось благополучно. Мальчик стал царем над ребятами — значит, он уже не станет царем над Азией. Предсказание сна исполнилось. Больше твой внук тебе не опасен. Пусть живет со своею матерью в земле персов».

Тогда царь Астиаг встал и произнес такие слова:

«Мальчик Кир, ты — мой внук, сын Камбиса и моей дочери Манданы. Отправляйся к отцу и матери в землю персов, живи и будь счастлив. Пастух, ты ослушался царского приказа, но я тебя прощаю. Возвращайся в свою деревню и помни о моей великой милости. А ты, Гарпаг, пришли ко мне твоего сына, а вечером приходи сам. Мы отпразднуем пиром спасение моего внука».

Пришел вечер, начался пир. Пир этот был страшен. Единственным виновником всего случившегося царь считал

Гарпага и хотел покарать его небывалой карой. Он приказал убить сына Гарпага, разрезать его тело на куски, зажарить и сварить его мясо и накормить им ничего не подозревавшего Гарпага. «Вкусно ли было?» — спросил царь. «Да, государь»,— отвечал Гарпаг. «Тогда посмотри, мой Гарпаг, какую дичину ты ел»,— сказал царь, подавая Гарпагу корзину. В корзине лежала отрубленная голова его сына и отрубленные пальцы его рук и ног. Но Гарпаг нашел в себе силу, чтобы не дрогнуть и не вскрикнуть. Он посмотрел в корзину, посмотрел на царя. «Что мой царь ни сделает — все хорошо»,— промолвил он с низким поклоном.

КАК КИР СТАЛ ЦАРЕМ

Прошло еще десять лет.

Кир уже был цветущим юношей. Он жил в земле персов у своей матери Манданы и отца Камбиса. Персы его любили и рассказывали друг другу сказки о его чудесном спасении.

Однажды к Киру пришел гонец от Гарпага. Гонец вынул из сумы убитого зайца. «Мой господин посылает тебе в подарок этого зайца и просит взрезать его собственноручно и чтобы никто этого не видел».

Кир взрезал зайца. В живот зайца была зашита глиняная табличка с письменами — тайное послание от Гарпага.

«Да хранят тебя боги, как хранили до сих пор, сын Камбиса! Ты ведь знаешь, что ты жив лишь благодаря богам и мне. Астиаг хотел тебя убить. Астиаг убил моего сына. Отомсти Астиагу. Подними персов на восстание, а я сделаю так, что никто из мидян не выступит против тебя. Если ты доверишься мне, то будешь царем Мидии. Не медли».

Кир задумался.

На другой день он созвал всех окрестных персов на большой луг, поросший кустарником, и велел выкосить этот луг от края до края. Косили целый день, все измучились. На следующий день после этого Кир опять созвал всех персов на луг, выставил им для угощенья жареных быков и баранов, выкатил кадки вина. Все ели, пили и восхваляли молодого хозяина. «Скажите,— спросил их Кир,— какая жизнь вам больше нравится, вчерашняя или сегодняшняя?» — «Конечно, сегодняшняя!» — был дружный ответ. «Ну, так вот,— продолжал Кир,— пока мы будем в подданстве у мидян, все мы будем жить по-вчерашнему, если же мы восстанем на мидян и победим, все мы заживем по-сегодняшнему. Идите же за мною, и будем свободны!»

Услышав о восстании персов, Астиаг послал против них мидийское войско. «Боги помрачили его рассудок, и во главе войска он поставил Гарпага, забыв, что причинил он Гарпагу»,— пишет Геродот. Войско Гарпага перешло на сторону Кира. Астиаг был схвачен и закован в цепи.

К пленному Астиагу подошел Гарпаг. «Ты печалишься о своей судьбе,— сказал он злорадно,— а что скажешь ты о судьбе человека, который ел мясо собственного сына?» Астиаг посмотрел на него пристально. «Глуп ты, Гарпаг, и бесчестен,— сказал он.— Глуп, потому что мог сам стать царем, а сделал царем другого человека; бесчестен, потому что мог сделать царем мидянина, а сделал перса. Ну, что же: любуйся, как персы из рабов стали господами, а мидяне из господ рабами!»

Вот так случилось, что мидийское царство стало персидским и царь Кир получил власть над Азией, как предсказывал ему сон Астиага.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

О НРАВАХ И ОБЫЧАЯХ ПЕРСОВ

«О нравах и обычаях персов я знаю следующее,— пишет Геродот.— Ставить кумиры, сооружать храмы и алтари у них не в обычае. Кто это делает, тех они обзывают глупцами,— потому, как мне кажется, что не представляют себе богов человекоподобными, как это делают эллины. Жертвы богам они приносят на высочайших горах, а боги эти — небо, солнце, луна, земля, огонь, вода и ветер. При этом жертвователь совершает молитву, но молится не за себя, а о благополучии царя и всех персов, ибо ведь в числе всех персов находится и он сам.

Изо всех дней персы наибольше чтут день рождения. В такой день люди богатые жарят в печах целиком быка, лошадь, верблюда и осла, бедняки же довольствуются мелким скотом. Хлеба за столом они едят мало, а другой снеди много, и об эллинах, которые поступают наоборот, говорят, что они-де встают из-за стола, не насытившись.

До вина персы великие охотники. Все важнейшие дела свои обсуждают они во хмелю, а окончательно решают на другой день, уже трезвыми. И напротив, если о чем-нибудь они совещаются трезвыми, то решение принимают во хмелю.

Обычаи чужеземцев персы перенимают охотнее, чем какой-нибудь другой народ. Даже платье они носят мидийское, а панцири на войну надевают египетские.

Рынков и базаров у персов нет, и потому города у них строятся без площадей. Говорят, что, когда царь Кир узнал об эллинских торговых обычаях, он сказал: „Никогда не испугаюсь я тех, кто отводит в своих городах особое место

2—5758

для того, чтобы сходиться там, божиться и обманывать друг друга".

Более всего чтут они в мужчине храбрость, а вслед за сим — многодетность. Тот из персов, у кого больше детей, всякий год получает от царя подарки. Ранее пяти лет от роду мальчик не является на глаза отцу, но проводит время среди женщин. Делается это для того, чтобы отец не скорбел по сыну, если тот умрет во младенчестве.

Обучают они детей только трем знаниям: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. Ложь считается у них постыднейшим пороком; а второй после нее порок — иметь долги, тоже потому, что должнику всегда приходится лгать.

Похвальным я нахожу также следующий обычай: ни царь своих подданных, ни другой кто-либо из персов не наказывает своих рабов за единожды совершенный проступок. Только проверивши и убедившись, что виновный совершил много преступлений и что причиненный ими вред превышает все их заслуги, только тогда персы изливают свой гнев.

Все это я знаю достоверно; а о дальнейшем я этого сказать не могу, ибо гласно об этом не говорится. Именно, слышал я, будто труп умершего перса предается погребению не ранее, чем растерзает его птица или собака. О магах я это знаю доподлинно, ибо они это делают открыто. Маги персидские весьма отличны от жрецов других народов. Так, жрецы египетские свято блюдут правило не умерщвлять ничего живого, кроме жертвенных животных; маги, напротив, собственноручно умерщвляют всякое животное, кроме собаки и человека, особенно же муравьев, змей и прочих пресмыкающихся и летающих животных. Но об этом предмете больше незачем говорить, и посему воротимся к прерванному повествованию».

КАК БЫЛИ ЗАВОЕВАНЫ ИОНИЙСКИЕ ГОРОДА

Еще когда Кир собирался идти войной на Креза, он послал гонцов в греческие города, платившие Крезу дань. Он предложил им заключить союз и вместе с двух сторон ударить на Креза. Но греки были осторожны и не ответили ни да ни нет.

Когда Кир победил, а Крез был побежден, греки быстро прислали к Киру послов, поздравили его с победой, заверяя, что они готовы принять его союз. Но Кир ответил им так:

«Есть такая басня. Увидел один человек с берега рыб в море и стал играть на дудке, приглашая их выйти к нему на берег. Но рыбы не шли. Тогда взял он невод, закинул в море и сам их вытащил к себе на берег. Лежали рыбы и бились по песку. А он им сказал: „Когда я вам играл, тогда бы вы и плясали, а теперь уж поздно!"»

Греческие послы поняли намек и разошлись по своим городам с вестью, что Кир уже не согласен на союз, а требует полного подчинения. А Кир разделил свое войско и часть его оставил в Сардах под начальством Гарпага, чтобы завоевывать греческие города, другую же часть увел с собой, чтобы завоевать Вавилон и другие области Азии.

Главных греческих городов на берегу Малой Азии было двенадцать. Жители их называли себя ионянами, а свою область Ионией. С самым большим из этих городов, Милетом, Гарпаг заключил мир и союз, а на остальные пошел войной. Персы воевали не так, как лидийцы. Они брали го-

рода не измором, а приступом: насыпали вокруг города валы выше городских стен, а оттуда ударяли на город. Так были завоеваны один за другим все ионийские города.

Только в городе Фокее жители даже после поражения не пожелали подчиниться персам. Они снарядили пятидесяти весельные корабли, поместили на них детей, жен и весь свой скарб, поставили статуи богов и отплыли прочь, оставив персам пустые дома, храмы и улицы. Выплывая из гавани, они бросили в море большой кусок железа и поклялись священной клятвой не возвращаться в неволю до тех пор, пока это железо не всплывет над водой. Долго странствовали фокейцы и много терпели бед, пока не удалось им приютиться на берегу Италии и основать там новый город.

А Гарпаг, покорив ионян, стал покорять другие народы и народцы Малой Азии.

Он покорил карийцев. Народ этот очень древний, древнее греков, и знаменит тем, что сделал три изобретения, которые позаимствовали у него даже греки: во-первых, султаны на шлемах; во-вторых, знаки отличия на щитах; в-третьих, рукоятки, чтобы держать щит рукою, а не вешать через плечо на ремне, как делалось раньше.

Он покорил кавниев. Это народ, который чтит богов, непохожих ни на чьих других. Некогда кавнии приняли было поклонение чужим божествам, но потом решили вернуться к своим отечественным, и тогда все мужчины, способные носить оружие, вооружились и прошли,ударяя копьями по воздуху, через всю свою землю от границы до границы: «мы выгоняем чужеземных богов»,— говорили они.

Он покорил ликийцев. Это народ, который ведет счет родства по женской линии: если спросить ликийца, кто его

предки, он перечислит в ответ не отца, деда и прадеда, как эллин, а мать, бабку и прабабку. Теперь мы знаем, что такой счет родства был у многих первобытных народов, но Геродот столкнулся с ним только здесь и был чрезвычайно удивлен.

После этого не только царство Креза, но и вся Малая Азия стала принадлежать персам.

КАК БЫЛ ЗАВОЕВАН ВАВИЛОН И КАКОЙ ЭТО БОЛЬШОЙ ГОРОД

Между тем как Гарпаг завоевывал для Кира Малую Азию, сам Кир завоевывал Великую Азию. А в Великой Азии главным городом был Вавилон.

Город Вавилон лежит на равнине и имеет очертания квадрата. Его окружает стена длиною с каждой стороны по сто двадцать стадий, а всего, стало быть, четыреста восемьдесят. «Такова величина города, а устроен он так прекрасно, как ни один известный нам город»,— восхищенно пишет Геродот. Вокруг стены идет ров с водой; когда копали ров, то из вынутой глины тут же делали кирпичи, обжигали их и складывали из них стену, а скрепляли кирпичи горной смолой. Высота стены — двести царских локтей, а царский локоть больше обыкновенного на три пальца. Ширина стены — такая, что по ней может проехать колесница четверней. Ворот в стене ровно сто, и все из меди, с медными косяками и перекладинами. «Стена эта, как панцирь, обнимает город»,— говорит Геродот.

Через город Вавилон течет река Евфрат. Река такая быстрая, что плыть по ней против течения невозможно. Поэтому с верховьев в Вавилон плавают на лодках не деревян-

ных, а кожаных; здесь их складывают, и обратно везут по берегу, навьючив на ослов. Дома в Вавилоне все в три и в четыре этажа, а улицы пересекаются под прямыми углами: одни вдоль реки, другие поперек реки. Через реку перекинут деревянный мост на каменных столбах: утром он настилается, а вечером убирается («чтобы вавилоняне ночью не переходили через реку и не обворовывали друг друга»,— деловито поясняет Геродот). Чтобы поставить в реке эти каменные столбы, пришлось отвести воду из Евфрата, а для этого выкопать за городскою стеною громадный пруд. Сделала это вавилонская царица Нитокрида, мать последнего вавилонского царя.

Царица эта оставила по себе замечательную гробницу у городских ворот. На гробнице надпись: «Кто из будущих вавилонских царей будет нуждаться в деньгах, пусть откроет сию гробницу и возьмет денег, сколько захочет, но без самой крайней нужды пусть никто этого не делает». Ни один царь не трогал эту гробницу до времени Дария, сына Гистаспа, о котором речь впереди. Дарию казалось нелепо, что деньги в гробнице лежат без дела, и он приказал гробницу вскрыть. Но вместо денег нашли там только такую надпись: «Жаден ты и ненасытен, потомок, если ради денег вскрываешь гробницы мертвецов». Вот какова была царица Нитокрида.

Овладеть Вавилоном было трудно, потому что стены его были неприступны, а запасов в городе было сделано на многие годы. И все же Кир нашел способ им овладеть. Вот как он это сделал.

За городской стеной был громадный пруд, куда царица Нитокрида отводила когда-то воду Евфрата. Пруд давно высох. Кир велел повторить то, что сделала Нитокрида, и

прорыть канал от реки до пруда. Вода хлынула в пруд, а Евфрат обмелел. Воды в его русле осталось по бедро человеку. Тогда воины Кира опустились в это русло и по бедра в воде, медленно ступая по илистому дну, неслышно вошли в город. Там они выбрались на набережные и ударили по ничего не подозревавшим горожанам. И пока они расправлялись с жителями окраин, жители серединной части города ничего даже не знали об этом,— так велик был город Вавилон. Они пели и плясали, справляя праздник, пока вдруг не увидели себя окруженными со всех сторон.

Так были завоеваны Вавилон и Вавилония. А страна эта такая богатая, что когда персидский царь собирает со всего своего царства налог на содержание войска, то треть этого налога собирают с одной Вавилонии. Наместнику же этой области достается от нее такой доход, что каждый день он получает полное ведро серебра. Лошадей у вавилонского наместника, не считая боевых, восемьсот жеребцов и шестнадцать тысяч кобылиц. А охотничьих собак столько, что прокорм для них поставляют четыре деревни.

КАКИХ ДВА ХОРОШИХ ОБЫЧАЯ ЕСТЬ У ВАВИЛОНЯН

Первый обычай такой.

У других народов когда люди женятся, то или невеста приносит жениху приданое, или жених платит за невесту выкуп. А у вавилонян — и то и другое сразу.

Делается это так. В каждой деревне раз в год всех девушек на выданье выводят на площадь, а вокруг собираются женихи. Глашатай выводит вперед самую красивую из девушек и спрашивает, кто предложит за нее наибольший

выкуп? Кто предложит, тот и получает ее в жены. Потом берут выкуп за вторую красавицу, за третью и так далее. Наконец, все красивые девушки выданы, остались только некрасивые, за которых никто не хочет давать выкуп. Тогда глашатай выводит вперед самую некрасивую и спрашивает, кто возьмет ее замуж с наименьшим приданым? Непременно найдутся такие, которые ради приданого готовы жениться и на уродливой; кто из них удовольствуется наименьшим, тот и получает ее в жены. Потом выдают таким же образом следующую из некрасивых девушек, потом следующую и так далее. Так выкуп за красивых невест идет в приданое некрасивым невестам: «прекраснейший обычай!» — восклицает Геродот.

Второй обычай такой.

В Греции больниц не было, но врачи были, и даже очень хорошие. (С одним таким врачом мы скоро в этой книге встретимся.) В Вавилоне не было ни больниц, ни врачей, а больные все-таки вылечивались.

Делалось это так. Всех больных выносили на площадь, клали под навес, и каждый прохожий должен был, проходя мимо, расспросить больного о его болезни. Среди толпы прохожих непременно находился кто-нибудь, кто или сам страдал от этой болезни, или видел, как другой страдал. Этот человек и советовал больному то средство, которым или сам вылечился, или видел, как другой вылечился. А пройти мимо больного, не спросивши о болезни, у вавилонян не дозволялось.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

КАК КИР ВОЕВАЛ С МАССАГЕТАМИ И КАКОЙ СМЕРТЬЮ ОН ПОГИБ

Теперь царю Киру были подвластны и низменные земли, где лежала Вавилония, и горные земли, где лежали Лидия, Мидия и Персида. Но он захотел взять под свою власть и степные земли, где за Каспийским морем кочевал конный народ массагеты.

Массагеты не сеют и не жнут, массагеты едят только мясо и рыбу, а пьют только молоко. Массагеты делают себе украшения только из золота, а оружие только из меди, потому что серебра и железа в их стране нет. Стариков массагеты убивают и съедают, и только умерших от болезни хоронят в земле, очень горюя, что не довелось их убить и съесть. Массагеты не знают других богов, кроме солнца, а солнцу приносят в жертву коней: быстрейшему богу — быстрейшее животное. Так пишет о массагетах Геродот.

Правила над массагетами царица Томирида.

Кир послал к Томириде послов, предлагая ей стать его женой. «Но Томирида поняла, что Кир сватается не к ней, а к царству массагетов, и отвергла предложение»,— говорит Геродот.

Тогда Кир повел свои войска к той реке, за которой кончается Персия и начиналась степь, и стал готовить переправу.

Томирида прислала к Киру гонца. Гонец передал такие слова: «Зачем ты хочешь войны, Кир? Ведь исход ее никому не ведом. Царствуй над своим царством и не мешай нам царствовать над нашим. Если же ты непременно хочешь померяться силами, изволь: мы отойдем от реки на три дня пу-

ти, и ты переправишься к нам, или ты отойди от реки на три дня пути, и мы переправимся к тебе».

Кир выбрал первое из предложений царицы. Массагеты отступили, и персы вошли в степь.

Первая битва была не битвой, а резней. Персы разбили стан в степи, разожгли костры, разложили еду, выставили вино, а сами незаметно отступили. Кочевники напали на стан, набросились на незнакомые яства, объелись, перепились, повалились спать. Тут и ударили на них персы: многих перерезали, многих взяли в плен, в том числе и сына царицы.

Томирида опять прислала к Киру гонца. Гонец передал такие слова: «Ненавистный Кир, неужели ты гордишься, что погубил столько моего народу не честной силой, а низкой хитростью? Возврати мне моего сына и уходи из моей страны — иначе, клянусь солнцем, я заставлю тебя вдоволь напиться крови, хоть ты и ненасытен».

Кир не послушался и двинулся дальше в степь.

Вторая битва была самая жестокая из битв, какие бывают между варварами,— говорит Геродот. Стреляли из луков, пока были стрелы в колчанах, бились копьями, когда кончились стрелы, рубились мечами, когда изломались копья. Наконец, массагеты одолели. Все персидское войско полегло в массагетской степи. Томирида заполнила кожаный мешок человеческой кровью и послала отыскать среди павших мертвого Кира. Мертвому Киру она отрубила голову и бросила в мешок. «Напейся досыта, кровожадный Кир!» — сказала она убитому врагу.

Так погиб знаменитый Кир, основатель персидского царства. «О гибели Кира есть и другие рассказы, но этот правдоподобнее всех»,— заканчивает свой рассказ Геродот.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ,

место действия которого — Египет,
а главный герой — персидский царь Камбис.
Царствование Камбиса: 530-522гг. до н.э.
Завоевание Египта: 525 г. до н. э.

Когда великий царь Кир погиб в массагетской земле, властвовать над персами стал его сын Камбис.

Наученный судьбою отца, Камбис не продолжал войны со скифами-массагетами. Он выбрал для завоевания другую страну. Он пошел на Египет.

«О Египте же я буду говорить обстоятельно,— пишет Геродот,— потому что в нем есть очень много достопримечательного: есть несказанно громадные сооружения, больше, нежели в какой-либо другой стране. Для того-то и будет у меня о Египте рассказано подробнее».

О ЕГИПЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ И РЕКЕ НИЛ

У греков было сказание о царевиче Алкмеоне. Его мать из корысти погубила его отца. Мая за отца, Алкмеон убил мать. Тогда Эринии, богини мести, стали терзать его душу и гнать его, измученного совестью, из страны в страну. Оракул сказал Алкмеону: «Ты найдешь покой только в такой земле, которая не была свидетельницей твоего греха». Алкмеон был в отчаянии. Но такая земля нашлась. Это был островок в устье реки Ахелоя. Он вырос из речных наносов и выступил из-под воды уже после того, как Алкмеон совершил свое страшное дело. Намывная земля дала приют и покой изгнаннику-царевичу.

Вот таким же образом, из таких же речных наносов («если только можно с малым сравнивать великое»,— ого-

варивает Геродот), сложилась и египетская земля. Намывная почва дала приют и прокорм большому народу. Египет — дар Нила. Если бы не было Нила, не было бы и Египта. Нил несет с собой столько ила, что еще в море, подъезжая к Египту, за день езды до берега, мореходы бросают в море лот и вытаскивают нильский ил. С каждым разливом Нил оставляет на берегах новый слой ила, и за столетие египетская земля становится выше на целую пядь.

По этому илистому ложу несет свои воды Нил и впадает в море семью устьями: Пелусийским, Мендетским, Буколийским, Себенитским, Больбитским, Саисским и Канобским.

Летом Нил разливается и покрывает почву на день пути влево и на день пути вправо от своих берегов. Города на холмах стоят под синим небом среди пресного моря, как кишащие людом островки, и суда плавают над поверхностью полей. Вода держится сто дней, а потом спадает, оставляя поля, блестящие свежим илом. Низовья Нила — единственное место на земле, где можно собирать урожай, не вспахивая и не вскапывая землю. В ил бросают семена, пускают по ним свиней, чтобы втоптать, и ждут, пока заколосится хлеб. Колосья жнут, везут на ток, пускают по ним свиней, чтобы вымолотить, и мелют зерна в муку тяжелыми круглыми камнями.

А дожди этот нильский ил никогда не смывают, потому что дождей в Египте не бывает никогда.

Почему бывают разливы Нила,— над этим ломали голову умные люди с незапамятных времен. Уже Геродоту рассказывали несколько возможных объяснений. Среди них было и то, которое, как мы знаем, оказалось правильно: Нил разливается оттого, что летом тают снега в африканских го-

рах. Но Геродоту такое объяснение не понравилось: какие же снега в жарких странах? И он выдумал другое, свое собственное объяснение, длинное и сложное, которое мы здесь приводить не будем.

Где находятся истоки Нила,— этого тоже никто не знал. Правда, Геродоту рассказывали, что там, где кончается Египет, по сторонам Нила стоят две горы, Крофи и Мофи, а между ними такой водоворот, что никакой лот не достает дна: здесь-де и находятся истоки Нила, и отсюда он течет сразу и к северу, в Египет, и к югу, в Эфиопию. Но Геродот не особенно верит такому рассказу, потому что каждый корабельщик знает: не в Эфиопию течет Нил, а из Эфиопии, да с такой силой, что только волоком можно вести корабль вверх по течению. От устья Нила до самых дальних эфиопских земель по реке четыре месяца пути, а что дальше, никому не ведомо.

О ЕГИПЕТСКОМ НАРОДЕ, У КОТОРОГО ВСЕ НАОБОРОТ

«Как небо над Египтом особенное и как река их непохожа на другие реки, так подобно этому почти все нравы и обычаи египтян противоположны нравам и обычаям других народов»,— заявляет Геродот.

У других народов мужчины ходят по делам, а женщины хозяйничают дома. У египтян женщины ходят на площадь и торгуют, а мужчины сидят дома, прядут и ткут.

У других народов женщины одеваются богаче мужчин; у египтян мужчины имеют по два платья, а женщины по одному.

У других народов хлеб пекут из пшеницы и ячменя; у египтян такая пища в презрении, а хлеб они пекут из полбы.

У других народов престарелых родителей содержат сыновья; у египтян — дочери.

У других народов тяжести носят мужчины на плечах, а женщины на головах; у египтян — наоборот.

Тесто египтяне месят ногами, а глину — руками.

Челнок на ткацком станке у всех народов ходит снизу вверх, а у египтян — сверху вниз.

Пишут и считают египтяне не от левой руки к правой, а от правой к левой.

Когда умирают близкие, у греков родственники умерших стригут волосы, у египтян — отпускают их, а обычно ходят бритыми.

Тела покойников греки сжигают на костре, а египтяне, наоборот, бальзамируют и стараются сохранить как можно дольше.

Обычай бальзамирования так заинтересовал Геродота, что он пишет о нем особенно подробно. Оказывается, бальзамирование могло производиться по первому разряду, по второму разряду и по третьему разряду: для тех, кто богат, для тех, кто победней, и для тех, кто беден.

По первому разряду покойнику вскрывали живот каменным ножом, вынимали внутренности, прополаскивали полость пальмовым вином, наполняли благовониями, на семьдесят дней тело клали в самородную щелочную соль, пеленали в тонкий холст, укладывали в деревянный гроб, имевший вид человеческой фигуры, а потом стоймя помещали в склеп.

По второму разряду покойнику живот не вскрывали, а только вливали туда кедрового масла, в котором распускаются внутренности, да вымачивали труп в соли, которая

разъедала мясо, а оставшиеся кожу да кости погребали в склепе.

По третьему разряду покойнику очищали живот редечным маслом, вымачивали в соли,— и только.

О смерти же египтяне не забывают никогда, и даже на пирах обносят вокруг стола деревянную раскрашенную куклу, изображающую мертвеца, с надписью: «ешь и пей, но не забудь: и ты будешь таким же».

А как заботятся о себе после смерти египетские цари, строящие пирамиды, о том надо говорить отдельно. Но прежде, чем говорить о царях, следует сказать о богах, потому что боги больше царей.

О ЕГИПЕТСКИХ БОГАХ И ОБ ИХ СВЯЩЕННЫХ ЖИВОТНЫХ

Каждый народ, по рассуждению Геродота, что-нибудь да придумал самый первый. Карийцы, как мы уже знаем, придумали рукоятки на щитах. Вавилоняне придумали солнечные часы и деление дня на двенадцать часов. А египтяне первыми стали чтить богов, придумали имена им, начали строить им храмы и устраивать праздники.

О египетских богах Геродот мог бы сказать много, но старается говорить мало. «Я полагаю, что об этом предмете никто из людей не имеет достаточных знаний»,— благоразумно говорит он.

Любопытнее всего вот что. Геродот убежден, что во всем мире люди почитают одних и тех же богов, только под разными именами. Так, одну и ту же богиню греки называют Афродитой, ассирийцы — Милиттой, арабы — Алилат, ски-

фы — Аргимпасой. Поэтому Геродот спокойно говорит, что в таком-то месте египтяне чтят Зевса, а в таком-то — Геракла, а в таком-то — Гермеса. И нужны старания нынешних ученых, чтобы разобраться, что на самом деле Зевс — это бог Амон, Геракл — это бог Хонс, Гермес — это бог Тот и так далее.

Правда, кое-что при этом Геродота смущало. Например, то, что египтяне изображали своих богов с головами животных. Однако и тут он находит пристойные объяснения. Однажды Гераклу очень захотелось посмотреть на своего отца Зевса. А Зевсу почему-то этого не хотелось. Но Геракл настаивал, и тогда Зевс сделал вот что: он взял барана, отрезал ему голову и, держа баранью голову перед своим лицом, повернулся к Гераклу. С этих самых пор и начали египтяне изображать своего Зевса с головой барана. А баран в том городе, где почитают Зевса, стал священным.

Вообще же священных животных в Египте великое множество, и в каждом городе свои. В Фивах чтут барана, а в Мендете — козла, а в Бубастисе — кошку, а в Гермополе — ибиса, а в Папремисе — гиппопотама, а на Меридовом озере — крокодила, а по всему Египту — быков и коров. Ни один египтянин и ни одна египтянка не поцелуют эллина в губы и не будут есть из его котла и резать его ножом, потому что эллины едят коровье мясо, а египтяне — никогда.

Священных животных египтяне держат в особых загонах, и при них есть особые сторожа, должность которых переходит от отца к сыну. Кто из египтян хочет заслужить милость богов, тот стрижет своему сыну полголовы или всю голову, и сколько весят состриженные волосы, столько он

дает сторожам серебра, а сторожа на это серебро покупают для животных корму.

Из животных, которых чтут египтяне, замечательнее всего крокодил. Из яиц он вылупляется длиною в пядь, а взрослый бывает длиною в семнадцать локтей. У него у одного из всех животных нижняя челюсть неподвижна, а верхняя поднимается и опускается. Живет он в воде, и пасть его полна пиявок; а избавиться от них ему помогает птичка-тиркушка, которой он позволяет бегать по его разинутой пасти и выклевывать оттуда пиявок. Глазки у него свиные и очень зоркие; поэтому когда на крокодила охотятся, то ему прежде всего залепляют илом глаза, и тогда с ним легко справиться, а иначе было бы трудно. А на кого крокодил нападет и погубит, того человека бальзамируют по первому разряду и хоронят с великим почестями.

Одно только животное в Египте не почитается, а презирается: это свинья. Какой египтянин случайно коснется свиньи, тот сейчас же спешит к реке и омывается в ней вместе с платьем. Но и свиней раз в году, в полнолуние, приносят в жертву Осирису («так египтяне называют Диониса»,— поясняет Геродот) и угощаются их мясом. «А почему они так делают,— добавляет Геродот,— о том у египтян есть особый рассказ, но я его сообщать не хочу. Да простят нам боги, что мы и без того столько о них наговорили».

О ЕГИПЕТСКИХ ЦАРЯХ, ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ПОСТРОЙКАХ, ИМИ ВОЗДВИГНУТЫХ, И О МОРЯКАХ, КОТОРЫЕ ВИДЕЛИ СОЛНЦЕ С СЕВЕРНОЙ СТОРОНЫ

Египтяне — самый древний народ на земле, древнее их только фригийцы. Что фригийцы древнее египтян, доказано было вот каким образом. Египетский царь Псамметих решил узнать, какой народ древнее всех. Он взял двух новорожденных младенцев и отдал их на воспитание пастуху-козопасу, взяв с него клятву, чтобы пастух при них не произносил ни слова и только слушал, какое слово первым произнесут они сами. Прошло два года, и пастух доложил: всякий раз, как он входит в свою хижину, дети тянут к нему ручонки и лепечут: «бек, бек!» Тогда царь Псамметих послал по всему миру гонцов, чтобы узнать: у какого народа в языке есть слово «бек»? Оказалось, что есть у фригийцев, и значит оно «хлеб». После этого пришлось признать, что первый по древности народ на свете — это фригийцы, а египтяне — только второй.

Насколько строгонаучно был поставлен этот опыт и у кого могли научиться питомцы козопаса крику «бек, бек», пусть судят проницательные читатели. Мы же добавим только, что две тысячи лет спустя этот опыт попробовал повторить английский король Яков II, и, по его сведениям, первые слова его младенцев оказались древнееврейскими. Как видно, в первом детском лепете можно расслышать сходство с каким угодно языком.

Но и не будучи народом самым древним, египтяне все же остаются народом очень древним. За все существование их царства у них сменилось триста тридцать царей. Это так много, что даже Геродот из них перечисляет не всех, а только некоторых.

Первым египетским царем был Менее. Он объединил Египет, построил вдоль Нила плотины и каналы, и с этих пор Египет стал сушей, а раньше он был никогда не высыхавшим болотом, над которым тучами кружились комары.

После Менеса правил царь Мерид. Этот царь вдобавок к плотинам и каналам построил в Египте водохранилище, которое называется Меридово озеро. В пору разлива вода течет из Нила в озеро, а в сухую пору вода течет из озера на поля. Рыбы в этом озере столько, что, когда спускают воду, царь каждый день выручает от продажи рыбы по пуду серебра. Посредине озера стоят две пирамиды высотой в сто сажен, из них пятьдесят сажен под водой и пятьдесят сажен над водой.

После Мерида правили три царя, которые построили возле Меридова озера самые большие пирамиды. Звали этих царей Хеопс, Хефрен и Микерин. Самую большую пирамиду построил Хеопс. В длину, в ширину и в высоту имеет она по восемьсот футов, а сложена из плит, каждая из которых величиной не меньше тридцати футов. Дорогу, по которой подтаскивали эти плиты, строили десять лет, а самую пирамиду после этого строили двадцать лет. Работали на этой стройке по сто тысяч человек каждые три месяца, а все другие работы в стране были запрещены. На пирамиде есть надпись, что только на редьку, лук и чеснок для рабочих издержано было две тысячи пудов серебра; а сколько на железные орудия, одежду, еду и питье — этого не считал никто.

Хеопс и Хефрен были царями жестокими и постройками своими вконец разорили народ. Микерин был царем

добрым и справедливым, и народ его любил и хвалил. Однако оракул сказал Микерину, что править ему суждено только шесть лет. Микерин обиделся и спросил: почему Хеопс и Хефрен разоряли и мучили народ и все-таки правили по пятьдесят лет, а он и добр и благочестив, но должен править так мало? Оракул ответил: «Ты сам виноват: боги судили Египту бедствовать под злыми царями сто пятьдесят лет; Хеопс и Хефрен делали то, чего хотели боги, и потому правили долго, а ты, Микерин, делал обратное и потому будешь править недолго». Тогда Микерин решил назло богам удвоить срок своей жизни: он перестал спать, каждую ночь зажигал во дворце все огни, пировал, веселился, охотился и жил ночью, как днем, чтобы за шесть лет прожить не шесть лет, а вдвое больше.

После Микерина правил царь Асихис, который тоже построил пирамиду. Она маленькая и сложена из кирпича, но на ней написано: «Не думай, что я хуже каменных пирамид: построить меня было труднее. В озеро погружали шест, к шесту прилипала глина, глину соскребали, делали из нее кирпичи, и из этих-то кирпичей сложили меня».

После Асихиса были смутные времена, и Египтом правили эфиопы. Потом эфиопы ушли, а править Египтом сообща стали двенадцать царей. Эти двенадцать царей построили возле Меридова озера царский дворец под названием Лабиринт. В нем двенадцать больших покоев и три тысячи малых, а сколько между ними коридоров, переходов и поворотов, невозможно сосчитать, и каждый из них блистателен и великолепен на свой лад. Полторы тысячи покоев лежат над землей, и Геродот осматривал их сам, а полторы тысячи покоев лежат под землей, и там похоронены цари и священные крокодилы.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

Двенадцати царям было предсказано, что один из низ низвергнет других с помощью медной жертвенной чаши и медных пришлых людей. Поэтому они зорко следили друг за другом, и все жертвенные возлияния совершали только вместе и только из золотых чаш. Но однажды жрецы ошиблись и вынесли царям для возлияния одиннадцать чаш вместо двенадцати. Тогда один из царей, по имени Псамметих, чтобы не задерживать священнодействие, сорвал с головы медный шлем и совершил возлияние из него. Цари встревожились. Но так как Псамметих сделал это без дурного умысла, его не казнили, а только сослали на берег моря, в болотистый край. Здесь он узнал, что из-за моря только что приплыли греческие пираты в медных панцирях, разоряют и грабят страну. Он понял, что это и есть медные люди, о которых говорил оракул. Он нанял их к себе на службу, победил с ними остальных одиннадцать царей и стал один царем Египта.

А греков в медных панцирях он поселил на египетской земле возле своей столицы. От их потомков и узнал Геродот все, что он рассказывает о Египте.

Псамметих замечательных построек не оставил, а сын его Нехо оставил. Нехо прокопал канал из Нила в Красное море: длина канала — четыре дня плавания, а ширина — такая, что могут разойтись два судна с тремя рядами весел. Строить канал было так трудно, что на работах погибло сто двадцать тысяч человек. Но канал этот Нехо оставил неоконченным, потому что оракул возвестил ему: пользоваться этим каналом суждено не египтянам, а иноземцам. И действительно, достроил этот канал персидский царь Дарий, сын Гистаспа, о котором речь впереди.

Вместо того чтобы достраивать канал, царь Нехо сделал вот что. Он вызвал к себе финикийских моряков — а финикийские моряки лучшие в мире — и велел им отправиться в плавание из Красного моря вдоль берега Африки на юг: чтобы узнать, где кончается Африка. Финикияне отплыли из Красного моря на юг, а через три года воротились из Средиземного моря, с запада. Каждый год они восемь месяцев плыли, а на четыре месяца высаживались на берег, сеяли хлеб и дожидались урожая,— потому что взять запасы на три года сразу было никак не возможно. Возвратившись, они рассказывали, будто видели над собою солнце с севера. Египтяне им не поверили, не поверил и Геродот; а для нас это лучшее доказательство того, что финикийские моряки и вправду побывали в Южном полушарии.

ОБ АМАСИСЕ, КОТОРЫЙ ИЗ ВОРА СДЕЛАЛСЯ ЦАРЕМ

После Нехо в Египте царствовал Псаммис, после Псаммиса Априс, а после Априса Амасис. Этот Амасис был человеком низкого рода, в молодости промышлял воровством и обманом, но царь из него получился едва ли не лучше всех.

Амасис был на службе у царя Априса. Против Априса поднялось восстание. Априс послал Амасиса уговорить повстанцев сложить оружие. Повстанцы знали, что Амасис родом из народа. Они приветствовали его и провозгласили царем. Априс послал гонца к Амасису с приказом немедленно явиться к ответу. Амасис ответил гонцу: «Передай: явлюсь, и не один!»

Априс был разбит в бою, Амасис стал царем. Первое время египтяне его ни во что не ставили, потому что он был

не царского рода. Тогда Амасис сделал вот что. У него была золотая лохань, в которой на пирах во дворце застольники мыли ноги. Лохань эту он велел разломать и из кусков ее отлить золотую статую бога. Статую поставили на площади, и все ее благоговейно почитали. «Смотрите,— сказал тогда Амасис,— такова и моя судьба: сперва вы меня попирали ногами, а теперь пришла пора, чтобы все вы передо мной преклонялись».

Жил Амасис не по-царски: с утра он занимался делами, а вечером, вместо того чтобы чинно пировать, пил, веселился и дурачился с друзьями. «Не к лицу это царю!» — говорили ему придворные. Амасис отвечал: «Каждый стрелок из лука знает: нельзя держать лук всегда натянутым — или тетива лопнет, или лук сломается. Так и с человеком: нельзя заниматься делами все время — или отупеешь, или сойдешь с ума. Надо уметь на время ослаблять тетиву».

Когда Амасис был еще вором, его часто ловили, а он отпирался; тогда обокраденные тащили его к оракулам, и оракулы то признавали, а то и не признавали его вором. Когда Амасис стал царем, он объявил все оракулы, обличавшие его, правдивыми, а все, оправдывавшие его,— лживыми; первые он чтил и одарял богатыми пожертвованиями, вторые ни во что не ставил и никогда не обращался к ним.

Египет при Амасисе процветал и благоденствовал. Амасис издал такой замечательный закон: всякий египтянин должен раз в год докладывать начальнику своего округа, на какие средства он живет; кто не сможет в этом отчитаться, того казнят смертью. Закон этот у него заимствовали даже афиняне — «безукоризненный закон, и афиняне должны бы соблюдать его вовеки!» — восклицает Геродот.

На этого-то Амасиса и собрался в поход персидский царь Камбис.

КАК ЦАРЬ КАМБИС ПОШЕЛ ВОЙНОЙ НА ЕГИПЕТ И КАКОВО БЫЛО ПЕРВОЕ ЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Персидский царь Камбис, сын Кира, попросил у египетского царя Амасиса в жены его дочь.

Пожалуй, Амасис и согласился бы отдать за Камбиса дочь, если бы надеялся, что дети от этого брака будут персидскими царями. Но он знал: никогда не потерпят персы, чтобы над ними правили дети чужеземки. Поэтому ему было жаль отдавать дочь на чужбину. Амасис вспомнил, что у свергнутого им царя Априса тоже была дочь. Он одел эту девушку по-царски и отправил к Камбису как собственную дочь.

Но в первую же ночь невеста сказала Камбису: «Ты думаешь, царь, что я дочь Амасиса, а я — дочь Априса. Амасис моего отца низвергнул и убил, а тебя обманул. Отомсти Амасису за себя и за меня!»

Тогда Камбис собрал войска и пошел на Египет войной.

Путь в Египет был опасен. Он лежал через безводную пустыню. По пустыне кочевали арабы. Камбис попросил помощи у арабского царя. Арабский царь согласился и заключил с Камбисом договор.

Договоры у арабов заключаются так. Двое договаривающихся становятся рядом, перед ними кладут семь камней. Третий человек каменным ножом разрезает руку одному и другому, вырывает клок шерсти из одежды у одного и у

другого и намазывает все семь камней сперва кровью одного, потом другого. Арабы соблюдают такие договоры вернее, чем какой-либо другой народ.

Камбис пошел через пустыню. Арабы подвозили на верблюдах воду для его войска, и переход был благополучен. Камбис вступил в Египет. Царя Амасиса уже не было в живых; против Камбиса выступил его сын Псамменит. Камбис разгромил его войско и взял его в плен.

Геродот сам видел поле этого боя и на нем две огромные груды костей — с одной стороны персов, с другой стороны египтян. Черепа персов были хрупкие и ломкие, черепа египтян — такие твердые, что не разбить и камнем. Объясняли это так: египтяне с детства бреют головы, и черепа их грубеют от солнца, персы же носят длинные волосы и войлочные колпаки, и черепа их поэтому мягкие.

Камбис посадил плененного царя Псамменита на холм и приказал прогнать перед холмом всю толпу пленных, которых персы уводили в рабство. Шли, крича и причитая, девушки, впереди них была дочь царя. Царь смотрел сухими глазами. Шли с веревками на шее юноши, впереди них был сын царя. Царь смотрел, не изменяясь в лице. Но когда погнали пожилых людей и среди них царь увидел одного своего друга, старика, спотыкающегося и подгоняемого копьями солдат, тогда царь громко зарыдал и стал бить себя по голове. «Почему ты не плакал при виде дочери и сына, а плачешь при виде чужого человека?» — спросил его Камбис. «Потому что собственное мое горе слишком велико, чтобы его оплакивать, а горе моего друга достойно самых горьких слез»,— отвечал Псамменит. Камбис был тронут таким ответом и приказал, чтобы персы

относились к Псаммениту с почтением и не делали ему ничего дурного.

Победив египтян, Камбис вступил в их столицу. Первое, что он тут сделал,— это приказал вытащить из царской гробницы набальзамированный труп Амасиса, колоть его копьями, бичевать его плетьми, а потом сжечь его на костре. А это было великим преступлением против персидских обычаев, потому что персы почитают огонь божеством и никогда не оскверняют его мертвыми телами.

Таково было первое преступление царя Камбиса.

КАК ЦАРЬ КАМБИС ПОШЕЛ ВОЙНОЙ НА ЛИВИЮ И ЧЕМ ЭТО КОНЧИЛОСЬ

Завоевав Египет, Камбис хотел идти дальше.

Путей перед ним было три.

Первый путь был через море — на Карфаген. Второй путь был через пустыню — на Ливию. Третий путь был по Нилу — на Эфиопию.

На Карфаген Камбис решил отправить свой финикийский флот. На Ливию — послать пятую часть своего войска. На Эфиопию — двинуться самому со всем остальным войском.

Но поход на Карфаген не состоялся. Карфаген, богатый и сильный заморский город, был основан когда-то финикиянами, и теперь финикияне отказывались идти на своих соплеменников. А кроме финикийского флота, кораблей у Камбиса не было.

А поход на Ливию состоялся. Но конец его был несчастным.

Где кончается зеленая долина Нила, там начинается желтая Ливия. Это пески, пески и пески, а в песках — редкие оазисы. Ближайший оазис называется Аммоновым: здесь храм и оракул Зевса-Аммона с бараньей головой, а у подножья храма — удивительный источник, вода в котором в полдень — ледяная, к вечеру теплеет, в полночь кипит, а к утру опять остывает. Здесь бывают египтяне, и здесь чтут египетских богов. А дальше живут народы, никому не покорные, степные и дикие.

Это насамоны, которые едят сухую саранчу, а когда заключают друг с другом дружбу, то лижут землю. Это псилы, заклинатели змей, которые ходят в поход с копьями наперевес против южного ветра, потому что он засыпает песком их колодцы. Это макки, носящие щиты из страусовой кожи. Это гараманты, у которых быки на пастбище пятятся задом наперед, потому что иначе длинные рога их упираются в землю. Это пещерные эфиопы, которые бегают быстрее всех на свете, питаются змеями и ящерицами, а язык их похож на шипение летучих мышей. Это атаранты, у которых люди не имеют ни имен, ни прозвищ. Это атланты, которые не едят ничего живого и не умеют видеть снов. А дальше к западу, дальше к океану такие племена, которые Геродот уже не может назвать даже по имени.

На эти-то народы и послал пятую часть своего войска Камбис. Отряд вышел из Фив и пошел к оазису Аммона. Но до Аммона он не дошел и в Фивы не вернулся. Говорили, что песчаная буря занесла его в пустыне песком.

Так кончился поход Камбиса на Ливию.

КАК ЦАРЬ КАМБИС ПОШЕЛ ВОЙНОЙ НА ЭФИОПИЮ И КАКОВО БЫЛО ВТОРОЕ ЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Путь в Эфиопию лежал вверх по Нилу. В Эфиопии жил народ рослый и красивый, а царем над собою они выбирали того, кто выше всех и сильнее всех. На этих-то эфиопов и собрался в поход Камбис, но вперед он выслал гонцов-соглядатаев с подарками.

Гонцы явились к эфиопскому царю, поднесли ему пурпурное платье, золотую цепь и кувшин пальмового вина и сказали: «Царь персов Камбис ищет с тобой дружбы и посылает тебе то, что он сам больше всего любит».

Эфиопский царь взял в руки пурпурный плащ и спросил, неужели в персидской земле растет красный лен на полях и красная шерсть на овцах? Послы рассказали, как окрашивают ткани, чтобы они были красивее. Царь задумался и произнес: «Обманчивы люди, которые носят обманчивые одежды».

Потом царь взял в руки золотую цепь и спросил, для чего она служит. Послы ответили: «Для украшения». Царь улыбнулся и сказал: «А у меня в стране такие цепи, только покрепче, носят лишь рабы да преступники».

Потом царь отведал пальмового вина и спросил, до каких лет живут люди, которые пьют это вино? Послы сказали: «До восьмидесяти лет». Царь засмеялся и отвечал: «А у меня в стране люди пьют только молоко и живут до ста двадцати лет».

После этого эфиопский царь взял в руки лук и сказал: «Не послами вы сюда пришли, а соглядатаями, и бесчестен тот, который вас сюда послал: будь он честен, он довольствовался бы тем, что имеет, и не трогал бы тех, кто его не трогал. Передайте же ему этот лук и скажите: пусть не раньше идет он на нас войной, чем научатся его люди натягивать этот лук так легко, как натягиваю я». Сказав это, он натянул тетиву, отпустил тетиву и передал лук послам.

Узнав такой ответ, царь Камбис пришел в ярость и велел своему войску немедленно выступать в поход на эфиопов.

Путь был длинный, а край был скудный. Войско не прошло и четверти пути, как кончились припасы, и стали резать и есть вьючный скот. Войско не прошло и половины пути, как кончился вьючный скот, и стали рвать и есть зелень с полей. А когда кончилась зелень с полей и по сторонам пути до самого небосвода протянулись лишь песок да глина, тогда воины Камбиса сделали страшное дело: по жребию убили и съели каждого десятого из своего числа. Узнав об этом, Камбис испугался, как бы все его воины не поели друг друга, и приказал поворачивать назад.

Когда войско персов, измученное, поредевшее, дотащилось, наконец, до египетской земли, оно увидело в египетской земле небывалый праздник. Повсюду били бубны, выли флейты, трещали трещотки, по улицам двигались, в лад ударяя в ладоши, шествия мужчин и женщин в белых одеждах, а на перекрестках горели костры, и люди ели жареное мясо и пили виноградное вино.

Разъяренный Камбис приказал призвать к себе верховных жрецов и спросил их, как смеют они так ликовать по случаю беды, постигшей его войско?

Жрецы ответили: «Не о твоей беде мы ликуем, а о рождестве нашего бога. Мы чтим бога Аписа, а бог этот есть

бык, и вид у него такой: шерсть черная, на лбу белый треугольник, на спине пятно в виде орла, на хвосте двойные волосы, под языком нарост в виде священного жука. Рождается такой бычок во много лет раз, и тогда ликует весь Египет. Если хочешь, посмотри на него».

Камбис посмотрел на маленького черного теленка, на нетвердых ножках стоявшего перед ним, расхохотался, выхватил меч и ударил теленка в бедро. С жалобным мычанием бычок повалился наземь. «Жалкие твари! — крикнул Камбис.— Разве такие бывают боги: с кровью, с мясом, чувствительные к железу? Правду говорят: каковы люди, таковы у них и боги. Но эта насмешка вам даром не пройдет!» И он отдал приказ жрецов бить плетьми, а празднующих на улицах рубить мечами, никому не давая пощады. Так кончился праздник, и таково было второе преступление царя Камбиса.

КАК ЦАРЬ КАМБИС СОШЕЛ С УМА И КАК ОН ПОГИБ

Вот как случилось, что персидский царь Камбис преступил сначала священные обычаи персов, а потом — священные обычаи египтян: обычаи персов — когда предал огню мертвое тело Амасиса, а обычаи египтян — когда убил священного быка Аписа.

За такое нарушение священных обычаев,— говорит Геродот,— боги и наказали царя Камбиса безумием. И с этих пор преступления его стали следовать одно за другим.

У Камбиса был брат Смердис, человек могучий и сильный. Когда эфиопский царь прислал Камбису свой лук и царь с придворными тщетно пытались его натянуть,

единственным человеком, которому это удалось, был Смердис. С этих пор Камбис возненавидел брата. Смердис был наместником Мидии. Однажды Камбису приснился сон, будто из Мидии явился гонец с вестью: Смердис сидит на царском престоле и головою касается неба. Камбис испугался. Проснувшись, он отправил в Мидию верного человека по имени Прексасп с тайным приказанием: убить Смердиса. Прексасп выполнил поручение: он пригласил Смердиса с собой на охоту и на охоте убил его стрелой в спину.

Все, кто знали Смердиса, жалели о нем. Однажды Камбис устроил для потехи на пиру бой между щенком и львенком. Львенок одолевал. Но тут на помощь щенку бросился, сорвавшись с цепи, другой щенок, брат его, и вдвоем они одолели львенка. Камбис захохотал, а жена его заплакала. «Почему ты плачешь?» — спросил Камбис. «Я вспомнила Смердиса, которому никто не помог»,— ответила жена. Вне себя от злости, Камбис ударил жену ногою в живот. Через несколько дней она умерла.

Даже самые доверенные люди начинали бояться Камбиса. Самым верным из верных был Прексасп, убийца Смердиса. Однажды на пиру Камбис спросил Прексаспа: «Ну, как, Прексасп, хороший я царь или плохой?» Прексасп ответил: «Ты хороший царь, Камбис, только слишком много пьешь вина». Камбис вспыхнул гневом: «Я слишком много пью вина? Посмотрим, не дрожат ли у меня руки! Вон у той колонны стоит твой сын: если у меня дрогнет рука и я не попаду ему из лука в сердце, тогда можешь говорить, что я пьян!» Просвистела стрела, и мальчик Прексаспа упал у колонны замертво. Ему разрезали грудь: стрела

была в сердце. Прексасп низко склонился перед Камбисом и медленно сказал: «Сами боги не стреляют метче, царь».

Прошло немного времени, и вдруг из Мидии пришла странная весть: Смердис не умер, Смердис жив, Смердис объявил себя царем в столичном городе Сузах и требует, чтобы все и всюду подчинялись ему, а не Камбису.

Устрашенный и недоумевающий, Камбис позвал к себе Прексаспа и спросил: «Так-то ты исполнил мое повеление?»

«Будь спокоен, царь,— ответил ему Прексасп,— брат твой Смердис мертв, а мертвые не воскресают. Против тебя восстал самозванец, и я догадываюсь, кто он такой. Есть в Мидии два брата, два мага, один Патизиф, а другой Смердис, тезка твоего брата; этот Смердис еще когда-то был уличен в каком-то преступлении, и твой отец, великий Кир, приказал отрубить ему уши. Вот этот Смердис, думается мне, и объявил себя твоим братом и восстал на тебя».

Царь Камбис приказал тотчас седлать коней и выступать в поход против самозванца. Но тут случилось вот что. Когда Камбис, перепоясанный мечом, вскакивал на коня, у ножен его отвалился наконечник и обнаженный меч ранил его острием в бедро — в то самое место, куда он поразил священного быка Аписа. Рана стала болеть и гноиться, нога стала мертветь, и Камбис понял, что близок его конец.

Тогда Камбис созвал придворных и сказал им: «Боги наказывают меня за мои преступления. Сон мой сбылся: на троне Персии сидит Смердис, но не тот Смердис, о котором я

думал. Прошу вас, персы, об одном: не допустите, чтобы вновь мидяне властвовали над вами, воротите себе власть над вашим царством хитростью или силой». С этими словами он умер.

Царствование его было семь лет и пять месяцев, и детей от него не осталось.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ,

место действия которого — Персия,
а главный герой — персидский царь Дарий.

Царствование Дария: 522-486 гг. до н.э.

КАК ЦАРСТВОВАЛ НАД ПЕРСАМИ САМОЗВАНЕЦ И КАК НИЗЛОЖИЛИ ЕГО СЕМЕРО ЗАГОВОРЩИКОВ

Прексасп был прав: тот Смердис, который объявил себя царем персов, был самозванец, мидийский маг, которому когда-то великий Кир приказал отрубить уши.

Правил этот Смердис семь месяцев, и никто не подозревал обмана, потому что настоящий Смердис убит был тайно и никто об этом не знал, кроме самого убийцы — Прексаспа. А Прексасп молчал, полагая, что выдать тайну никогда не поздно.

Но время шло, и кое-кому начинало казаться странным, почему новый царь никогда не выходит из дворца, никого не допускает к себе и распоряжения свои отдает только через мага Патизифа.

Среди придворных был знатный перс по имени Отана. Дочь его была одной из жен Смердиса — настоящего Смердиса, камбисова брата. Отана спросил дочь: «Не замечала ли ты в своем муже перемен за последнее время?» — «Замечала,— ответила дочь,— он не показывает мне своего лица, приходит ко мне лишь в темноте и не говорит ни слова».— «Тогда во имя своей и нашей чести сделай вот что,— сказал Отана.— Когда он будет спать, откинь ему волосы, ощупай ему уши и передай мне, что обнаружишь». Дочь Отаны так и сделала, а наутро передала отцу, что ушей у ее мужа нет, а есть обрубки.

Тогда Отане стало ясно, что ими правит не брат Камбиса, а самозванец.

Отана созвал к себе шестерых друзей, шестерых знатнейших персов, на которых он мог положиться во всем. Семеро заговорщиков собрались в доме Отаны: сам Отана, Аспафин, Гобрий, Интаферн, Мегабиз, Гидарн и последний — Дарий, сын Гистаспа, дальний родственник царской семьи, только что прибывший из Персии, где был наместником.

Каждый из семерых высказал свое мнение, каждый сказал, что индийского самозванца надо низложить и убить. Но только Дарий, сын Гистаспа, говоривший последним, добавил: «Этого мало. Низложить и убить его мы должны сегодня же и сейчас же. Мы верим друг другу, но кто может сказать о себе, не станет ли он сам завтра предателем? Нас семеро, идемте же всемером во дворец. Нас впустят: я скажу, что принес важные вести из Персии. А там будь то, что суждено!»

Так и сделали.

Когда семеро персов ворвались в царский покой, там были только двое, самозванец и его брат Патизиф. В тесной комнатке началась схватка. Самозванец выскользнул в смежную комнату — полутемную царскую спальню. За ним бросились два перса — Дарий и Гобрий. Гобрий сцепился с магом, и оба покатились по полу. Дарий стоял, не решаясь ударить. «Чего стоишь?» — прохрипел Гобрий. «Боюсь задеть тебя»,— отвечал Дарий. «Все равно: бей!» — крикнул Гобрий. Дарий ударил мечом и пронзил самозванца. Все было кончено.

Узнав о случившемся, персы рассыпались по городу, избивая мидян и особенно магов. Пять дней бушевала столица, «и до сих пор,— говорит Геродот,— у персов этот день

торжествуется как праздник избавления от магов, и жрецы в этот день сидят по домам, ни один не смея показаться на улице».

КАК ЛОШАДЬ ДАРИЯ ВОВРЕМЯ ЗАРЖАЛА

Когда прошло пять дней и волнение улеглось, семеро персов снова собрались у Отаны. Самозванец был низвергнут, законных наследников у Камбиса не было. Нужно было решить: как править государством.

Отана сказал:

— Не нужно царя. Все мы видели безумного Камбиса, все мы знаем, как ужасен произвол самодержца. Кто владеет неограниченной властью, тот неминуемо поддается соблазну пользоваться ею не для общего блага, а только для своего. И несчастны тогда будут все его подданные! Нет: пусть народ сам управляет собой, пусть сам решает все дела на народных собраниях, пусть сам назначает и сменяет должностных лиц: только тогда среди людей воцарится справедливость.

Мегабиз сказал:

— Ты не прав, Отана. Народ невежествен и легкомыслен: он так же глух к добрым советам и так же падок на лесть, как и любой самодержец; не для того мы избавлялись от произвола самодержца, чтобы отдаться произволу толпы. Нет: пусть правят немногие, но лучше — самые умные, самые богатые, самые знатные. У них есть опыт и привычка к государственным делам; править они будут сообща и для всякой задачи сумеют найти лучшее решение.

Дарий сказал:

— Ты не прав, Мегабиз. Такие люди недолго будут править сообща: каждому скоро захочется стать выше других, начнутся раздоры, столкновения и междоусобные войны. Нет: если сравнивать власть народа, власть знати и власть царя, то как самым худшим будет власть дурного царя, так самым лучшим — власть хорошего царя. Как у тела одна голова, так у государства — один властелин; он не даст народу роптать на знать, а знати — угнетать народ; он будет блюсти справедливость среди подданных и сеять страх среди врагов.

Услышав эти речи, четверо остальных персов подумали и согласились с Дарием. Было решено: быть Персии царством, а одному из них царем.

Тогда Отана сказал: «Что вы решили, то решили; но соперничать с вами я не буду, так как не желаю ни быть царем, ни служить царю. Я уклоняюсь от власти с тем, чтобы мне и моим потомкам быть свободными людьми и повиноваться царям лишь настолько, насколько мы сами пожелаем». И шестеро персов одобрили эти слова.

«С тех пор и до этих пор,— пишет Геродот,— единственный дом у персов, свободный от власти царей и послушный лишь власти законов,— это дом Отаны».

Выбрать царя решили так: всем шестерым съехаться наутро в предместье и пустить лошадей вперед: чья лошадь первая заржет, тому и быть царем.

У Дария был хитрый конюх по имени Ойбар. Дарий спросил его: «Можешь ты сделать, чтобы мой жеребец заржал первым?» И Ойбар сказал: «Могу».

У Дариева жеребца была в конюшне любимая кобылица. Всю ночь конюх Ойбар был при этой кобылице, чистил

ее, гладил ее, пока руки его не пропахли ее запахом. Утром на рассвете, когда шестеро персов съехались на конях в предместье, стали рядом и конюхи стали отвязывать им поводья, Ойбар поднес свою руку к ноздрям Дариева жеребца. Конь почуял запах кобылицы, раздул ноздри, вскинул голову и заржал. Тогда пятеро остальных персов один за другим сошли с коней, стали перед Дарием и преклонились перед ним как перед царем.

Так Дарий, сын Гистаспа, стал царем персов. И первое, что он сделал, став царем, было вот что: он приказал изваять и выставить каменного коня и каменного всадника с надписью: «Дарий, сын Гистаспа, получил царскую власть над персами с помощью славного коня и конюха Ойбара».

КАК ИНДУСЫ ДОБЫВАЮТ ЗОЛОТО ДЛЯ ПЕРСИДСКОГО ЦАРЯ

Персы говорят, что Кир был у них — царь-отец, Камбис — царь-господин, а Дарий — царь-торгаш.

Так говорят потому, что при Кире и при Камбисе народы персидского царства приносили царям лишь подарки, какие хотели, а при Дарии стали приносить постоянную и твердо установленную дань.

Геродот перечисляет двадцать податных округов и шестьдесят три народа, плативших персам дань. Перечень этот занимает три страницы. Всего за год в царскую сокровищницу поступало, по подсчету Геродота, 14560 талантов, а талант — это столько, сколько стоит пуд серебра с лишним.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

В царской сокровищнице золото и серебро плавили, расплавленный металл наливали в глиняные сосуды, а сосуды потом разбивали. Получались большие слитки. Когда царю нужны были деньги, топором отрубали часть металла и чеканили из него монеты. На монетах был изображен человек с луком. Греки думали, что это изображение царя.

Больше всего золота притекало в царскую казну из Индии.

Индия — это самая восточная страна, какую знают люди,— сообщает Геродот. Народов там много, и живут они по-разному. Одни живут в болотах, плавают на тростниковых лодках (из одного колена тростника получается целая лодка) и едят сырую рыбу. Другие живут в степях, едят сырое мясо, а своих стариков и старух убивают и съедают, совсем как массагеты. Третьи живут в пустыне, и они-то добывают для персидского царя золото.

Делается это так. В индийской пустыне живут удивительные муравьи. Ростом они с собаку, а норы свои имеют под землей. Копая норы, они задними лапами выбрасывают на поверхность песок, и он кучами лежит у входа в нору. Этот песок — золото. За этим-то песком и ходят в пустыню индийцы. Ходят в жару, когда муравьи сидят по норам. (А жара в Индии не такая, как в Греции, а наоборот: жарче всего с утра, умереннее в полдень и очень холодно вечером.) Ходят с тремя верблюдами, и из них непременно одна — самка, у которой дома остались верблюжата. Набивают мешки золотым песком, садятся на верблюдов и бросаются в бегство. Муравьи выскакивают из нор и несутся вслед, а бегают эти муравьи быстрее всех на свете. Верблюды-самцы от них бы не убежали, но верблюдица-самка, стремясь к покинутым

верблюжатам, убегает, а за ней кое-как поспевают и остальные верблюды. Вот как добывают индийцы муравьиное золото.

Где в этом рассказе правда, а где сказка, разобраться можно. В северной Индии живут большие сурки, роют норы под землей и выбрасывают песок. Это правда. А что песок этот золотой, и что бегают эти звери быстрее верблюдов,— это, конечно, сказка.

ЧТО УЗНАЛ ДАРИЙ О САМОССКОМ ТИРАНЕ ПОЛИКРАТЕ И О ЕГО ИЗУМРУДНОМ ПЕРСТНЕ

Ко дворцу Дария в столичном городе Сузах пришел незнакомый грек. Привратники скрестили перед ним копья. Грек сказал: «Передайте царю Дарию: у него просит приема его благодетель».

Дарий был изумлен. Он велел ввести грека. Грек остановился перед троном и сказал: «Ты не узнаешь меня, царь? Меня зовут Силосонт. Несколько лет назад ты встретил меня в Египте. Ты не был царем, ты был простым копьеносцем у Камбиса. Тебе понравился мой красный плащ, ты хотел его купить. Но я сказал: „Плащ этот я не продам, но если ты хочешь, возьми его в подарок". И ты взял этот плащ. Теперь ты вспомнил?»

Дарий ответил: «Я рад, что вижу тебя, и рад, что могу отблагодарить тебя. Ты оказал услугу простому копьеносцу, но награду ты получишь, достойную царя. Скажи, чего ты хочешь?»

«Остров Самос»,— сказал Силосонт.

«Почему?» — спросил Дарий в недоумении.

И вот что услышал он в ответ.

Остров Самос лежит у берегов Ионии, напротив Милета. Он красив и богат. Три самые большие постройки, какие есть у греков, находятся на Самосе. Первая — храм Геры, величайший из греческих храмов. Вторая — мол-волнолом возле гавани, в триста шагов длиной. Третья — туннель с водопроводом, пробитый в каменной горе, в тысячу шагов длиной, а пробивали его с двух сторон сразу, и сошлись в середине горы почти совершенно точно. (Туннель этот, кстати сказать, существует на Самосе и до наших дней, и нынешние инженеры дивятся ему не меньше, чем древние.)

На острове Самосе правили три брата, три тирана: Поликрат, Пантагнот и Силосонт. В ладу они жили недолго: скоро Поликрат убил Пантагнота, изгнал Силосонта и стал править один. Силосонт бежал в Египет, где и встретился с юным Дарием. А другие знатные самосцы, изгнанные Поликратом, отправились искать на него управу в Спарту.

Самосские изгнанники явились в Спарту и произнесли речь с просьбой о помощи, красивую и длинную. Спартанцам речь не понравилась: здесь любили точность и краткость. Послам ответили: «Начало вашей речи мы забыли, а конца не поняли, потому что забыли начало. Приходите завтра, скажите снова». Самосцы оказались людьми понятливыми. На следующий день они пришли в народное собрание с пустым мешком в руках, встряхнули его перед спартанцами и сказали только четыре слова: «Мешок есть, муки нет». Это значило: Самос цел, но лучшие люди его — в изгнании. Спартанцы для порядка пожурили гостей за многословие — раз мешок в руках, можно было обойтись и двумя словами «муки нет»,— но были довольны такой сообразительностью

и обещали изгнанникам свою помощь. Спартанское войско высадилось на Самосе и осадило столицу Поликрата.

Но оказалось, что справиться с тираном не так-то легко. Народ его любил и ненавидел изгнанников-аристократов. Спартанцы были отбиты. Геродот беседовал с внуками тех спартанцев, которые были на Самосе, и они ему говорили, что более отважных противников, чем самосцы, их деды не встречали нигде. Спартанцы ушли ни с чем.

Поликрат остался единовластным правителем Самоса. Не было на свете более удачливого правителя, чем Поликрат. Флот его плавал по всем морям. Войско его покоряло все города на суше. Афинский тиран Писистрат и египетский царь Амасис были его друзьями и союзниками. Врагом его был только коринфский тиран Периандр, но и тот не мог с ним бороться. Двор его блистал пышностью, и веселый старик Анакреон, лучший греческий поэт, сочинял радостные песни для его пиров и праздников.

И вот однажды Поликрат получил письмо от своего друга Амасиса. Египетский царь, на себе испытавший в жизни и удачи и невзгоды, писал Поликрату: «Друг, я рад твоему счастью. Но я помню, что судьба изменчива, а боги завистливы. И я боюсь, что чем безоблачней твое счастье, тем грознее будет потом твое несчастье. Во всем нужна мера, и радости должны уравновешиваться печалями. Поэтому послушайся моего совета: возьми то, что ты больше всего любишь, и откажись от него. Может быть, малой горестью ты отвратишь от себя большую беду».

Поликрат был грек, а греки больше всего ценили чувство меры. Поликрат понял, что друг его прав. У него был любимый изумрудный перстень в золотой оправе с печатью

изумительной резьбы. Он надел этот перстень на палец, взошел на корабль и выплыл в открытое море. Здесь он снял перстень с пальца, взмахнул рукой и на глазах у спутников бросил его в волны, а потом вернулся во дворец, погруженный в грустную задумчивость.

Прошло несколько дней, и ко дворцу Поликрата пришел рыбак. «Я поймал рыбу небывалой величины и решил принести ее тебе в подарок, Поликрат!» Поликрат щедро одарил рыбака, а рыбу отправил на кухню. И вдруг раб, разрезавший рыбу, радостно вскрикнул: из живота рыбы сверкнул изумрудный перстень Поликрата. Перстень вернулся к своему хозяину.

Пораженный Поликрат написал об этом Амасису и получил такой ответ: «Друг, я вижу, что боги против тебя: они не принимают твоих жертв. Малое несчастье тебя не постигло — поэтому жди большого. А я отныне порываю с тобой дружбу, чтобы не терзаться, видя, как будет страдать друг, которому я бессилен помочь».

И большое несчастье скоро пришло к Поликрату. Его замыслил погубить персидский наместник, правивший в Сардах, по имени Оройт. Он позвал Поликрата в гости, чтобы договориться о тайном союзе: Поликрат поможет Оройту восстать против Камбиса, Оройт поможет Поликрату подчинить себе всех греков. И боги затмили разум Поликрата: он поверил Оройту и собрался к нему в гости. Дочь Поликрата умоляла отца не ездить: «У меня был дурной сон,— говорила она,— я видела, будто ты паришь между небом и землей, и Солнце тебя умащает, а Зевс омывает». Но Поликрат не верил женским снам. «Берегись,— сказал он дочери,— вот вернусь я как ни в чем не бывало

и продержу тебя в девках всю жизнь, за то, что твердишь мне на дорогу недобрые слова».— «Ах, если бы это так и обошлось!» — отвечала дочь.

Оройт казнил Поликрата такой жестокой казнью, что Геродот не решился даже ее описать. Труп Поликрата был распят на кресте, и под солнечными лучами из него выступала влага, а зевсовы дожди смывали с него пыль. Так сбылся сон дочери Поликрата.

Но захватить Самос Оройт не посмел: перейти пролив и напасть на заморскую землю персы еще не решались. На Самосе остался правителем помощник и советник казненного Поликрата по имени Меандрий. Народ его не любил и роптал. Вот у этого-то Меандрия и хотел отбить свой остров Силосонт.

ЧТО УЗНАЛ ДАРИЙ О КОРИНФСКОМ ТИРАНЕ КИПСЕЛЕ, ИМЯ КОТОРОГО ЗНАЧИТ «ЛАРЕЦ», И О СЫНЕ ЕГО ПЕРИАНДРЕ

Выслушав рассказ Силосонта, царь Дарий сказал: «Хорошо: я отдам тебе остров Самос. Но объясни мне одно: ты сказал, что врагом тирана Поликрата Самосского был тиран Периандр Коринфский. Как это случилось? Я думал, что все тираны держатся заодно, иначе им трудно устоять у власти».

Силосонт ответил: «Периандр — тиран особенный. Он не сам захватил власть: власть захватил его отец Кипсел и оставил ему по наследству. Таких тиранов-наследников народ любит меньше, и правят они жесточе. Таков и Периандр».

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

И вот что услышал царь Дарий.

Была у одного знатного коринфянина дочь Лабда. Она была хромая, и никто не хотел ее брать замуж. Поэтому ее выдали за простого крестьянина. У Лабды родился сын. Она послала к оракулу спросить о его судьбе. Оракул сказал:

— Камень тобою рожден, и раздавит он лучших в Коринфе.

Об этом оракуле прослышал отец Лабды. Он посовещался с другими знатными коринфянами: ведь только знатные называли себя «лучшими людьми». Решили, что младенца надо убить. За ним отправились десять человек в ту деревню, где жила Лабда. Посланные сговорились так: кто первый возьмет на руки ребенка, тот и ударит его головой о камень. Молодая женщина радостно вынесла им спеленутого младенца: она думала, что это ее отец захотел увидеть внука. Один из посланных взял младенца на руки и перед тем, как ударить его о камень, заглянул ему в лицо. Младенец тоже взглянул в лицо склонившемуся над ним суровому воину и вдруг раздвинул губки и улыбнулся. У воина дрогнули руки: вместо того чтобы бросить ребенка оземь, он быстро передал его другому и отошел в сторону. Второй посмотрел на малютку и отдал его третьему, третий — четвертому, а когда он дошел до последнего, тот поколебался мгновение и вернул дитя матери. Лабда, недоумевая, взяла ребенка на руки, повернулась и ушла в дом. А десятеро посланных набросились друг на друга, пререкаясь и упрекая друг друга в малодушии. Наконец, решили войти в дом все сразу и умертвить малютку всем вместе. Но Лабда стояла за дверями и слышала их разговор. Она перепугалась и спрятала малютку в ларец. Воины вошли в дом, обыскали все комнаты, но в ла-

рец не заглянули и ушли. Пославшим их они доложили, будто ребенок убит. А ребенок остался жив, и звали его с этих пор «Кипсел», что значит по-гречески «ларец».

Когда Кипсел вырос и узнал о предсказании, полученном при его рождении, он решил захватить власть в Коринфе. На всякий случай Кипсел еще раз обратился к оракулу. Оракул сказал:

— Благословен, о Кипсел, ты и дети твои, но не внуки.

Но Кипсел был молод и о внуках своих не задумывался. Он захватил власть и стал править, как все тираны: знатных людей казнил и изгонял, а простой народ задабривал и поддерживал. Правил он тридцать лет и оставил власть своему сыну Периандру.

Получив власть, Периандр задумался, продолжать ли ему расправу со знатью или уже можно вести себя милостивей. Он послал гонца в Милет — спросить совета у милетского тирана Фрасибула, человека старого и многоопытного. Фрасибул выслушал вопрос, подумал и вдруг сказал гонцу: «Хочешь посмотреть, как у меня хлеба в поле растут?» Ничего не понимая, гонец пошел за Фрасибулом. Фрасибул шагал по полю, помахивая крепким посохом; и где он видел колос повыше и получше, там он метко сбивал его посохом и вминал в землю. Закончив прогулку, Фрасибул сказал гонцу: «Ну, вот, теперь можешь ехать обратно».— «А ответ?» — удивился гонец. «Ответ — все, что ты видел»,— сказал ему Фрасибул. Гонец вернулся к Периандру и недоуменно рассказал ему все, что видел. Периандр понял. И с этих пор он стал так крут и жесток со всеми, кто выделялся в городе знатностью или богатством, что далеко превзошел своего отца Кипсела.

Привычка к казням и расправам тяжела. Периандр постепенно делался вспыльчивым, злобным и подозрительным даже к друзьям. У него была жена Мелисса, дочь соседнего правителя. Периандр ее горячо любил. Однажды в припадке гнева он ударил ее. Она заболела и умерла. Периандр был безутешен. Он похоронил ее прах с царской пышностью, а в гробницу положил лучшие ее украшения и одежды. Ночью Мелисса явилась к нему во сне и грустно сказала: «Мне холодно в царстве мертвых: тело мое ты сжег, а одежды оставил несожженными. А ведь тени человека нужна тень одежды, а не сама одежда!» На следующий день Периандр устроил великий женский праздник в храме Геры. Знатнейшие коринфянки явились в храм в лучших нарядах. И тогда Периандр приказал своей страже храм оцепить, женщин раздеть, и наряды их сжечь на огромном костре, чтобы жене его Мелиссе не было холодно в царстве мертвых.

У Периандра от Мелиссы остался сын Ликофрон. Однажды мальчик гостил в соседнем городе у деда, отца Мелиссы. Как-то раз дед промолвил, глядя на него: «А знаешь ли, мальчик, кто убил твою мать?» Больше он ничего не сказал, но Ликофрон все понял. Вернувшись домой, он перестал говорить с отцом, ходил по дворцу молча, смотрел на всех с ненавистью. Периандр рассердился. Он выгнал сына из дома и под страхом штрафа запретил кому-нибудь принимать его и даже говорить с ним. Исхудалый и оборванный, бродил Ликофрон по улицам Коринфа, питаясь отбросами. Наконец, сам Периандр сжалился над ним и подошел к нему. Он спросил: «Сын, неужели тебе приятнее жить нищим, чем царским наследником? Неужели ты думаешь, что мысль о судьбе твоей матери мне не тяжелей, чем тебе? Перестань упорство-

вать: вернись домой». Но Ликофрон только мрачно посмотрел на отца и сказал: «Теперь, Периандр, изволь сам заплатить штраф за то, что говорил с отверженным».

Есть в Греции остров под названием Керкира. Там живут коринфские поселенцы, но живут сами по себе, независимые от правителей Коринфа. Туда, на Керкиру, отправил Периандр своего сына Ликофрона. Там и жил Ликофрон, пока Периандр не состарился и не прислал к нему послов с просьбой вернуться в Коринф и принять от него власть. Ликофрон ответил: «Пока в Коринфе живет Периандр, ноги моей не будет в этом городе!» — «Хорошо,— написал ему в ответ Периандр,— приезжай в Коринф и правь Коринфом, а я тотчас уеду на твое место в Керкиру и буду править Керкирой». Ликофрон согласился и стал готовиться к отъезду. Керкиряне, узнав об этом, всполошились. Одна мысль иметь своим правителем Периандра приводила их в ужас. И тогда они убили Ликофрона в его доме, а Периандру написали, что сын его умер и что Периандру нет никакой нужды перебираться на Керкиру.

Мстя за смерть сына, Периандр со всем своим флотом пошел на Керкиру войной. Он опустошил остров, выжег поля, захватил в плен триста сыновей знатнейших керкирян и продал их в рабство в Лидию. Когда корабль с юношами-рабами достиг Самоса и самосский тиран Поликрат узнал, откуда и куда плывет корабль, ему стало жаль молодых керкирян. Он передал им совет бежать с корабля и искать защиты в храме самосской Геры. Здесь, под позолоченной крышей храма, они были под покровительством божества, и коринфяне не смели их тронуть. Корабельщики вернулись ни с чем, а юношей самосцы потом отвезли домой на Керкиру.

С этих-то пор и стал Периандр Коринфский заклятым врагом Поликрата Самосского.

О том, как умер Периандр, Геродот не рассказывает. Об этом рассказывает другой греческий писатель. Периандр был стар, одинок и всеми ненавидим. Он боялся, что, когда умрет, граждане разроют его могилу и осквернят его прах. И он решил умереть так, чтобы никто никогда не узнал, где его могила. Он вызвал к себе двух воинов и отдал им тайный приказ: в полночь выйти из дворца по сикионской дороге, первого встречного путника убить и похоронить тут же на месте. Потом он вызвал четверых воинов и отдал приказ: через час после полуночи выйти на сикионскую дорогу, настичь двух воинов и умертвить их. Потом вызвал восьмерых воинов и приказал: через два часа после полуночи выйти вслед четверым и умертвить их. А когда настала полночь, Периандр закутался в плащ, незаметно вышел из дворца и пошел по сикионской дороге навстречу двум солдатам. Была тьма, узнать его никто не мог. Через полчаса он был убит двумя солдатами, еще через час эти двое были убиты четырьмя, еще через час эти четверо были убиты восемью. Так исполнилось последнее желание Периандра: никто никому не мог указать место его могилы.

КАК ВРАЧ ДЕМОКЕД ЛЕЧИЛ ЦАРЯ ДАРИЯ

Дарий выполнил просьбу Силосонта: он послал на Самос персидское войско, остров был завоеван, и Силосонт стал его наместником. До сих пор под власть персов были только греческие города в Малой Азии; теперь под властью персов стали переходить и греческие острова в Эгейском море.

Был в Греции город Кротон, а в Кротоне жил врач Демокед. Отцу Демокеда не нравилось, что его сын занимается не политикой и не торговлей, а лечит людей. Демокед сбежал из дому и уехал на остров Эгину. Здесь он прожил один только год и стал знаменит на всю Грецию. На второй год его пригласили к себе египтяне за талант серебра; на третий год его пригласили к себе афиняне за полтора таланта серебра; на четвертый год его пригласил к себе Поликрат Самосский за два таланта серебра. Когда Поликрат поехал к коварному Оройту, врач Демокед поехал вместе с ним. А когда Оройт казнил и распял Поликрата, врач Демокед был схвачен и обращен в рабство.

Однажды царь Дарий на охоте вывихнул себе ногу. Лучшие персидские и египетские врачи пытались вправить сустав, но безуспешно. Семь дней и семь ночей от боли царь не мог заснуть. Тогда один придворный вспомнил, что в Сардах он слышал о греческом враче по имени Демокед. Послали в Сарды, отыскали Демокеда в толпе рабов наместника-Оройта и как был, в цепях и в лохмотьях, доставили его в царский дворец.

Какими средствами лечил Демокед царя Дария, неизвестно, но прошло немного дней, и царь был исцелен. Дарий не помнил себя от радости. В награду Демокеду он подарил две золотые цепи на шею, такого же веса, какого были железные цепи у него на руках и на ногах. А каждая из царских жен зачерпнула ему из своего денежного ларца полную чашу золотых монет. Золота было столько, что раб, шагавший вслед за Демокедом и подбиравший монеты, которые падали через край, собрал себе большую груду золота. Демокеду отвели богатейший дом в Сузах, Демокеда приглашали обедать к царскому столу, Демокеду дозволяли все, кроме одного: возвращения на родину. А этого-то ему и хотелось больше всего.

Спастись Демокеду удалось так.

V любимой жены Дария Атоссы появился нарыв на груди. Она показала его Демокеду. Демокед обещал вылечить нарыв, если Атосса сделает для него то, что он попросит. Царица поклялась. Нарыв прошел. И тогда Демокед сказал царице, о чем она должна была попросить царя.

Ночью царица сказала царю: «Дарий, супруг мой, ты молод, силен и могуч. Тебе давно пора прославить свое имя великими победами. У меня в свите есть женщины всех народов твоего царства, но нет ни одной греческой женщины. Покори для меня Грецию! Если же ты хочешь сперва узнать получше, с кем придется тебе воевать, нет ничего легче: у тебя есть грек Демокед, пошли его в Грецию соглядатаем, и ты узнаешь все, что тебе нужно».

Вот каким образом в первый раз была подсказана Дарию мысль о походе на Грецию.

Дарий сделал то, о чем его просила жена. Он отправил Демокеда в Грецию соглядатаем и дал ему в спутники пятнадцать персов. Они плыли вдоль греческих берегов от города к городу, запоминая и записывая все, что нужно. Так они достигли Кротона, родного города Демокеда, и здесь Демокед бежал с корабля. Персы уговаривали кротонцев выдать им беглеца, грозили царским гневом и царским войском, но все напрасно. Они вернулись к царю с рассказами и записями о том, что они видели в Греции, но без Демокеда.

А Демокед остался на родине, стал уважаемым гражданином и даже женился на дочери самого знаменитого че-

ловека во всем городе — Милона Кротонского, первого в Греции силача, того, который таскал на плечах быка, одним напряжением жил на лбу рвал веревку, натянутую вокруг головы, и умел, не раздавливая, держать в пальцах гранатовое яблоко так, что никто не мог его вырвать.

КАК ВО ВТОРОЙ РАЗ БЫЛ ЗАВОЕВАН ВАВИЛОН И ЗАЧЕМ ЗОПИР ОТРЕЗАЛ СЕБЕ НОС И УШИ

Отрезать нос и уши — у персов это самое позорное наказание. Недаром так негодовали семеро персов, узнав, что над ними правит самозванец с отрезанными ушами. Но нашелся один перс, который сам себе отрезал нос и уши и которому это принесло не позор, а почет и славу.

Вот как это случилось.

Пока Дарий лечил свою вывихнутую ногу, а войско его завоевывало для Силосонта остров Самос, в самом сердце персидской державы произошло восстание. Восстал Вавилон. Восстание готовилось давно; у вавилонян было оружие, были припасы, квадратные стены были все так же высоки, сто медных ворот были все так же неприступны. Персы пытались повторить хитрость Кира и войти в город по руслу Евфрата, но вавилоняне были настороже, и хитрость не удалась. Осада длилась полтора года, а конца ей все не было видно.

Тогда-то Зопиру и пришла в голову его мысль.

Зопир был сыном Мегабиза, одного из семерых заговорщиков. Зопир был любимым другом царя Дария. И вот Зопир отрезал себе нос и уши, обрил себе голову, исхлестал себя бичом и, весь окровавленный, явился к Дарию. Дарий с

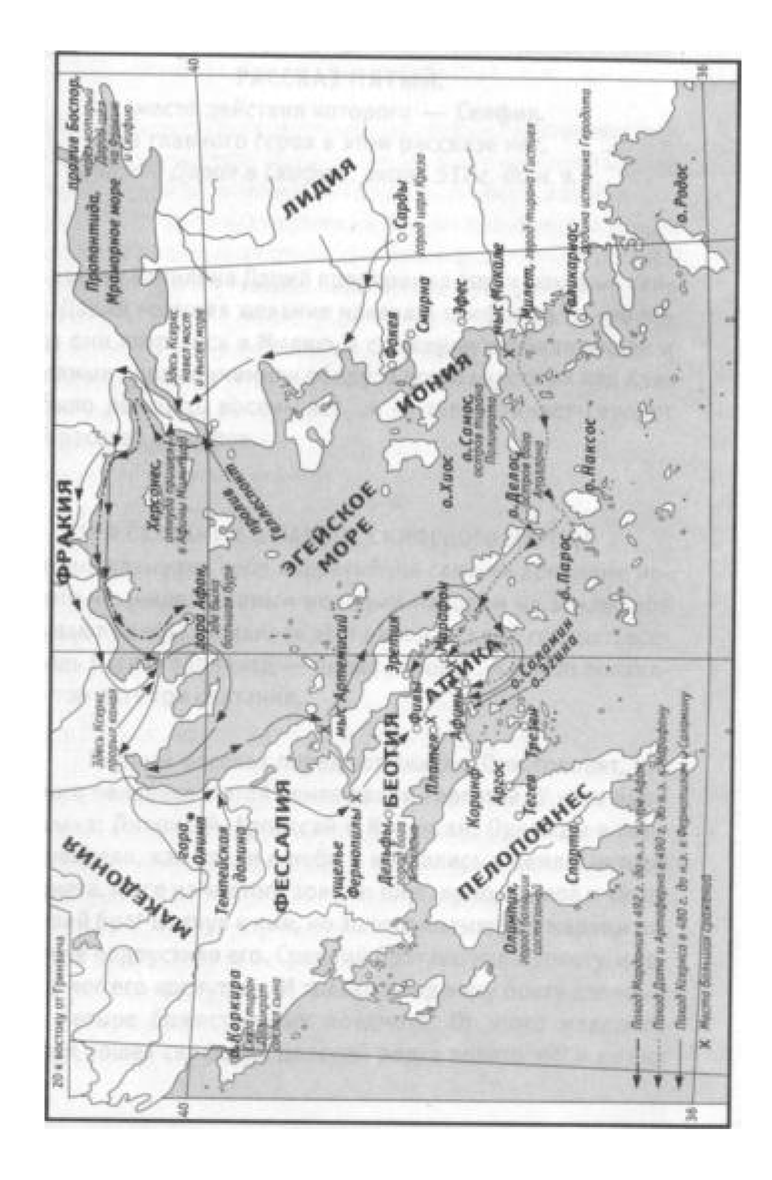
криком вскочил с трона, увидев своего друга. «Не гневайся, царь,— ответил Зопир,— что я не поделился с тобой моим замыслом: ведь тогда бы ты не позволил мне его исполнить. Прошу тебя об одном: не удивляйся, когда увидишь меня во главе вавилонян. И прошу тебя о другом: на девятый день поставь против южных ворот тысячу воинов, которых тебе не жалко; на двадцатый день поставь две тысячи против северных ворот; на тридцатый день поставь четыре тысячи против восточных ворот; а на пятидесятый день прикажи идти на приступ со всех сторон, но лучшие войска поставь у юго-западных ворот. Думаю, что все запоры уже будут у меня в руках».

На следующий день Зопир уже стучался в медные ворота Вавилона. Его впустили. Он сказал: «Я советовал Дарию снять осаду и отойти от Вавилона. Дарий за такой совет приказал меня избить и изуродовать. Но я клянусь, что уродство мое не останется неотомщенным! Все тайные планы персов известны мне, и я это докажу».

Вавилоняне поверили Зопиру: его окровавленное и обезображенное лицо было подтверждением его слов. Через девять дней он сделал вылазку и изрубил тысячу персов; через двадцать — две тысячи; через тридцать — четыре тысячи. После этого никто в городе не сомневался, что в Зопире — спасение Вавилона. Ему доверили начальство над всеми войсками и ключи от всех ворот. И когда через пятьдесят дней Дарий повел свои войска на общий приступ, лучшие его полки нашли перед собой открытые ворота. Город был взят, сто медных ворот — сбиты, могучие стены — срыты, триста знатнейших вавилонян — распяты на крестах. И все это сделала хитрость одного перса, который решился

пожертвовать ради победы не жизнью, а тем, что дороже, чем жизнь,— честью.

Царь Дарий наградил Зопира величайшими наградами, дал ему в пожизненное управление взятый им Вавилон, говорил, что после великого Кира лучший из персов — Зопир. И все-таки не раз он признавался, что ради того, чтобы друг его не был обезображен так ужасно, он был бы рад отдать не один, а двадцать Вавилонов.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ,
место действия которого — Скифия,
а главного героя в этом рассказе нет.
Поход Дария в Скифию: около 512г. до н.э.

«По взятии Вавилона Дарий предпринял еще и поход на скифов. Дарий возымел желание наказать скифов за то, что некогда они вторглись в Мидию, в сражении разбили мидян и тем самым первые учинили обиду; а всего власти их над Азией было двадцать восемь лет...» — так начинает Геродот свой рассказ о скифах.

ТРИ СКАЗАНИЯ О НАЧАЛЕ СКИФСКОГО НАРОДА

Египтяне называют себя и фригийцев самыми древними народами на земле. А самым молодым народом на земле себя называют скифы. Появился этот народ на свет, говорят, всего лишь тысячу лет назад,— пишет Геродот. А как он появился, о том есть три сказания.

Первый рассказ передают скифы. Они говорят, что первого человека в этой земле звали Таргитай. У него было три сына: Липоксай, Арпаксай и Колаксай. Однажды в поле они увидели, как упали с неба и врезались в землю четыре предмета, и все из чистого золота: плуг, ярмо, секира и чаша. Старший брат шагнул к ним, но золото полыхнуло жарким огнем и не подпустило его. Средний брат шагнул к золоту, и тоже не мог его коснуться. И только младшему брату дались в руки четыре божественных предмета. От этого младшего брата и пошел скифский царский род, а золото это и до сих

пор хранится в этом роду. Хранят его нарочно приставленные люди; спать они должны не под открытым небом, а только в палатке с сокровищем. Кто из них заснет под открытым небом, тот дольше года не проживет; поэтому скифы его не наказывают, а, напротив, дают ему столько земли, сколько можно обскакать за день, чтобы последний свой год жил он в довольстве и счастии.

Второй рассказ передают греки, живущие на Черном море по соседству со скифами. Про золото, упавшее с неба, они ничего не говорят, а рассказывают, будто бы Геракл, возвращаясь из дальнего странствия, забрел в Скифию и здесь встретил удивительную женщину, которая выше пояса была женщина, а ниже пояса — змея. Женщина эта родила ему трех сыновей; а Геракл, уходя, оставил ей свой лук, приказав: кто из троих сможет натянуть этот лук, тому и властвовать над этой страной. Только младший брат и смог натянуть Гераклов лук; от него-то и пошел скифский народ. А от братьев его пошли народы соседние — агафирсы и гелоны.

Третий рассказ передают как скифы, так и греки, и Геродоту он кажется самым правдоподобным. Говорят, что скифы издавна жили в Азии, рядом с массагетами, а у Черного моря жил тогда другой народ, киммерийцы. Потом массагеты потеснили скифов, а скифы потеснили киммерийцев, а киммерийцы бросились от них на юг, за Кавказ, в Малую Азию, а скифы бросились их преследовать, но сбились с пути и вместо Малой Азии вторглись в Мидию; вот за это-то и хотел отомстить им царь Дарий. Отправляясь преследовать киммерийцев, скифы оставили в захваченной стране только жен да рабов, а чтобы рабы не

взбунтовались, всем им выкололи глаза. Но преследование затянулось на двадцать восемь лет; покинутые жены соскучились, взяли себе любовников из слепых рабов, родили от них сыновей, зрячих и сильных; и когда скифы вернулись из Мидии, эти юноши вышли против них и преградили им дорогу в свой край. Ни в конном, ни в пешем бою не удалось скифам одолеть своих соперников. Тогда один из скифов сказал: «Мы забыли, что перед нами не враги, а рабы и дети рабов. Отложим луки и копья, возьмем бичи и розги, и они побегут перед нами». Скифы поскакали вперед, размахивая бичами, и молодежь дрогнула перед ними, побежала и покорилась.

С тех пор скифы постоянно живут в степи над Черным морем, а живут они четырьмя племенами: скифы-пахари, которые сеют хлеб и едят хлеб; скифы-земледельцы, которые сеют хлеб, но не едят, а продают; скифы-кочевники, которые не сеют хлеба, а разводят скот, и царские скифы, которые властвуют над всеми.

О НРАВАХ И ОБЫЧАЯХ СКИФОВ

Степь над Черным морем велика, и скифы кочуют по ней из конца в конец. У них нет ни городов, ни деревень, шатры их стоят на повозках, они снимаются с места, когда хотят, и останавливаются, где хотят. Они неуловимы. Царю Дарию вскоре пришлось это испытать.

Много или мало скифов скитается по степи? Их никто не считал. Однажды скифский царь захотел узнать, сколько у него подданных, и приказал, чтобы каждый скиф принес ему наконечник боевой стрелы. Перед цар-

ским шатром выросла груда бронзовых наконечников. Сосчитать их царь не смог. Тогда он приказал собрать их и отлить из них бронзовую чашу. Чаша получилась вместимостью в шесть амфор, а толщиной в шесть пальцев. Геродот сам видел, как она высится посреди степи между Днепром и Бугом.

Когда скифы делают привал, они жгут костры. Дров в степи нет. Скифы убивают быка, отделяют мясо от костей, вынимают желудок, наливают туда воды, кладут в воду мясо, из костей раскладывают костер и варят мясо в бычьем желудке над костром из бычьих костей.

Когда скифы устают, они дают телу отдых в бане. Бани у них не водяные, а паровые. Разбивают шатер, в шатер ставят котел, в котел бросают раскаленные камни, на камни сыплют зерна скифской конопли; поднимается такой дым и пар, что в шатре ничего не видно. «Скифы наслаждаются такой баней и вопят от удовольствия»,— свидетельствует Геродот.

Главное занятие скифов — война. Воюют непрестанно и неустанно. Кто больше убил врагов, тому больше почета. Кто не убил ни одного врага, того обносят вином на пиру, и для скифа нет тяжелее позора. С убитых врагов снимают скальпы и вешают на уздечку лошади. Самым ненавистным из врагов разрубают голову и из черепа делают чашу для вина. Бедняки оправляют эти чаши в бычью кожу, а богачи — в золото.

Когда война кончена, племена заключают мир. У каждого народа свой обычай заключать договор. Мидяне разрезают друг другу руки и сосут друг у друга кровь. Арабы намазывают этой кровью семь камней перед собой. Скифы це-

дят кровь в вино, окунают в вино меч, стрелы, секиру и копье, а потом это вино пьют. При этом они молятся Зевсу, богу неба, и Гестии,*богине очага. Гестию по-скифски зовут Табити, а Зевса — Папай: «и, по-моему, зовут совершенно правильно»,— загадочно замечает Геродот.

Когда скифский царь заболевает, он зовет гадателей и спрашивает, кто наслал на него болезнь. Гадатели садятся у очага, раскладывают и перекладывают перед собою гадательные прутики, и наконец объявляют, что виноват такой-то человек, который-де дал ложную клятву, поклявшись здоровьем царя. Названного человека призывают; он отпирается; тогда зовут новых гадателей, числом вдвое больше; если они подтвердят обвинение, человека казнят, если нет, казнят первых гадателей.

Когда царь все-таки умирает, то хоронят его так. Тело его потрошат, набивают душистой травой, покрывают воском, кладут на телегу и везут по всей Скифии от племени к племени. Каждое племя поднимает плач, люди стригут волосы, царапают лица, протыкают себе стрелами руки. Наконец, труп привозят на дальний север Скифии, где кончается степь и начинаются леса. Здесь роют могилу, кладут в нее труп на соломенной подстилке меж двух копий, убивают над могилой царского коня, царскую жену, слугу, виночерпия, повара, конюха, вестника, кладут их в могилу, чтобы они служили царю на том свете, и насыпают над могилой курган как можно выше. А на следующий год собираются к этому кургану, выбирают пятьсот коней из царского табуна и пятьдесят юношей из царской свиты, убивают их одного за другим, делают из их тел чучела и на деревянных столбах расставляют вокруг кургана. И долго

потом окружает царский курган эта страшная мертвая карусель.

Таковы нравы и обычаи скифов. Держатся они за свои обычаи стойко и крепко. Рядом с ними на берегу моря стоят греческие города — Ольвия, Херсонес, Танаис,— но греческих обычаев скифы перенимать не хотят. Был один только скифский царь, которому понравилась греческая жизнь. Его звали Анахарсис. Он ездил по Греции, беседовал с мудрецами, удивлял самого Солона своими разумными и здравыми суждениями. Греки долго помнили его и его меткие слова. Один афинянин попрекал его варварской родиной. Анахарсис ему ответил: «Мне позор моя родина, а ты позор твоей родине». Вернувшись в Скифию, он продолжал молиться греческим богам и на греческий лад. Когда это заметили скифы, его убили.

Вот такой был народ, на который пошел войною царь Дарий, сын Гистаспа.

КАК ЦАРЬ ДАРИЙ ПОШЕЛ НА СКИФИЮ

Чтобы ударить на скифов, персам нужно было переправиться из Азии в Европу. Между Азией и Европой лежат два пролива, Дарданеллы и Босфор, и между ними маленькое Мраморное море. Греки называли Дарданеллы «Геллеспонт», что значит «море Геллы» — кто помнит миф о плавании аргонавтов за золотым руном, тот знает, кто такая Гелла. Мраморное море называлось «Пропонтида», «Предморье» — потому что за ним открывается выход в настоящее, большое море — Черное. А Босфор почти так и назывался — «Боспор», и означает это попросту «Бычий брод», потому что

пролив этот очень узок. Через этот узкий пролив и навели греческие мастера из ионийских городов широкий мост для персидского войска.

Персы привыкли жить среди гор и равнин. Дарий впервые увидел здесь море. Пока его воины, отряд за отрядом, шагали по прогибающимся бревнам боспорского моста, Дарий стоял на берегу и смотрел на Черное море.

Не все знают, что Черное море назвали Черным именно персы. Греки его называли иначе. По-персидски «Черное» будет «ахшайна». Грекам это показалось похоже на их слово «аксейнос», «негостеприимный». Но называть море «негостеприимным» — дурной знак для моряков; и греки переименовали его в «Гостеприимное море», «Понт Эвксинский». Так они зовут его и посейчас.

За Боспором лежала Фракия, дикая и воинственная страна. Когда гремят грозы, фракийцы стреляют из луков прямо в небо, чтобы укротить непогоду. У фракийцев один бог, и зовут его Замолксис. Фракийцы не молятся своему богу, а посылают к нему гонцов. Раз в пять лет они выбирают по жребию человека, подбрасывают его за руки и за ноги в воздух и подхватывают на острия копий. Если человек умирает, то душа его отправляется прямо к богу Замолксису и передает ему поручения от фракийского народа. Если человек не умирает, это значит, что он дурной человек и неугоден богу, и тогда на копья бросают другого гонца.

Дарий не стал покорять Фракию: он оставил это на обратный путь. Он провел свое войско через Фракию, не останавливаясь. За Фракией широкой полосой, так что с берега не видно берега, тек Дунай. За Дунаем начиналась Скифия. Через Дунай уже наводили мост греческие мастера.

Для охраны моста Дарий оставил греческие отряды, присланные ионийскими городами. Вождям их он вручил длинный ремень. На ремне он завязал шестьдесят узлов. «Каждый день развязывайте по узлу,— сказал он грекам,— и когда будут развязаны все узлы, оставьте мост и расходитесь по домам: это значит, что я уже разбил скифов, и обратный путь они мне устроят сами».

И семисоттысячное войско Дария потянулось через мост в неизведанную даль скифских степей.

КАК ЦАРЬ ДАРИЙ ПОЛУЧИЛ ОТ СКИФОВ ПТИЦУ, МЫШЬ, ЛЯГУШКУ И ПЯТЬ СТРЕЛ

Когда скифский царь Иданфирс узнал, что на него идет через Дунай персидский царь с огромным войском, он созвал на большой совет все окрестные народы.

Пришли тавры, которые живут на берегу моря и каждого попавшего к ним чужестранца приносят в жертву богам. Пришли невры, про которых говорят, что каждый невр раз в году на несколько дней оборачивается волком. Пришли агафирсы, у которых все жены общие, чтобы все люди были родней друг другу. Пришли андрофаги, питающиеся человечьим мясом. Пришли меланхлены, одетые в черные ткани. Пришли будины, чья пища — сосновые шишки. Пришли савроматы, у которых женщины бьются на войне рядом с мужчинами и ни одна девушка не выходит замуж прежде, чем не убьет в бою врага.

Не пришли только самые дальние народы, потому что слишком долог был до них путь: йирки, лазающие по деревьям, аргиппеи, с которыми нужно говорить через семерых переводчиков, исседоны, у которых сыновья поедают трупы отцов, гиппомолги, пьющие кобылье молоко, аримаспы, которых зовут одноглазыми, потому что у них один глаз всегда прищурен. А за аримаспами уже начинались сказочные земли, где в горах грифы стерегут от людей золотые глыбы, а за горами живут люди, которые спят по шесть месяцев в году.

На совете решали: выступать на персов или отступать перед персами?

Оказалось, что и северные дикари кое в чем похожи на греков и другие народы: соседи скифов отказали им в помощи. Их послы заявили: «На Мидию первыми напали вы, а не мы; и теперь боги воздают вам мерой за меру. Мы же не будем вмешиваться, пока персы сами не тронут нас».

Тогда царь Иданфирс приказал своим скифам отступать в глубь степей, выжигать за собою траву и засыпать колодцы и источники.

Персидское войско тяжелой громадой тянулось за скифскими кибитками по выжженному следу. Скифы держались на один лишь день пути впереди, но настичь их было невозможно. Скифские всадники показывались на горизонте то справа, то слева, но исчезали, как только персы поворачивали к ним. Так прошли два войска друг за другом всю скифскую степь с запада на восток, а потом с востока на запад. Давно прошли шестьдесят дней, а потом еще шестьдесят, но победа над скифами была все так же далека. Персы измучились и изголодались. Наконец, Дарий послал к царю Иданфирсу гонца с такими словами: «Зачем ты убегаешь от меня? Если ты силен — остановись, и померяемся силами в бою. Если ты слаб — остановись, и пришли ко мне послов

с землей и водой». Принести землю и воду — у персов это значит: признать себя покоренным.

Скоро от Иданфирса пришел ответ. «Я не знаю, силен я или слаб,— отвечал Иданфирс,— я знаю только то, что здесь я в своей земле, и кочую, как привык в ней кочевать. У нас нет городов и полей, все наше добро при нас, и сражаться нам с вами не из-за чего. А тебе я посылаю подарок, какого ты достоин: птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Что это значит, пойми сам».

Персы задумались.

Дарий сказал: «Скифы признают себя побежденными. Мышь живет в земле, лягушки в воде, птица в воздухе — все это они передают нам, и вместе с этим выдают свое оружие».

Но Гобрий, советник Дария, один из семерых заговорщиков против мага, сказал: «Ты не прав, царь. Скифы считают себя победителями. Они говорят нам: если вы не скроетесь в небо, как птицы, или в землю, как мыши, или в воду, как лягушки, то все вы погибнете от наших стрел».

Дарий встал, вышел из шатра, увидел вокруг себя дымные костры своего стана, обессиленных, вповалку спящих возле них своих солдат, увидел на горизонте скачущие черные фигурки скифских всадников со всех сторон и понял, что Гобрий прав.

Ночью персы всем войском неслышно собрались и покинули свой стан. В стане остались лишь горящие костры да привязанные мулы. Скифы видели огни костров, слышали рев мулов. Их лошади вздрагивали: ослы и мулы в холодной Скифии не водились, и рев их пугал лошадей. Только наутро скифы увидели, что персидский стан был пуст.

Тогда скифы собрали войско и погнали коней вперед. Но скакали они не вдогон персам, а вперегон — туда, где был перекинут мост через Дунай, охраняемый отрядами греков из ионийских городов.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С МОСТОМ НА ДУНАЕ

На ремне царя Дария были завязаны шестьдесят узлов. Греки, оставшиеся сторожить мост, развязывали их шестьдесят дней. Срок прошел, но греки не покидали моста. Они понимали, что война со скифами не так легка и быстра, как думал царь Дарий.

К дальнему концу моста подскакали скифы. «Персы не возвращались? Они и не возвратятся. Снимайте охрану, возвращайтесь по домам и наслаждайтесь свободою, за которую благодарите богов и скифов. Если ваш царь и уцелеет, он долго еще ни на кого не пойдет войной!» Так крикнули скифы. И всадники вновь ускакали в степь.

Греки устроили совет. Здесь было двенадцать человек — двенадцать тиранов из двенадцати городов со своими отрядами. Среди них было двое, которые будут героями наших следующих рассказов: афинянин Мильтиад, тиран Херсонеса (что на Геллеспонте), и ионянин Гистией, тиран Милета.

Мильтиад сказал: «Сделаем то, о чем сказали скифы. Царь погибнет, персидская власть ослабнет, и наши города снова будут свободными».

Гистией сказал: «Нет. Царская власть падет, но падет и наша власть: города будут свободными, и ни один из них не захочет терпеть над собой тирана. Наша опора — в персах, будем ожидать царя».

Двенадцать вождей согласились с Гистиеем. Решили сделать вот что: часть моста со стороны скифов разрушить, а остальную часть оставить. Тогда и скифы поверят, что греки заодно с ними, и царь убедится, что греки верны ему.

Прошло немного дней, и из глубины степи на берег Дуная потянулось поределое царское войско. Оно с трудом ускользнуло от преследования скифов. Когда передовые воины вышли к берегу, была ночь. Мост искали ощупью, при свете факелов, по колено в воде. Моста не было. Началось смятение. Каждый понимал: если греки ушли, разрушив мост, то отступать дальше некуда: завтра нагрянут скифы, и все будет кончено.

Персов спас громкий голос одного человека. В свите Дария был египтянин, умевший кричать, как никто. Он встал на краю берега, приложил руки ко рту и громовым голосом крикнул: «Гистией! Гистией! Гистией!» Его голос перелетел бескрайний Дунай и донесся до греческого берега. Его услыхали. Вспыхнули огни, забегали люди, лодка с Гистиеем поплыла навстречу царю. На следующий день мост был восстановлен, и остатки Дариева войска, изможденные и оборванные, покинули скифскую землю. Скифы, верхом на конях, смотрели на это с окрестных холмов. «Если ионяне свободные люди, то нет людей их трусливее; если ионяне рабы, то нет рабов их преданнее»,— сказали скифы.

Так кончился поход Дария на скифов. Царь не стал задерживаться в Европе. Он переправился через Боспор и поскакал в свою столицу, в Сузы. На европейском берегу он оставил своего друга Мегабаза с войском: держать в покорности землю по сю сторону Дуная.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

КАК МЕГАБАЗ ДОДЕЛЫВАЛ ТО, ЧЕГО НЕДОДЕЛАЛ ДАРИЙ

Земли по сю сторону Дуная — это были три области: Фракия', Пеония, Македония. Дарий по пути в Скифию оставил их непокоренными. Покорять их пришлось Мегабазу.

Мегабаз был хороший полководец и преданный Дарию друг. Однажды царь Дарий ел гранат. Его брат спросил его: «Чего бы ты хотел иметь столько же, сколько зернышек в гранате?» Дарий ответил: «Таких друзей, как Мегабаз».

«Фракийский народ после индийского самый многолюдный на земле,— пишет Геродот.— Если бы этот народ находился под единым правителем или если бы фракийцы жили в согласии между собой, то, по моему мнению, одолеть их было бы невозможно. Но жить в согласии они не умеют вовсе, и через то самое они бессильны». Вот почему Мегабаз покорил фракийцев, как они ни были воинственны, без большого труда.

У фракийцев есть странные обычаи. Другие народы радуются рождению детей и оплакивают смерть стариков. Фракийцы — наоборот. Вокруг новорожденного садится вся семья и плачет о том, сколько несчастий придется ему перенести в жизни. А вокруг умирающего радуются, веселятся и поздравляют его с тем, что он избавляется, наконец, от жизненных бед.

Каждый день своей жизни фракиец отмечает камешком: счастливый день — белым, несчастный — черным. Когда он умирает, эту груду камешков разбирают, подсчитывают черные и белые и решают, был ли покойник человеком счастливым или несчастным. «Чудаки! — замечает

об этом один древний писатель.— Откуда они знают, не был ли день, который они считают счастливым, началом многих будущих несчастий?»

За Фракией лежала Пеония. О пеонах рассказывают, что они однажды удивительным образом победили жителей соседнего греческого города. Пеоны спросили оракул, нападать ли им на греков? Оракул ответил: «Если враг позовет вас по имени — нападайте, если нет — не нападайте». Пеоны вызвали греков на три поединка: человек с человеком, конь с конем, собака с собакой. Остальные стояли и смотрели: пеоны с одной стороны, греки с другой. Уже греческая собака загрызла вражескую и греческий конь побил вражеского. Радостные греки запели пеан Аполлону. Пеан — это хвалебная песнь, а припев в ней — старинные слова, которых не понимали сами греки: «Иэ, пэан, иэ, пэан, иэ, пэан!» Пеонам послышалось в этом припеве имя своего народа; они переглянулись и, решив, что исполнилось указание оракула, ударили на ничего не ожидавших греков. Так одержали они победу.

В Сардах жили два брата пеона, у них была сестра. Однажды они послали сестру по воду в то самое время, когда на площади правил суд царь Дарий. Девушка шла и делала разом три дела: вела коня на водопой, несла кувшин на голове и пряла лен, вращая руками веретено. Дарий изумился: он не привык видеть таких трудолюбивых женщин. Он призвал к себе ее братьев и спросил: «Все ли у вас в стране так трудолюбивы?» Братья ответили: «Все». Тогда Дарий послал приказ Мегабазу: страну пеонов покорить, а народ пеонов переселить в Азию, чтобы азиатские народы учились у них трудолюбию. Мегабаз выполнил все, что было приказано.

За Пеонией лежала Македония. Это был уже народ почти греческий, а цари в нем считали себя настоящими греками. О себе они рассказывали так. Некогда из Греции бежали в Македонию три брата-подростка и нанялись в пастухи к тогдашнему македонскому царю. Старший пас лошадей, средний — быков, а младший, которого звали Пердикка,— овец. Времена тогда были простые, и царская жена сама пекла для пастухов хлеб. Вдруг она стала замечать, что кусок, который она отрезала Пердикке, всякий раз сам собой увеличивался вдвое. Она сказала об этом царю. Царь встревожился и решил пастухов прогнать. Юноши потребовали заработанных денег. Царь пришел в ярость, показал на солнце и крикнул: «Вот вам плата!» Времена были бедные, царское жилище было простой избой без окон, солнечные лучи скупо проникали в нее через дымовую трубу и светлым пятном лежали на земляном полу. Старшие братья стояли, изумленные, а Пердикка сделал шаг вперед, наклонился, очертил ножом солнечный свет на земле, сказал: «Спасибо, царь», трижды зачерпнул ладонью солнца себе за пазуху, повернулся и вышел. За ним то же сделали и братья. Когда царь опомнился, он послал за ними погоню. На пути была река. Она разлилась и остановила погоню. Братья нашли за рекою приют у соседнего племени, а когда возмужали, то вернулись и отбили у царя македонское царство. Их потомками и были все позднейшие македонские цари; и все эти цари чтят и приносят жертвы той реке, которая своим разливом спасла от гибели трех братьев-пастухов.

Мегабаз и к македонянам послал гонцов с требованием «земли и воды». Но здесь у него ничего не вышло. По-

слов македоняне пригласили на пир, напоили допьяна и зарезали. А персидскому военачальнику, присланному, чтобы выяснить их судьбу, дали такую взятку, что тот сделал вид, будто ничего не случилось. На этом пока и кончились дела Мегабаза.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ,

место действия которого — Иония,
а главный герой — милетянин Гистией.
Ионийское восстание: 499-494 гг. до н. э.

КАК ГИСТИЕЙ НАПИСАЛ ТАЙНОЕ ПИСЬМО АРИСТАГОРУ

Когда остатки Дариева войска медленно, понурив головы, шли через дунайский мост, провожаемые взглядами ионийских греков, державших стражу возле моста,— тогда, вероятно, у многих греков в голове родилась мысль: «Вот когда настало время вернуть себе свободу».

Крепче всего задумался над этим милетский тиран Гистией — тот самый, который говорил на совете, что нельзя греческим тиранам идти против персидского царя. Но теперь обстоятельства были другие, и думал он по-другому.

Царь Дарий знал, что Гистией сохранил для него мост отступления. Царь Дарий сказал Гистиею: «Проси любую награду!» Гистией ответил: «Подари мне Миркин». Миркин — это местечко на фракийском берегу, где много корабельных сосен в лесах, серебряных жил в горах и смелого народа в селах. Царь Дарий подарил Гистиею Миркин.

Мегабаз, наместник Фракии, прислал Дарию письмо: «Что ты делаешь, царь? Ты хочешь, чтобы хитрый грек, владея Миркином, завел себе и корабельный флот, и серебряную казну, и на все готовое войско? Останови его работы: вызови его к себе под благовидным предлогом и более не отпускай».

Дарий так и сделал. Он объявил Гистиея своим ближайшим советником, вызвал его в свою столицу Сузы и держал в своем дворце, никуда не выпуская. А в Милете остался править двоюродный брат Гистиея — Аристагор. Аристагор

тоже мечтал поднять восстание и сбросить персидскую власть, но не решался на это без совета брата.

И вот к Аристагору явился раб-гонец от Гистиея из Суз. Никаких писем при нем не было: все равно царская стража их отобрала бы по дороге. Он был волосат и бородат. Склонившись перед Аристагором, он сказал два слова: «Обрей меня». Недоумевающий Аристагор приказал обрить гонца. И тогда на голой коже черепа проступили рубцы от уколов и порезов. Они слагались в буквы, буквы в слова: «Восставай!» Это и было тайное письмо от Гистиея своему брату Аристагору.

Аристагор восстал. Чтобы народ поддержал его восстание, он созвал народное собрание, сложил с себя власть тирана и передал ее народу. То же самое он призвал сделать и тиранов в других городах. Город за городом низлагал тиранов, утверждал народоправство и объявлял себя свободным и неподвластным персидскому царю. Граждане собирали запасы, снаряжали войска и запирали ворота перед посланцами персов. Так началось ионийское восстание.

Тогда Аристагор сел на корабль и отплыл в Грецию — просить помощи у сильнейших греческих городов, у Спарты и Афин.

КАК СПАРТАНЦЫ ВОЕВАЛИ С АРГОСЦАМИ И ЧТО ОТВЕТИЛИ ОНИ АРИСТАГОРУ

Мы расстались со спартанцами тогда, когда они только что победили тегейцев и установили свою власть над соседней Аркадией. Вслед за этим пришел черед другого соседа Спарты — Аргоса.

Спартанские войска встретились с аргосскими войсками. Начались переговоры. Постановили решить дело как бы дуэлью: каждое войско оставило на границе по триста человек и отступило. Оставленные начали битву. Бились день напролет; к ночи в живых осталось только трое: два аргосца и один спартанец по имени Офриад. Все были изранены, ни у кого не было сил сражаться дольше. Два аргосца, поддерживая друг друга, ушли к своим — возвестить о победе. Офриад остался. Опираясь на обломок копья, он прошел по полю, снимая доспехи с убитых воинов, потом развесил их на дереве среди поля и своею кровью написал на щите: «Спартанцы — Зевсу, в дар от своей победы». Такой столб с оружием назывался «трофей» — его ставили победители в знак, что поле боя осталось за ними. Наутро к полю подошли войска спартанцев и аргосцев: и те и другие считали себя победителями. Разгорелся спор, спор перешел в схватку, схватка — в сражение; победа осталась за спартанцами. Офриада прославляли как героя. Но Офриад был мрачен. Он считал позором оставаться в живых, когда все его товарищи погибли. Вскоре он покончил с собой.

Борьба с Аргосом продолжалась. То и дело спартанцы посылали в Дельфы спросить, не пора ли им захватить Аргос? Наконец, пришел ответ: «Аргос будет сожжен». Спартанцы двинулись в поход; во главе их был царь Клеомен. Противники стали лагерем друг против друга. Аргосцы боялись спартанской хитрости, поэтому они повторяли все движения спартанцев: когда у спартанцев трубили побудку, вставали и они, когда трубили к завтраку, завтракали и они. Но от хитрости они не убереглись. Клеомен приказал своим воинам по сигналу побудки позавтракать, а по сигналу к зав-

траку ударить на врага. Захваченные врасплох, аргосцы разбежались. Многие укрылись в соседней священной роще — там они считались неприкосновенными. Клеомен не посмотрел на это: он приказал поджечь рощу с четырех сторон. Глядя на обугленные стволы и трупы, он спросил: «Кому была посвящена роща?» Ему ответили: «Стоглазому Аргусу». (Было в старину такое чудовище, приставленное сторожить царевну Ио,— ту, о которой Геродот говорил в самом начале своих рассказов.) Клеомен горько вздохнул: «Ты обманул меня, Аполлон: вот и Аргос сожжен, да не тот».

На всякий случай Клеомен подступил к городу Аргосу. Мужчин, способных носить оружие, в Аргосе больше не было. Тогда на стены вышли женщины. Они были в доспехах, собранных в храмах, и во главе их была поэтесса Телесилла. Клеомен не захотел подвергать свое войско позору битвы с женщинами. Он отступил. Когда в Спарте его спросили, почему он не взял Аргос, он ответил: «Чтобы молодежи было с кем учиться воевать».

В Аргосе этот день стал женским праздником: женщины в этот день надевали мужское платье, а мужчины — женское. А в аргосском храме Афродиты было поставлено изображение поэтессы Телесиллы: у ног ее была книга, а в руках — шлем.

К этому-то спартанскому царю Клеомену и явился с просьбой о помощи Аристагор Милетский.

Клеомен привел Аристагора в совет тридцати старейшин. Аристагор был красноречив. Он говорил, что грек греку брат и спартанцы должны помочь ионянам избавиться от персов. Он говорил, что страна персов несказанно богата и все эти богатства достанутся спартанцам. Он говорил, что

персидское войско не опасно, ибо персы бьются лишь врассыпную, а перед сомкнутым войском бессильны. Он говорил, что власть персов в Азии держится только на страхе и стоит спартанцам дойти до Суз, как вся Азия будет у их ног.

Спартанские старейшины слушали эту речь равнодушно. Когда он кончил, Клеомен спросил: «А далеко ли от Ионии до этих самых Суз?» Аристагор ответил: «Три месяца пути». Клеомен встал. «Больше ни слова, чужестранец,— сказал он.— Мы даем тебе сутки, чтобы покинуть Спарту. Как видно, ты сошел с ума, если хочешь, чтобы спартанцы удалились от моря и от греческих земель на три месяца пути».

Аристагор сделал последнюю попытку. Вечером он вошел в дом Клебмена и сел у очага как проситель, с оливковой веткой в руках. Без дальних слов он предложил Клеомену десять талантов серебра, если тот устроит поход спартанцев на помощь ионянам. Клеомен отказался. Аристагор предложил двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят талантов. Клеомен заколебался. В углу комнаты сидела девочка — десятилетняя дочь Клеомена. Она крикнула: «Уходи, отец,— иначе он подкупит тебя!» Клеомен разом опомнился. Он коротко ответил Аристагору: «Нет!» — повернулся и вышел.

На следующее утро Аристагор покинул Спарту и отплыл в Афины.

КАК АФИНЯНЕ СВЕРГЛИ У СЕБЯ ТИРАНОВ И ЧТО ОТВЕТИЛИ ОНИ АРИСТАГОРУ. ЕЩЕ ЗДЕСЬ ГОВОРИТСЯ О ТОМ, КАК АЛКМЕОН НАБИВАЛ СЕБЕ РОТ ЗОЛОТОМ, А ГИППОКЛИД ПРОПЛЯСАЛ СВОЮ СВАДЬБУ

Пифия когда-то предрекла коринфскому тирану Кипселу (помните?) власть для него самого, для его детей, но не для его внуков. Это было умное предсказание. Действительно, первого тирана, захватившего власть, народ повсюду радостно приветствовал как избавителя от гнета знати; при сыновьях тирана народ начинал понимать, что новый гнет не лучше старого; а до внуков тирана власть обычно никогда и не доходила.

Так было и в Афинах. Мы расстались с этим городом, когда в нем водворился тиран Писистрат, которого народ любил, а возвращаемся в него, когда в нем только что низвергнуты сыновья Писистрата, которых народ ненавидел.

Сыновей у Писистрата было двое: Гиппий и Гиппарх. Гиппарх был убит, Гиппий изгнан. Гиппарха убили двое знатных юношей, Гармодий и Аристогитон. Гиппия изгнали его враги из рода Алкмеонидов, о котором придется поговорить подробнее.

Гиппарх был убит так. Он влюбился в сестру молодого афинянина Гармодия и преследовал ее, уговаривая стать его любовницей. Девушка отвергла тирана. Гиппарх не простил ей этого: когда в Афинах был праздник, и девушки лучших семейств должны были идти с корзинами на головах в торжественной процессии к храму Афины, Гиппарх запретил

сестре Гармодия участвовать в этом шествии, заявив, что она недостойна такой чести.

Юный Гармодий решил отомстить за унижение сестры. В заговоре с ним было лишь несколько человек, среди них — одна женщина, по имени Леэна. В день праздника Гармодий и его друг Аристогитон набросились на Гиппарха и убили его. Но брат Гиппарха, тиран Гиппий, спасся. Началась расправа. Заговорщиков жестоко пытали, выведывая имена соучастников. Тверже всех держалась женщина, Леэна. Чтобы не заговорить под пытками, она сама откусила себе язык. Аристогитон поступил иначе: на допросе он назвал своими соучастниками всех лучших друзей тиранов, чтобы Гиппий их погубил и остался одинок.

Все заговорщики погибли. Афиняне потом чтили их как героев. О Гармодии и Аристогитоне сложили песню, и на городской площади воздвигли им памятник. А в честь женщины Леэны, имя которой по-гречески значит «львица», была поставлена бронзовая статуя львицы, у которой в раскрытой пасти не было языка.

Гиппий был изгнан так... Но прежде чем говорить, как был изгнан Гиппий, надо вернуться назад и объяснить, кто такие были те Алкмеониды, которые его изгнали. Род этот был знатный и богатый, но над ним вечно тяготел грех одного давнего кровавого преступления.

Здесь начинается отступление об Алкмеоне, Алкмеонидах, неведомом боге и сикионской свадьбе

Жил в Афинах человек по имени Алкмеон. Когда в Грецию к дельфийскому оракулу приехали послы царя Креза (вы помните, как царь Крез варил черепаху?), этот Алкмеон помог им попасть к оракулу быстро и без задержки. (А это было нелегко: за предсказаниями пифии всегда выстраивалась такая очередь, что запись в нее велась за несколько месяцев.) За это радушный Крез пригласил его к себе в Сарды и предложил ему столько золота их своей сокровищницы, сколько тот сможет вынести. Алкмеон надел широкий плащ, обул широкие сапоги, набрал золота за пазуху, за шиворот и во все складки, набил золотом голенища, посыпал золотым песком волосы и даже набил им рот. «Из сокровищницы он вышел, еле передвигая ноги, весь раздутый, с распухшими щеками, даже на человека-то непохожий»,— описывает Геродот. Увидев такое зрелище. Крез расхохотался и подарил ему все унесенное золото и еще столько же. Отсюда и пошло богатство Алкмеонидов.

У этого Алкмеона был отец по имени Мегакл и сын по имени Мегакл: в Афинах часто называли внука по деду. Оба Мегакла тоже были памятны афинянам, и о них тоже нужно упомянуть особо..

Мегакл, отец Алкмеона, был архонтом в Афинах в год Килоновой смуты. Архонт — это один из десяти верховных правителей Афин, которые избирались (из тех, кто побогаче) по жребию на каждый год. (В Афинах любили выборы по жребию: считалось, что жребий — это воля богов или самой судьбы.) А Килонова смута — это вот что такое.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

Еще за сто лет до Писистрата в Афинах нашелся человек, который тоже захотел стать тираном; его имя было Килон. Он собрал друзей и захватил акрополь. Но народ его не поддержал, акрополь был отбит, Килон бежал, а друзья его скрылись в храме Афины. Прошли сутки, осажденные томились от голода и жажды. Им предложили выйти, обещав не делать им ничего худого. Они взяли длинную веревку, привязали ее одним концом к статуе Афины и, держась за другой ее конец, вышли нетвердыми шагами из темного храма на солнечный свет. Это значило, что они и вне храма остаются под покровительством богини.

Тут и совершилось злодеяние, вечным клеймом заклеймившее род Алкмеонидов. Архонт Мегакл взмахнул топором и разрубил веревку. Толпа бросилась на кучку беззащитных обессилевших пленников и растерзала их перед самим храмом.

Потом, как водится, пришла расплата: моровые болезни, неудачи в битвах, дурные знаменья со всех сторон. Оракул велел афинянам очистить город от содеянного греха. Совершить очищение был приглашен самый святой человек в Греции — гадатель Эпименид. Он велел согнать на место преступления стадо черных коров, дать им разойтись, куда хочется, и где какая ляжет, там принести жертву и воздвигнуть жертвенник с надписью: «Неведомому богу». Так и было сделано. А Мегакл, зачинщик скверны, был изгнан из Афин, и с этих пор угроза изгнания вечно висела над каждым его потомком.

Если Мегакл, отец Алкмеона, связал свое имя с памятной Килоновой смутой, то Мегакл, сын Алкмеона, связал свое имя с не менее памятной сикионской свадьбой.

Недалеко от Коринфа, где правили тираны Кипсел и Периандр, был город Сикион, где правил тиран Клисфен. Сыновей у него не было, а была дочь, для которой он искал жениха. Он кликнул клич по всей Греции: пусть каждый, кто считает себя достойным дочери Клисфена, через шестьдесят дней явится свататься в Сикион. Тринадцать человек откликнулись на призыв, тринадцать женихов явились в Сикион. Клисфен их радушно принимал, пышно угощал, подолгу с ними беседовал, внимательно смотрел, как они соревнуются в беге, прыжках, борьбе и конной езде. Два человека, два афинянина приглянулись ему больше всего: одного звали Гиппоклид, другой был Мегакл, сын Алкмеона. Кончились дни испытаний, надо было принимать решение. Клисфен зарезал сто быков, открыл сто винных бочек, устроил пир на весь Сикион и стал зорко посматривать, как на таком пиру поведут себя женихи.

Гиппоклид был весел, шутил и пел, а когда вошли флейтисты и засвистели флейты, он вскочил и пустился в пляс. Сперва он плясал по-сикионски, потом по-афински, и чем пуще он плясал, тем больше хмурился, глядя на него, старый Клисфен. А когда Гиппоклид, опьянев от собственной пляски, вскочил с разбегу на пиршественный стол и, пройдясь по нему колесом, заболтал ногами в воздухе, а вокруг свистели флейты и били в ладоши гости, тогда Клисфен в досаде поднялся со своего места и, пересиливая шум, громким голосом ему крикнул: «Проплясал ты свою свадьбу, Гиппоклид!» — на что Гиппоклид, не раздумывая и продолжая плясать на руках, весело откликнулся: «А Гиппоклиду наплевать!»

Слова эти стали в Греции поговоркою.

Так Мегакл, сын Алкмеона, стал зятем Клисфена Сикионского; и когда у него родился сын, он назвал его в честь деда тоже Клисфеном. Что было дальше с Мегаклом, мы уже знаем: это с ним мы встречались в рассказе о Писистрате, которому неугомонный Мегакл был то врагом, то другом, то снова врагом, пока, наконец, Писистрат не утвердился в Афинах и не отправил Мегакла с его родичами-Алкмеонидами в изгнание.

Здесь кончается отступление и продолжается повествование

Золото Креза очень пригодилось Алкмеонидам в изгнании. Использовали они его так. В Дельфах случился пожар, и сгорел знаменитый храм. Алкмеониды явились в Дельфы и подрядились за свой счет выстроить новый храм. Обещали храм из горного туфа, а выстроили храм из мрамора, не в пример богаче и красивее прежнего. Дельфийские жрецы не могли прийти в себя от восторга. Не приходится удивляться, что после этого какое бы государство ни присылало к оракулу послов, все они получали от пифии один и тот же ответ: «Помогите Алкмеонидам изгнать тиранов из Афин, и тогда во всем вам будет удача».

Получали такой ответ и спартанцы, к тому не раз и не два. Наконец, им это надоело. Они послали на Афины маленький отряд. Он потерпел поражение. Это уже задевало спартанскую военную честь. В Аттику явился сам царь Клеомен с отборным войском. Тиран Гиппий не выдержал осады: он сдал акрополь и удалился в изгнание — в Персию. Здесь он ждал случая призвать на Афины персидское войско и с

помощью персов восстановить там свою власть. Случай этот, как мы увидим, скоро ему представится.

Навести порядок в Афинах взялся сын Мегакла Клисфен — тот самый, который был так назван в честь сикионского деда. И он это сделал. У власти стало народное собрание, волю его выполнял Совет Пятисот, а выборы в этот совет были устроены так, что простой народ всегда имел перевес над знатью.

В эти-то преобразованные Афины и явился, потерпев неудачу в Спарте, милетянин Аристагор. Он предстал перед тридцатью тысячами народа в собрании и сказал то же, что говорил перед тридцатью старейшинами в Спарте: что грек греку брат, что персидская власть слаба и что богатств в Персии не счесть. «И оказалось,— говорит Геродот,— что легче провести многих, нежели одного, ибо в Спарте Аристагор не мог провести одного Клеомена, а здесь провел тридцать тысяч афинян». Народное собрание постановило: послать на помощь восставшим ионянам двадцать кораблей.

«Эти-то двадцать кораблей,— заключает Геродот,— и положили начало великим бедствиям как для эллинов, так и для варваров».

КАКОЙ ПРИКАЗ ДАЛ ЦАРЬ ДАРИЙ СВОЕМУ РАБУ

Предыдущая глава была очень длинная, зато эта будет очень короткая. Ибо мирная жизнь у людей разнообразна и затейлива, войны же у людей обычно все похожи друг на друга. Прав был царь Крез, сказавший когда-то: «В пору мира сыновья хоронят отцов, в пору войны отцы хоронят сыновей».

Аристагор привел в Милет двадцать пять кораблей: двадцать из Афин да пять из маленького городка Эретрии, жители которого были связаны с милетянами давним союзом. Получив это скудное подкрепление, ионяне так возликовали, что собрали войска и двинулись походом прямо на Сарды.

Персов в Сардах было мало, а изнеженные лидийцы воевать давно разучились. Греки взяли Сарды без сопротивления. Только в крепости на скале — на той самой скале, откуда когда-то спускался за скатившимся шлемом лидийский солдат,— засел теперь наместник Сард Артаферн с персидским отрядом. Взять крепость приступом греки не смогли. Они выжгли дотла весь город под скалой — дома в Сардах были крыты тростником и горели, как хворост,— и отступили восвояси.

Когда царю Дарию доложили, что мятежные ионяне сожгли его город Сарды, он спросил: «Сделали они это одни или кто-нибудь им помогал?» — «Им помогали афиняне»,— сказали гонцы. Дарий взял лук, наложил стрелу, спустил тетиву и воскликнул: «Так да сбудется моя месть над афинянами».

А рабу, который на пирах стоял за его креслом, он приказал всякий раз, как он будет садиться за стол, произносить у него за спиной: «Царь, помни об афинянах!»

КАК АРИСТАГОР ПОГИБ, А ГИСТИЕЙ ОКАЗАЛСЯ МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Царь Дарий велел призвать к нему Гистиея.

Гистией сказал: «Царь, неужели ты подозреваешь, что я из твоей столицы поднял мятеж на твоей границе? Кля-

нусь, будь я в Милете, ни один город не посмел бы подняться против, тебя. Отпусти меня в Ионию, и через месяц она будет тебе покорна».

Он лгал, но Дарий ему поверил. Дарий сказал: «Хорошо».

Три месяца ехал Гистией из Суз в Сарды через огромное персидское царство. Дорога, по которой он ехал, прямая как стрела, казалась грекам чудом света. По ней скакали царские гонцы, и на ней было сто одиннадцать постоялых дворов, где гонцам перепрягали лошадей. Персидское слово, обозначавшее эти постоялые дворы, дожило до наших дней. Они назывались «ангары».

Чем ближе подъезжал Гистией к Сардам, тем тревожнее он становился. Все чаще он встречал по дороге отряды царских войск, пеших и конных, с луками и с копьями, в панцирях и без панцирей, двигавшиеся на запад, к его Ионии. Все чаще слышал он на постоялых дворах, что на севере у мятежников отбит такой-то город, а на юге мятежники разбиты у такой-то реки или горы.

В выжженных Сардах Гистиея встретил наместник Артаферн. С недоброй улыбкой он сказал: «Ну, что же, Гистией? Как я вижу, ты сработал обувь, а Аристагор ее надел».

Гистией понял, что в Сардах ему оставаться нельзя.

В ближайшую ночь он бежал к морю. На острове Хиосе его схватили греки. Его приняли за персидского лазутчика и заковали в цепи.

Когда Гистией объяснил, кто он такой и что он сделал для Ионии, его освободили. Но радости в этом было мало. Куда бы он ни пошел, его обступали толпы мужчин и женщин, стариков и детей и с криком и плачем требовали ответа,

зачем он поднял их на это гибельное восстание, зачем навлек на них огонь и меч персидского царя?

Гистией покинул Хиос и явился в свой родной Милет. Он спросил, где брат его Аристагор. Ему отвечали, что Аристагора уже нет в живых. Смерть его была бесславной. При первом же натиске персов он стал думать не об обороне, а об отступлении. Он решил переселить милетян всем городом во Фракию, в тот самый Миркин, который подарил когда-то милетянам царь Дарий. Чтобы подготовить Миркин к такому переселению, он поехал туда первый. Но фракийцы вовсе не хотели пускать к себе таких беспокойных соседей. Начались ссоры и стычки. В одной из таких стычек Аристагор и погиб со всем своим отрядом.

Гистией не забыл, что когда-то в Милете он был тираном. Он попытался снова взять власть в свои руки. Но милетяне уже привыкли, худо ли, хорошо ли, управляться самим, без тиранов. Его не слушались, ему грозили, против него взялись за оружие. Гистиею пришлось бежать. Ни у персов, ни у греков он не нашел себе места и должен был сражаться сам за себя. Он стал пиратом. С восемью кораблями он засел на Боспоре и захватывал без разбора, чьи бы они ни были, все проплывавшие мимо суда.

КАК ИОНЯНЕ РЕШИЛИ, ЧТО ЛУЧШЕ ТЕНЬ, ЧЕМ ЗНОЙ, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Выжив Гистиея, милетяне стали думать, как отбиться от персов.

Все города, кроме Милета,уже были под персами. Персидское войско стояло перед милетскими стенами, а персид-

ский флот перед милетской гаванью. В гавани были корабли, собранные со всей Ионии. Ионийских кораблей было сто пятьдесят семь, а персидских против них — шестьсот.

Когда ионяне собрались на военный совет, стал говорить человек по имени Дионисий из города Фокеи. Он сказал: «На лезвии бритвы держится судьба наша, ионяне: быть ли нам свободными или царскими рабами, притом рабами беглыми и потому ненавистными. Если вы решитесь потрудиться, то трудом вы завоюете победу и свободу; если вы предпочтете бездействовать, то ждать вам нечего, кроме кары за мятеж. Послушайтесь меня и доверьтесь мне — и персы с нами не справятся».

Ионяне решили послушаться. Дионисий велел все корабли держать наготове к бою и каждый день стал устраивать морские учения перед гаванью: корабли сходились, расходились, разворачивались, гребцы налегали на весла, воины на палубах в полном вооружении строем бросались от борта к борту, все это под палящим солнцем, среди соленых брызг, с утра до вечера. Персы издали с тревогой смотрели на эти упражнения.

Так продолжалось день, два, три, пять, семь; на восьмой день ионянам это надоело. «За какие грехи мы терпим такую напасть? Не с ума ли мы сошли, что доверились какому-то фокейцу, который всего-то привел с собой три корабля? Он морит нас трудом и зноем, не дает нам ни покою ни отдыху, одни из нас уже больны, другие вот-вот заболеют,— нет, лучше персидский царь, чем такой начальник!» Они сошли с судов, разбили палатки на берегу и сидели в тени, не желая более никаких приказов и никаких учений.

Дальше произошло то, что должно было произойти. Описание боя между ионянами и персами Геродот начинает словами: «С того мгновения, как корабли сошлись и вступили в бой, я не могу определить в точности, какие из ионян оказались в этой битве трусами, а какие храбрецами, потому что все ионяне взваливают вину друг на друга». Первыми поворотили и бросились в бегство самосцы: самосцы были соседями милетян, жили поэтому с ними в вечной ссоре и не желали проливать с ними кровь ни за какое общее дело. За самосцами побежали перед врагом лесбосцы, за лесбосцами — остальные.

Храбрее всех бились воины с Хиоса, но погибли они страшнее всех: когда они пробивались сквозь вражеский строй, корабли их были так изрешечены, что не могли плыть дальше; они высадились на берег и пешие пошли к ближайшему городу Эфесу. В Эфесе в эту ночь был праздник, и никто знать не знал о морском побоище в сорока верстах; эфесцы решили, что это разбойники хотят напасть на их город врасплох, схватились за оружие и перебили хиосских героев до единого.

ФокеецДионисий раньше других понял, какой конец может быть у такого сражения. Он увел свои три корабля в открытое море, захватил с ними в бою еще несколько судов, в свою порабощенную Фокею возвращаться не стал, а стал плавать вольным пиратом, грабя персов и карфагенян и никогда не трогая эллинов: по крайней мере, так говорили в народе.

После битвы перед Милетом все было кончено для ионян. Милет пал. Все его жители были уведены в плен: длинным караваном, со стариками и детьми, они потянулись

в глубь Азии. Царь Дарий поселил их в глухой деревушке среди болот, близ устья реки Тигр. Милет заняли персы, окрестности Милета — карийцы.

Все острова у ионийского берега были захвачены персами. Персы высаживались, растягивали поперек острова рыбацкую сеть и шли с нею от одного конца острова до другого, сгоняя всех жителей на крайний мыс. Там их брали голыми руками и увозили в рабство. Гистией, пиратствовавший на Боспоре, не вынес вести о милетском разгроме. Собрав все свои корабли, он бросился к ионийским берегам для последней неравной борьбы. Был бой, греки были разбиты, Гистией попал в плен, его доставили к Артаферну — тому самому Артаферну, который сказал когда-то: «Ну, что же, Гистией? Ты сработал обувь, а Аристагор ее надел?» Артаферн приказал Гистиея распять, а тело его набальзамировать и отправить в Сузы к царю. Дарий не мстил мертвым: он приказал похоронить Гистиея с почестями, не как царского изменника, а как царского советника.

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ,
место действия которого — Марафон,
а главный герой — афинянин Мильтиад.
Битва при Марафоне: сентябрь 490г. до н.э.

КАК МИЛЬТИАД ПОЯВИЛСЯ В АФИНАХ

В Афинах любили театр. Это зрелище было еще в новинку. Представления устраивались раз в год, весною, на склоне акрополя, под открытым небом. Представляли события древних сказаний: о Персее, о Геракле, об Ахилле. Но в этот год все было по-другому. Драма называлась: «Падение Милета». Актер в пышном одеянии величественно стоял на середине и возвышенным слогом скорбно повествовал о горькой доле угоняемых в рабство соплеменников, а хор вторил ему жалобными песнями под мерные звуки флейт и медных треугольников. Зрители были вне себя. Десятитысячной толпой, старые и молодые, они вскакивали с мест, били себя в грудь и заливались слезами. Афинские власти были в большом неудовольствии. Сочинителя драмы оштрафовали на тысячу драхм — за то, что его произведение подрывало бодрый дух афинского народа.

Афиняне плакали не о милетянах, а о себе. Они хорошо понимали, что их двадцати кораблей было слишком мало, чтобы помочь ионянам, но вполне достаточно, чтобы навлечь на их город грозный гнев персидского царя.

Первую весть о персидской опасности принес в Афины Мильтиад, тиран Херсонеса — тот самый, который когда-то на Дунае советовал разрушить мост и отрезать Дарию обратный путь. Теперь персы выгнали его из Херсонеса, и он бежал в Афины.

Херсонес — это фракийский мыс у входа в Геллеспонт. Афиняне им завладели вот каким образом. Херсонес-

ских фракийцев теснили соседние фракийцы. Херсонесцы спросили совета у дельфийского оракула. Оракул сказал гонцам: «Призовите на помощь того, кто первый пригласит вас в гости на обратном пути». Гонцы пустились в обратный путь. Они прошли Фокиду, прошли Беотию, дошли до Афин. Всюду люди опасливо смотрели на высоких иноземцев с длинными копьями и запирали перед ними двери. Только в Афинах встретился им человек, который заговорил с ними, расспросил их, кто они и откуда, позвал к себе в дом и угостил. Отдохнув и пообедав, гонцы рассказали своему гостеприимцу об оракуле и предложили ему стать правителем Херсонеса. Тот согласился.

Человек этот был Мильтиад, дядя нашего Мильтиада. Он был не в ладах с Писистратом, тираном Афин, и поэтому с радостью покинул Афины, чтобы самому стать тираном в дальнем Херсонесе. Здесь он и умер, и преемником его стал Мильтиад-племянник. На этого-то Мильтиада и двинулись персы с суши и с моря, чтобы наказать его за изменнический совет на Дунае. Мильтиад не стал их дожидаться, нагрузил свои сокровища на пять кораблей и, с трудом ускользнув от преследования, явился в Афины.

Афиняне не жалели о вчерашнем тиране, но они жалели о Херсонесе. Дело в том, что мимо Херсонеса шла морская дорога, по которой в Афины привозили хлеб из черноземных городов Причерноморья: своего хлеба в Афинах не хватало. Перерезав эту дорогу, персы задушили бы Афины голодом. Такова была первая весть о персидской опасности, и ее привез в Афины Мильтиад.

Прошел год, и в Афины принеслась вторая весть о персидской опасности. На Афины и Эретрию двинулся с войском и флотом персидский полководец Мардоний, человек молодой и пылкий, сын Гобрия (того Гобрия, который в скифской степи разгадал царю загадку про птицу, мышь, лягушку и пять стрел) и зять самого царя Дария. Он шел на Грецию через Фракию: войско по берегу, флот вдоль берега. По пути он покорил мимоходом персидской власти Македонию — на этот раз взятки македонским царям не помогли.

Греков спас северо-восточный ветер, который по-гречески называется Борей. На пути у Мардония был полуостров, от которого далеко в море тянутся три мыса, как три пальца; на первом из них высится гора Афон, крутая и каменистая. Когда корабли Мардония огибали Афон, из Фракии дунул Борей. Небо померкло, море вскипело, корабли размело, как щепки. Их било о скалы, они переворачивались и гибли, люди не могли выбраться на обрывистый берег и тонули или попадали в пасть к хищным рыбам. «Рассказывают, что погибло триста кораблей и более двадцати тысяч человек»,— говорит Геродот.

После этого Мардоний не решился продолжать поход. Персы отступили. Но было ясно, что отступили они ненадолго.

Однако греки, казалось, не думали об этом. Афиняне были увлечены войной с Эгиной, а спартанцы — раздорами двух своих царей.

КАК АФИНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ ПРЯЖКАМИ ЗАКОЛОЛИ БОЙЦА

Если встать на афинском акрополе и с самого края обрыва посмотреть на юг, то сперва увидишь внизу кучу желтых гли-

нобитных городских домиков, лепящихся друг к другу у подножия холма;

потом, за городской стеной,— зеленую пологую равнину, по которой бегут две белые дороги в две афинские гавани, Фалер и Пирей;

потом — берег моря, выгнутый песчаной дугой, лес мачт и муравьиную суетню на пристанях;

потом — море, ярко-синее и блестящее под южным солнцем;

а на этом море — два острова: ближний, желтый, плоский, песчаный — Саламин, и дальний, белый, приподнятый, утесистый — Эгину;

если же солнце очень ярко и воздух чист, то на самом горизонте, по ту сторону моря, можно разглядеть туманную полосу пелопонесского берега, где лежит город Эпидавр.

Саламин принадлежал афинянам, а Эгина была самостоятельна.

Афиняне ненавидели эгинян так, как только может ненавидеть сосед соседа. Геродот, наверное, сам слышал, как при нем в народном собрании самые пылкие ораторы предлагали: срыть Эгину, это бельмо на глазу у Афин! а всех эгинян обратить в рабство, отрубив им большие пальцы рук — чтобы они могли держать весло на галере, но не копье в бою.

Афиняне ненавидели эгинян за то, что те перебивали им морскую торговлю. Но если бы спросить самих афинян, они в этом не признались бы, а рассказали бы в объяснение этой вражды одну очень древнюю историю.

Когда-то Эгина не была еще самостоятельна, а была владением Эпидавра. В Эпидавре случился неурожай. Обратились к оракулу. Оракул велел: «Поставьте из оливкового дерева статую двум богиням: Народнице и Урожайнице». Оливковые деревья росли тогда только в Афинах. Эпидавряне попросили у афинян два ствола. Афиняне дали, но с условием, что эпидавряне каждый год будут приезжать к ним с жертвами Афине. Эпидавряне так и делали. Но прошло много лет, эгиняне восстали против эпидаврян, напали на них, разорили их город и увезли к себе на остров обе статуи: и Народницу, и Урожайницу.

Жертвоприношения Афине прекратились. Афиняне напомнили о них эгинянам. Эгиняне отвечали: «Жертвы обещали эпидавряне, а не мы; жертв больше не будет». Афиняне послали на Эгину послов — увезти статуи в Афины. Статуи стояли на городской площади, высокие и прямые, как древесные стволы, с неподвижными широкими глазами и загадочно улыбающимися ртами. Афиняне закинули им на шеи веревки и стали тащить. Тут раздался гром, дрогнула земля,— по крайней мере, так рассказывали Геродоту,— и эгиняне с обнаженными мечами набросились со всех сторон на перепуганных афинян. Были перебиты все, кроме одного человека. «А с изображениями богинь,— пишет Геродот,— случилось вот что: они будто бы пали перед афинянами на колени, и с того времени остались в таком положении навсегда. Я этому, впрочем, не верю, но другой кто-нибудь, может быть, и поверит».

Единственный воин, который спасся, принес в Афины весть о гибели всех своих товарищей. Народное собрание негодовало, но еще больше негодовали жены погибших. Народное собрание постановило немедленно идти в поход на Эгину. А жены погибших обступили единственного, кото-

рый посмел спастись. Они кололи его пряжками от одежды, и каждая спрашивала: «Где мой муж?» Воин не мог вырваться из толпы разъяренных женщин. Исколотый и истерзанный, он упал и умер от ран. Граждане были в ужасе. На следующий день был издан приказ: под страхом смерти афинским женщинам предписывалось более не носить дорийских платьев, а носить ионийские. Разница же между этими платьями такая, что дорийские застегиваются на плечах пряжками, а ионийские на плечах сшиты, и пряжек там нет.

Так началась война между афинянами и эгинянами. Перед войной, как водится, афиняне обратились к оракулу. Оракул, как видно, не мог сразу решить, кто из врагов сильнее. Он велел афинянам построить на своей площади храм эгинскому герою Эаку, подождать тридцать лет, а потом начинать войну. Афиняне послушались оракула лишь наполовину: храм построили, но тридцать лет ждать не стали, а тотчас же выступили в поход.

Война оказалась затяжной и трудной. Ею-то и были заняты в Афинах, пока персы готовили свой новый поход.

КАК СПАРТАНСКИЙ ЦАРЬ ДЕМАРАТ БЕЖАЛ В ПЕРСИЮ, А СПАРТАНСКИЙ ЦАРЬ КЛЕОМЕН САМ СЕБЯ ЗАРЕЗАЛ

Со спартанским царем Клеоменом мы уже знакомы: это он воевал против Аргоса, и это к нему приходил с неудавшимся подкупом милетянин Аристагор.

Но кроме царя Клеомена, в Спарте был еще один царь: Демарат. Дело в том, что Спартой всегда управляли два царя из двух родов. Это было очень удобно: в военное время они могли воевать сразу на два фронта, в мирное

время они не давали друг другу слишком усилиться и притеснять народ.

Вообще же спартанские цари живут просто, как все спартанцы. Только на обедах царям полагается двойная порция. А обедают спартанцы не дома и не со своими семьями, как повсюду, а в казармах, с товарищами по боевому отряду. Главное кушанье у них — черная кровяная похлебка из свинины с чечевицей, уксусом и солью. Она на редкость питательна и на редкость противна на вкус. Когда персидский царь Ксеркс пришел в Грецию — как это случилось, о том речь впереди,— он заставил пленного спартанского раба сварить ему такую похлебку, попробовал и сказал: «Теперь я понимаю, почему спартанцы так храбро идут на смерть: им милее гибель, чем такая еда». Впрочем, эту шутку придумали уже после Геродота.

С чего началось в Спарте двоецарствие, о том рассказывают так. У первого спартанского царя, Аристомеда из потомков Геракла, было двое сыновей-близнецов: Прокл и Эврисфен. Царь умер, не назначив преемника. Спросили оракула — оракул сказал: «Власть — обоим, честь — старшему». Но который старший? Близнецы были еще грудными младенцами. Спросили мать — она отказалась назвать старшего. Тогда догадались подсмотреть: не кормит ли она всякий раз одного раньше другого? Так и оказалось. Поэтому с тех пор Эврисфен и его потомки всегда почитались больше, чем Прокл и его потомки.

Клеомен был потомком Эврисфена, Демарат — потомком Прокла. Друг друга они ненавидели. Посылать их вместе в поход было невозможно, что приказывал один царь, то отменял другой. Наконец, Клеомену это стало невтерпеж,

5—5758

и он твердо решил выжить Демарата из Спарты. Сделал он это вот каким образом.

Имя «Демарат» значит: «выпрошенный народными молитвами». Дело в том, что у отца его Аристона, царя храброго и всеми любимого, очень долго не было детей. Народ молил богов послать ему наследника, чтобы царский род не пресекся. Аристон был трижды женат, и только третья жена родила ему Демарата. Эта третья жена царя Аристона была женщина необыкновенная. В младенчестве она была на диво безобразна, а выросши, стала на диво прекрасна. Говорили, что сама богиня Афродита сжалилась над девочкой и сотворила над ней это чудо. Но до Аристона она была замужем за его другом Агетом. И поэтому, когда она родила Аристону Демарата, в Спарте тотчас стали поговаривать, будто Демарат — не сын Аристона, а сын Агета. Вот об этом-то и вспомнил теперь Клеомен. Он добился того, что спартанцы послали в Дельфы вопрос: по праву ли царствует над ними Демарат? А с дельфийскими жрецами у Клеомена была давняя дружба. Оракул, конечно, ответил: «Нет, не по праву!» Демарат был низложен, а вторым царем стал его дальний родственник, друг Клеомена.

Как-то раз на празднестве новый царь насмешливо спросил Демарата: «Ну, что, Демарат, каково тебе из царя стать бывшим царем?» Демарат сурово ответил: «Я уже побывал и тем и другим, а вот ты еще не бывал ни тем ни другим. Но берегись: вопрос твой принесет Спарте или тысячу бед, или тысячу благ!» В тот же день он покинул Спарту. За ним послали погоню, но он ускользнул. Переправившись через море, он явился в Азию, к персидскому царю. Дарий принял его с почетом, дал ему в управление три города близ Ионии, и еще сто лет спустя в этих городах правили потомки спартанского царя.

Клеомен недолго наслаждался своим торжеством. Все тайное когда-нибудь становится явным: стало явным и то, как подговорил Клеомен дельфийских жрецов дать угодный ему ответ спартанцам. Клеомену пришлось самому уйти в изгнание. Неугомонный царь стал объезжать окрестные области и поднимать союзников Спарты на мятеж. Это навело такой страх на спартанские власти, что Клеомену было почтительно предложено воротиться на родину и снова стать царем. Клеомен воротился с видом победителя.

Но если сограждане не смогли его наказать, то смогли наказать боги. Клеомен сошел с ума. Он ходил по улицам Спарты и бил палкой по лицу каждого встречного. Пришлось запереть его дома, сковать ему ноги и приставить к нему сторожем раба. Как только Клеомен остался со сторожем наедине, он приказал рабу: «Дай мне меч!» Безумный царь и в цепях был так страшен, что раб повиновался. Клеомен схватил меч и радостно вонзил его себе в живот. Не чувствуя боли, он резал и резал свое тело на узкие полосы, пока не дошел до внутренностей. Тогда он умер.

Царем после страшной смерти Клеомена стал его брат Леонид. Он будет героем нашего следующего рассказа.

КАК ПОШЛИ ВОЙНОЙ НА ГРЕЦИЮ ДАТ И АРТАФЕРН

Итак, грек Силосонт из Самоса первый побудил царя перейти с азиатского материка на греческие острова. Грек Демокед из Кротона первым подал мысль царю переплыть через море и пойти войной на Грецию. Грек Гиппий, изгнанный афин-

ский тиран, жил на берегу Геллеспонта и ждал, когда персы соберутся в поход на Афины. Грек Демарат, изгнанный спартанский царь, жил в двух днях пути южнее и ждал, когда персы соберутся в поход на Спарту.

А раб царя Дария уже девятый год на каждом пиру провозглашал за его спиной: «Царь, помни об афинянах!»

И вот поход, которого одни так ждали, а другие так боялись, начался.

Во главе похода стояли двое — мидянин Дат и перс Артаферн, сын того Артаферна, который отстоял кремль в Сардах от осаждающих ионян. Кораблей у них было шестьсот с одной лишь пехотой, а для конницы корабли были особые. Путь был выбран не вдоль Фракии, не мимо страшных афонских скал, а напрямик через море от острова к острову. Цель похода была проста: разорить Афины и Эретрию, два города, посмевших воевать с персидским царем, а все остальные города — покорить и обложить податью. На головном корабле плыл старый Гиппий, сын Писистрата, и радовался, что час его возвращения в Афины настал.

Первой остановкой в пути был остров Наксос. Это тот самый остров, на котором когда-то Тесей по пути из Крита покинул спасшую его Ариадну, и ее взял себе в жены бог Дионис. Берег был пустынен: жители бежали в горы. Персы сожгли прибрежные селения, захватили в рабство оставшихся и поплыли дальше.

Второй остановкой был остров Делос. Это остров, на котором родился бог Аполлон и стоял его храм с жертвенником. Остров крошечный — торчащая из моря скала, которую можно обойти за час; храм маленький — как мраморная будочка; но и остров и храм — едва ли не самые почитаемые

места во всей Греции. Здесь Тесей по пути из Крита принес благодарственную жертву Аполлону; сюда каждый год приплывают афинские юноши проплясать перед жертвенником журавлиный танец. Жертвенник на Делосе сложен только из левых рогов жертвенных животных; а журавлиный танец — это танец, в котором вереница танцующих движется, извиваясь так, как извивались переходы в критском лабиринте, где Тесей убил Минотавра.

На Делосе не было ни одного человека: все бежали на соседний остров Ренею. Большая Ренея прикована к маленькому Делосу цепями: это сделал тиран Писистрат, когда покорил Ренею и поднес ее в подарок делосскому Аполлону. Дат и Артаферн послали на Ренею гонца: «Возвращайтесь спокойно по домам, робкие люди: не настолько персы безумны, чтобы оскорблять остров Аполлона!» Затем они возложили на алтарь триста пудов ладана — в обычное время столько ладана здесь не сжигали и в год — и отплыли дальше.

«По уходе персов,— говорит Геродот,— остров Делос, как рассказывают жители его, испытал землетрясение, в первый и последний раз до нашего времени. Я полагаю, что божество явило это чудо людям как знамение грядущих бед. Ибо за время трех поколений — поколения Дария, и сына его Ксеркса, и внука его Артаксеркса — Греция претерпела больше бед, нежели в течение целых двадцати предшествующих поколений. Имена же эти царские на греческом языке значат: Дарий — «укротитель», Ксеркс — «воин», Артаксеркс — «великий воин». Так говорит Геродот.

За Делосом был Тенос, за Теносом был Андрос, за Андросом была Эвбея — длинный узкий остров, на самой

середине которого трепетал в ожидании своей судьбы город Эретрия. Выйти биться в открытое поле эретрийцы даже не пытались. Они заперлись в городских стенах. Шесть дней персы осаждали Эретрию. На седьмой день двое изменников («граждане весьма именитые»,— пишет Геродот) открыли им ворота. Город был сожжен — это была месть за сожженные Сарды. Пленных в цепях посадили в трюмы. Оставив за собой дымящиеся развалины, персы тронулись дальше.

Напротив берега Эвбеи лежал берег Аттики. Над узкой отмелью возвышались заросшие кустарником холмы. Вереница персидских кораблей медленно тянулась по проливу. Седой Гиппий с головного корабля зорко оглядывал знакомые места. Наконец, берег изогнулся, холмы отступили, открыв просторную прибрежную равнину. «Здесь»,— сказал Гиппий. «Как называется это место?» — спросил Артаферн. Гиппий ответил: «Марафон».

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА МАРАФОНСКОЙ РАВНИНЕ

Гиппий выбрал для высадки марафонскую равнину по трем причинам. Во-первых, берег здесь был широкий и плоский, было где поставить на якорях суда и разбить лагерь. Во-вторых, места эти были те самые, где когда-то высаживался его отец, тиран Писистрат, чтобы за колесницей мнимой богини идти на Афины: здесь его помнили и любили. В-третьих, отсюда вела прямая дорога на Афины, и в два перехода персидское войско могло уже быть под стенами города.

Персидские воины отряд за отрядом соскакивали на песчаный берег, клубами поднимая пыль. У Гиппия першило в горле. Он закашлялся. Он был очень стар, зубы его шатались. От кашля один зуб выпал и зарылся в песок. Гиппий присел и тревожно стал шарить морщинистыми руками по песку. Зуба не было. «Плохо дело! — сказал он друзьям, вставая.— Мне было предсказание, что кости мои будут лежать в афинской земле. Боюсь, что оно уже исполнилось, и в Афинах мне править не придется».

Пока высаживались, пока разбивали лагерь, пока отвозили эретрийских пленников на ближний безлюдный островок, время шло. Персы не спешили: они ждали, не вспыхнет ли в Афинах мятеж, поднятый тайными сторонниками Гиппия? Но прошло несколько дней, и в узкой долине, по которой уходила между холмов дорога в Афины, заблестели щиты и копья афинского войска. Стало ясно, что будет бой.

Афинян было мало. Союзники к ним не подошли. В Спарту послали гонца, гонец пешим бегом за два дня покрыл двести верст от Афин до Спарты. Спартанцы сказали: «Через пять дней новолуние, тогда мы и выступим. Выступать раньше нам не позволяют законы наших богов». Спартанцы умели быть очень благочестивы, когда им это было выгодно. Помощь афинянам дал только соседний беотийский городок Платея. Но городок был маленький, и отряд его тоже был маленький.

Во главе афинского войска было одиннадцать человек: десять полководцев, выбранных голосованием, и один архонт, выбранный жребием. Одним из десятерых был Мильтиад. Мильтиад-племянник ненавидел Гиппия так же страстно, как Мильтиад-дядя ненавидел отца Гиппия — Писистрата. Мильтиад настаивал: «Надо принимать бой, пока в Афинах сторонники тирана не подняли мятеж». Мильтиаду

возражали: «Надо оттянуть бой, пока не придет подкрепление из Спарты и других городов». Голоса разделились: пять против пяти. Тогда Мильтиад обратился к архонту: «Тебе решать: быть ли нашему городу в рабстве у Гиппия и персов или быть ему свободным и первым в Элладе? проклинать ли нас будут потомки, или славить, как не славят даже Гармодия с Аристогитоном?» Архонт не выдержал такого вопроса в упор. Он сказал: «Битве — быть». После этого десять вождей сложили с себя командование и возложили его на Мильтиада: пусть он один отвечает за победу или поражение.

Афинское войско выстроилось у выхода из ущелья, персидское войско выстроилось посреди поля. Мильтиад отдал приказ — и греческие воины, в панцирях и со щитами, не теряя ровного строя, с дальнего разбега бросились на врага. Персы были ошеломлены этим натиском. «Насколько мы знаем, афиняне были первыми из эллинов, напавшими на врага беглым шагом, а дотоле даже имя мидян и вид мидийской одежды наводили ужас на эллинов»,— говорит Геродот.

Греческий строй и персидский строй были одинаковой длины, но разной глубины: у афинян было меньше воинов и в центре их войска было меньше рядов, чем в обоих крыльях. Поэтому в центре персы опрокинули греков, а на крыльях греки опрокинули персов. Тут-то и сделалось ясным то, о чем говорил когда-то Гистией: греки умели сражаться в строю, локоть к локтю, щит к щиту, а персы не умели. В центре персы-победители бросились в погоню за убегавшим неприятелем, строй их рассыпался, ряды перемешались. На крыльях греки-победители удержались от погони: сомкнув ряды, оставив позади убитых и раненых, они повернули и

ударили на растерявшихся от неожиданности персов. Это решило победу. Персы врассыпную бросились к морю, к кораблям, спотыкаясь и падая; афиняне догоняли и рубили их в спину. Семь кораблей было захвачено у берега, остальным кое-как удалось отплыть.

Здесь, у кораблей, пал тот, кого долго еще называли храбрейшим из греков: Кинегир, брат поэта Эсхила. Он удерживал корму отплывавшего вражеского корабля правой рукой, а когда отрубили правую — левой, а когда отрубили левую — зубами. Здесь пал и архонт Каллимах — тот, чей голос решил, что битве — быть; здесь пало и много других афинских бойцов, а всего — сто девяносто два человека; персов же погибло около шести тысяч четырехсот.

Сев на суда, враги попытались нанести афинянам последний возможный для них удар. Налегая на весла, они повели корабли вдоль берега, мимо высокого Сунийского мыса, мимо храма Артемиды Бравронской — к Афинам. Они хотели захватить город врасплох, пока войско афинян собирало убитых и раненых на Марафонской равнине. Но Мильтиад их опередил. Когда персидские суда остановились перед Пиреем и Фалером, двумя афинскими гаванями, персы увидели перед собой на берегу все то же афинское войско — утомленное, переделов, но по-прежнему готовое к бою: локоть к локтю, щит к щиту. За одну ночь воины Мильтиада прошли по горным и равнинным тропам весь путь от Марафона до Афин — сорок две версты с лишним: то, что сейчас называется «марафонской дистанцией». Корабли персов постояли недолгое время перед берегом, а потом, вспенив воду, они повернули строй, двинулись прочь, в открытое море, и, постепенно уменьшаясь, исчезли за горизонтом.

КАК МИЛЬТИАД ОСАЖДАЛ ОСТРОВ ПАРОС И КАК ОН ПОГИБ

Афины торжествовали победу. Слава о доблести марафонских бойцов и их вождя Мильтиада летела по всей Греции.

Но когда Мильтиад попросил у народного собрания в награду себе оливковый венок, он получил отказ. Ему сказали: «Когда ты разобьешь персов один, тогда и требуй награды одному себе».

Афинский народ знал, что Мильтиаду он обязан победой; но афинский народ помнил, что Мильтиад был тираном, и подозревал, что он непрочь стать тираном опять.

Мильтиад чувствовал, что одной победы для него мало.

Он потребовал у народа семьдесят кораблей, войска и денег, чтобы выступить в поход на богатый край; куда именно, он не объявил. Ему поверили на слово и дали семьдесят кораблей, войска и денег.

Возле острова Наксоса, о котором мы уже знаем, есть остров Парос, не замечательный ничем, кроме залежей прекрасного мрамора: за паросский мрамор ваятели платили большие деньги. Сюда и привел Мильтиад свое войско и свой флот. Почему именно здесь он видел богатый край, никто не понимал. Мильтиад говорил, будто он хочет отомстить паросцам за то, что они присоединились к Дату и Артаферну в их походе на Афины. А злые языки уверяли, будто он хочет отомстить одному паросцу за то, что тот когда-то оклеветал Мильтиада перед персидским царем.

Почти месяц осаждал Мильтиад паросскую крепость, но взять ее не мог. Войско роптало. Тогда к Мильтиаду пришла пленная женщина по имени Тимо. Перед крепостью был холм, на холме был храм подземных богинь Деметры и Персефоны, а Тимо была служительницей в этом храме. Она дала Мильтиаду тайный совет; а какой это был совет, осталось никому не известно.

Мильтиад вышел из лагеря и один, без провожатых, направился к храму страшных богинь. Афиняне видели издали, как пытался он отворить ворота в храмовой ограде. Запор не поддавался. Тогда Мильтиад ухватился за край ограды, подтянулся, перелез через стену и исчез внутри. Что делал он в пустом храме, чего он коснулся неприкосновенного, в какое вступил запретное для мужчин святилище богинь — неведомо. Время шло; наконец, афиняне увидели, что голова Мильтиада в высоком шлеме вновь показалась над белой стеной; он перелез через гребень, спрыгнул вниз, пошатнулся и с криком упал. К нему бросились, подхватили его на руки, понесли в лагерь. У него было вывихнуто бедро, и вся нога горела от боли.

«Тяжко больной, Мильтиад отплыл назад, без добычи и без Пароса»,— говорит Геродот. Когда паросцы, выйдя из крепости, узнали, в чем дело, они схватили женщину по имени Тимо и послали в Дельфы спросить: как казнить предательницу и осквернительницу святынь? Оракул ответил: «Освободите ее: она совершала волю богов. Мильтиаду суждено было погибнуть, и она указала ему путь к погибели».

Враги Мильтиада потребовали для него смертной казни за то, что он обманул афинян. Мильтиада принесли в суд на носилках. Он не мог защищаться, боль в ноге не давала ему говорить. За него говорили друзья, напоминая все, что он сделал для Афин. Афиняне не решились осудить на

казнь марафонского победителя. Его приговорили к штрафу, но штрафу огромному — в пятьдесят пудов серебра. До выплаты штрафа его заточили в тюрьму. Здесь он умер от гангрены в бедре.

Друзья собрали деньги, и Кимон, сын Мильтиада, принес их в народное собрание. Деньги были приняты, но выдать труп человека, умершего в тюрьме, афиняне отказались. Тогда Кимон предложил заковать и бросить в тюрьму его самого, лишь бы тело отца было выдано для почетного погребения. Это тронуло граждан, и Кимон получил тело отца своего Мильтиада, херсонесского тирана и афинского полководца, победителя над персами, побежденного волей подземных богов.

Посредине марафонского поля до сих пор высится огромный курган — братская могила афинских героев. Здесь же, в стороне — гробница Мильтиада. «Здесь каждую ночь можно слышать топот и ржание коней и крик сражающихся воинов,— пишет один греческий путешественник, побывавший здесь лет через шестьсот после Геродота.— Если кому удастся слышать это как-нибудь случайно, того не касается гнев теней умерших; но если кто нарочно придет сюда за этим, то любопытство его не останется без тяжкого наказания».

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ,
место действия которого — Фермопилы, а главный герой — спартанец Леонид.

Битва при Фермопилах: август 480г. до н.э.

«Получивши известие о марафонском сражении, царь Дарий, сын Гистаспа, уже и прежде раздраженный на афинян за вторжение в Сарды, теперь еще больше воспылал гневом и с сугубой ревностью стал готовиться к походу на Элладу. Немедленно разослал он гонцов по городам с приказанием готовить войска, причем каждому городу велено было выставить еще более, нежели прежде, и коней, и кораблей, и съестных припасов, и перевозочных лодок. Известия гонцов волновали целую Азию в продолжение трех лет, пока набирались и вооружались к походу в Элладу самые лучшие люди. На четвертом году восстали еще и египтяне, некогда порабощенные Камбисом; тогда Дарий стал приготовляться к войне уже с обоими народами...» — так начинает Геродот новый рассказ в своем повествовании.

Среди приготовлений к этой двойной войне Дарий умер. Ни египтян, ни афинян ему так и не удалось наказать. Царствования его было тридцать шесть лет, а царем после себя он оставил сына своего Ксеркса.

Ксеркс тотчас повел собранные войска на Египет, разорил Египет и подчинил эту страну еще более тяжкому игу, чем ранее. А потом он созвал вельмож и стал держать совет о походе на Грецию.

КАК АРТАБАН СПАЛ В ПОСТЕЛИ КСЕРКСА

Ксеркс сказал:

«От отцов и дедов наших мы знаем: с тех самых пор, как низвергли мы, персы, мидийскую власть, поколение за поколением приумножали мы свое величие и могущество. Великий Кир покорил Вавилон и Лидию; сын его Камбис — Египет; отец наш, Дарий,— Фракию и Македонию; нам же предстоит покорить Грецию, ибо жители этой страны обидели и меня и отца моего, разорив наш город Сарды и положив наше войско на марафонском поле. Отомстив за эту обиду, мы раздвинем наши пределы до края света, все земли превратим в одну, и солнце не будет смотреть ни на какую державу, кроме нашей. Вот почему должны мы сейчас пойти на Грецию; но чтобы не казалось, что это желание только мое, а не наше общее, пусть каждый из вас выскажет о том свое мнение».

Мардоний, сын Гобрия, зять царя Дария, сказал:

«Ты прав, царь. Позорно было бы, если бы мы, владея всею Азией, позволили бы людям малого приморского народа издеваться над нами. Мы сражались с ними в Ионии, и они покорились нашей власти; я ходил на них до самой Македонии, и никто из них не вышел мне навстречу. Греки бессильны противостоять тебе, царь, хотя бы потому, что они никогда ничего не делают все заодно, а вечно враждуют между собой. И не только враждуют, но и воюют; и не только воюют, но воюют самым кровопролитным образом — выбирают ровное поле, сходятся на нем и бьются, так что не только побежденные гибнут поголовно, но и победители несут огромные потери. Если же я ошибаюсь, говоря о них, все равно должны мы померяться с ними силами: ведь только начав войну, можно одержать победу».

Но Артабан, брат царя Дария, дядя Ксеркса, сказал:

«Ты не прав, Мардоний. Все мы знаем, как Кир ходил на массагетов, как Камбис ходил на эфиопов, как Дарий ходил на скифов; а ты зовешь нас пойти против народа, который считается храбрейшим в мире и который отделен от нас широким морем. Он храбр — стало быть, он может разбить твое войско, как разбил уже войско Дата и Артаферна. Он за морем — стало быть, он может отрезать твое войско от родины, как едва не отрезали скифы на Дунае войско твоего отца. Ты уверен, что твое многолюдное войско одолеет греческие полки,— но припомни, что исход войны решают не люди, а боги и что боги завистливы к величию людей. Буря чаще выворачивает деревья, чем кусты; молния чаще ударяет в башни, чем в хижины; так и великое войско может погибнуть от малого, если боги против него. Ты слышал, царь, и Мардония и меня; обдумай теперь твое решение и возвести нам о нем, чтобы мы знали, что нам делать».

Ксеркс распустил совет и стал думать один. Сперва сердце склоняло его к суждению Мардония; потом ум стал склонять его к суждению Артабана. Он думал день, думал ночь, и наутро возвестил совету, что похода на Грецию не будет.

На следующую ночь Ксерксу приснился сон: могучий муж божественного вида стоял перед ним и говорил: «Напрасно ты меняешь решение, Ксеркс, сын Дария! Что хотел ты сделать, то и делай». Ксеркс проснулся, вспомнил сон и забыл о нем. На следующую ночь тот же муж приснился ему опять; он был гневен и говорил: «Напрасно ты не слуша-

ешься меня, Ксеркс, сын Дария! Если ты не сделаешь того, что хотел, берегись: за кратким величием следует долгое унижение». Ксеркс проснулся, вспомнил сон и дрогнул. Он призвал к себе Артабана и рассказал ему все.

Артабан сказал: «Зачем ты веришь снам, мой царь? Не всякий сон от богов. Обычно в виде сна встают перед нами заботы дня; все эти дни ты думал о войне, и сон тебе приснился о войне же. Забудь про этот сон — или же найди способ проверить, от богов он или от повседневных наших дел».

Ксеркс сказал: «Я нашел такой способ, Артабан. Оденься нынче в мое царское платье, сядь на мой царский престол, а потом ляг спать в мою царскую постель. Если тот же сон посетит и тебя, значит, он — от богов, а не от повседневных дел».

Артабан повиновался. Он оделся в царское платье, сел на царский престол, лег в царскую постель. Настала ночь, и во сне ему явился тот же призрак, что и царю. Призрак сказал: «Ты ли, Артабан, вздумал противиться решению судьбы и богов? Ни в будущем, ни в настоящем не уйдешь ты от наказания за это; а что претерпит за неповиновение Ксеркс, о том уже возвещено ему самому». И протянув к нему раскаленный прут, призрак словно вознамерился выжечь Артабану глаза. С криком вскочил Артабан с постели и бросился к царю. «Более нет сомнений о воле богов,— сказал он,— грекам ли, персам ли суждена погибель в этой войне, но войне суждено быть, и не нам, смертным, противиться судьбе».

И когда настал рассвет, по всей огромной Персии было оповещено, что быть войне с Грецией и что каждый город и народ должен присылать для похода людей, и коней, и кораблей сколько положено.

КАК КСЕРКС СДЕЛАЛ СУШУ МОРЕМ И МОРЕ СУШЕЙ

Четыре года собиралось и снаряжалось войско Ксеркса. Никогда и нигде не было на свете другого такого войска и другого такого похода. «Есть ли какой азиатский народ, который не был бы выведен в поход Ксерксом? Есть ли какая река, кроме самых больших, в которой достало бы воды для войска Ксерксова? — восклицает Геродот.— Одни народы поставляли корабли, другие — пехоту, третьи — конницу, четвертые — суда для лошадей, пятые — плоты для переправ, шестые — продовольствие».

Пехота и конница собирались в Сарды, продовольствие свозили в назначенные места по будущему пути персидского войска, а плоты для переправ везли к Геллеспонту.

Два было препятствия на пути Ксерксова войска — мыс Афон и пролив Геллеспонт. Мыс Афон предстояло перекопать каналом, а через пролив Геллеспонт перекинуть мост.

Мыс Афон — это та гора, у подножия которой семью годами ранее буря разбила о скалы Мардониев флот. Ксеркс не пожелал во второй раз вести суда вокруг Афона и приказал вместо этого перекопать перешеек между горой и материком. Перешеек этот узок и низок: от берега до берега две версты с небольшим. Суда можно было легко перетащить через него волоком. Но Ксеркс хотел оставить небывалый памятник своего величия. Он велел копать канал.

Длина канала была разделена на двадцать участков. На двадцати участках копали землю двадцать народов. Одни

работали лопатами на дне рва, другие по склонам передавали из рук в руки наверх вынимаемую землю. Склоны были крутые, все время осыпались, землекопам приходилось делать двойную работу. Только догадливые финикийцы сообразили, что можно начать копать канаву пошире и сужать книзу постепенно, чтобы склоны ее были пологими и не осыпались. За такую смекалку им досталась особая награда от царя.

Геллеспонт — это пролив между Азией и Европой, а ширина его в самом узком месте — верста с третью. В этом месте и приказал Ксеркс навести два моста — один египетским мастерам, другой — финикийским. Из Европы в Азию были протянуты канаты: египтянами — папирусные, финикиянами — льняные. На канаты были положены брусья, скреплены поперечинами, засыпаны землей. Когда мосты уже лежали на воде, с Черного моря налетел ветер. Поднялась буря, канаты лопнули, бревна рассыпало и изломало.

Ксеркс пришел в ярость. Он приказал наказать море плетьми и заковать в цепи. На середину Геллеспонта выплыла лодка с палачами и глашатаем. Палачи триста раз ударили по воде плетьми, бросили в воду железные цепи, а глашатай громко произнес приговор: «Тебя, соленая хлябь, наказывает царь Ксеркс, потому что ты причинила ему обиду, между тем как он тебя ничем не обижал. Знай: царь Ксеркс переступит через тебя, желаешь ли ты этого или нет». Потом лодка вернулась к берегу, и палачи выполнили свое второе дело, более привычное и прозаическое: отрубили головы строителям мостов.

Новые мастера навели новые мосты. Чтобы их не тронула буря, по обе стороны от них через весь пролив выстроились суда на якорях — принимать на себя натиск волн с запада и с востока.

Пока рыли канал, наводили мосты, собирали войска, царь Ксеркс пировал в Сардах. Гостеприимцем его был лидиец Пифий, самый богатый после царя человек в персидском царстве. Когда Пифий пришел к царю и предложил ему угощение для него и для всего бесчисленного его войска, Ксеркс изумился и спросил: сколько же у него денег? Пифий ответил: «Золота четыреста миллионов дариевых монет без семи тысяч, да серебра две тысячи пудов; прими их, царь, от меня в подарок, а мне довольно дохода с моих полей и моих рабов».— «Ты первый и единственный, кто хочет мне помочь добровольно, а не по принуждению,— сказал Ксеркс.— Зовись отныне моим царским другом и гостеприимцем, деньги свои оставь при себе, а в награду за твою щедрость прими от меня семь тысяч монет; пусть будет их ровно четыреста миллионов».

Канал был вырыт, мост наведен, войска собраны. Ксеркс приказал выступать из Сард к Геллеспонту.

В день выступления на небе произошло затмение солнца: день сменился ночью. Ксеркс встревожился и спросил магов, что это значит. Маги ответили: «Доброе предзнаменование, царь, потому что луна заслонила солнце; а ты знаешь, что луна служит предвестником будущего у персов, а солнце у греков». Ксеркс поверил, но не поверил новый царский друг Пифий. Он подошел к царю. «Прошу тебя о милости, мой царь».— «Проси,— сказал Ксеркс,— просьба твоя исполнится».— «С тобой идут пять моих сыновей,— сказал Пифий,— оставь мне одного из них, потому что я стар и слаб». Ксеркс стал страшен. «Как ты смеешь говорить о сво-

ем сыне, когда я сам веду с собою всех моих сыновей, братьев, родственников и друзей? Я оставлю тебе твоего сына, но знай, если бы не твое гостеприимство, ты поплатился бы хуже!» И Ксеркс приказал отыскать в войске старшего Пифиева сына, рассечь его пополам, положить две половинки его тела справа и слева от дороги из Сард, а войску — пройти между ними.

Впереди шли носильщики и вьючный скот. Потом — отряд за отрядом, народ за народом — первая половина царского войска. Потом тысяча персидских всадников. Потом тысяча персидских копьеносцев с копьями, опущенными к земле. Потом — запряженная восемью белыми конями колесница, посвященная богам; возница шагал рядом, ибо никто из смертных не смел всходить на эту колесницу. Потом — запряженная такими же конями боевая колесница, на которой стоял царь Ксеркс. За ним — еще тысяча персидских копьеносцев, но с копьями, повернутыми вверх. Затем еще тысяча персидских всадников. Затем — десять тысяч отборных царских воинов, знатнейших, сильнейших и храбрейших: они назывались «бессмертными», ибо для каждого из них заранее был назначен преемник; у тысячи копья были украшены золотыми яблоками, у девяти тысяч — серебряными. Затем — десять тысяч отборных царских конников. И наконец — отряд за отрядом, народ за народом — вторая половина царского войска.

КАКОЕ ВОЙСКО ВЕЛ КСЕРКС НА ГРЕЦИЮ

Над геллеспонтским мостом, на холме, из мрамора был сделан царский трон.

Ксеркс спустился к морю. Воздев руки к восходящему солнцу, он помолился о том, чтобы с ним не случилось никакого несчастья, пока он не завоюет Европу до самого края света. Наклонясь к воде, он бросил в волны Геллеспонта золотую чашу, золотой кувшин и короткий персидский меч с золотой рукоятью. Были ли это дары солнцу или дары морю — Геродот не знает.

Потом Ксеркс взошел на мраморный трон и стал смотреть, как по двум мостам переходит из Азии в Европу его войско.

Шли персы и мидяне в войлочных шапках, в пестрых рубахах, в чешуйчатых панцирях, с плетеными щитами, короткими копьями и большими луками.

Шли ассирийцы в шлемах из медной проволоки, с дубинами, обитыми железными гвоздями, в полотняных плащах.

Шли саки, скифское племя, в остроконечных войлочных колпаках, в широких шароварах, с луками и секирами.

Шли индийцы, одетые в ткани из хлопка, с тростниковыми луками и стрелами с железными наконечниками.

Шли саранги в раскрашенных одеждах, в сапогах до колен, с чалмами на головах.

Шли арабы в подпоясанных плащах и с луками на правом плече.

Шли африканские эфиопы, накинув барсовы и львиные шкуры, луки у них были из пальмового дерева, наконечники стрел из камня сердолика, а наконечники копий — из рога антилопы; перед сражением они окрашивают себе половину тела белым гипсом, а половину — красным суриком.

Шли азиатские эфиопы, прикрыв головы лошадиными скальпами с гривой и обтянувши тело журавлиной кожей.

Шли ливийцы с обожженными деревянными пиками, пафлагонцы в лыковых шлемах, киссиеи с повязками на головах.

Шли бактрийцы, парфяне, хорасмии, согды, гандары и дадики. Шли пактийцы, лигийцы, матиены, мариандины, утии, мики и парикании.

Шли фракийцы, у которых на головах лисьи шкуры, на теле — пестрые плащи, а на ногах — обувь из козьей кожи.

Шли ликийцы в шапках с перьями кругом, держа в руках короткие мечи и длинные железные косы; стрелы у них не имеют оперения.

Шли халибы, носящие вместо копий — рогатины, на шлемах бычьи уши и медные рога, а на голенях — лоскутья пурпурного цвета.

Шли каспии, кадузии, амарды и гелы, которые живут у Каспийского моря, едят сырую рыбу и одеваются в тюленьи шкуры.

Шли мосхи в деревянных шлемах, шли тибарены, макроны,моссинойки, мары,саспейры и алародии.

Шли сагартии, не знающие оружия ни медного, ни железного, а сражающиеся одними ременными арканами.

Всадники и колесничники вели в поводу коней, ослов, мулов, онагров и верблюдов. Верблюдов вели последними, чтобы кони не бесились от их запаха.

Плыли трехпалубные корабли — триеры — приведенные финикийцами,киликийцами, египтянами, киприотами, карийцами, памфилийцами и греками из ионийских городов и с эгейских островов. Пятью кораблями командовала женщина по имени Артемисия, управлявшая Галикарнасом, тем самым, где родился Геродот.

Десятники вели свои десятки, сотники — свои сотни, тысячники — свои тысячи. Царские писцы пропускали мимо себя отряд за отрядом, записывая на таблички, от какого народа сколько пришло бойцов и кто стоит во главе.

Семь дней и семь ночей без единой передышки переправлялись через Геллеспонт царские войска, подгоняемые ударами бичей. С мраморного трона смотрел на них Ксеркс. Иногда его взгляд был горд, иногда спокоен, иногда туманился слезами.

«О чем ты грустишь, царь?» — спросил его Артабан. Ксеркс ответил: «Я подумал, как коротка человеческая жизнь: ведь среди множества людей ни один не сможет дожить до ста лет».— «Это еще не самое печальное,— ответил ему Артабан.— Подумай лучше, как тяжка и бедственна человеческая жизнь: ведь среди такого множества людей ни один и не захочет доживать до ста лет».

Когда последние отряды царского войска взошли на мост и ближний берег опустел, а дальний совсем потерялся в толчее бойцов, блеске оружия, криках людей и ржанье коней, тогда один из местных греков, молча смотревших на переправу с окрестных холмов, крикнул: «Великий Зевс, зачем ты назвался Ксерксом и оделся персом? Зачем, желая сокрушить Элладу, ведешь ты с собою стольких людей? Ты мог бы это сделать и без них».

КАК ШЕЛ КСЕРКС ЧЕРЕЗ ФРАКИЮ И МАКЕДОНИЮ

Когда войско отдохнуло после переправы, Ксеркс приказал его пересчитать. Пересчитать всех поголовно было немыслимо. Сделали так: вывели в поле десять тысяч воинов, построили плотным строем в сто рядов по сто человек, бок к боку, плечо к плечу, и очертили по земле чертой. Потом воинов увели, а по черте построили кирпичную стену по пояс человеку. Этот загон стали наполнять воинами снова и снова, всякий раз до отказа. Так пришлось сделать сто семьдесят раз. После этого Ксерксу доложили, что в войске его миллион семьсот тысяч человек одной пехоты. А вместе с конницей, с моряками, с носильщиками, с бесчисленным обозом — Геродот называет точную цифру — пять миллионов двести восемьдесят три тысячи двести двадцать человек. Нынешние историки говорят, что эта цифра преувеличена раз в сто.

Как с Датом и Артаферном ходил на Грецию Гиппий, так с Ксерксом шел на Грецию изгнанный спартанский царь Демарат. Ксеркс спросил Демарата: «Что ты скажешь, Демарат? Выйдут ли против моего войска твои спартанцы?» Демарат отвечал: «Выйдут».— «Как? — спросил Ксеркс.— Неужели они могут сражаться один против десяти и один против ста?» — «Нет,— ответил Демарат.— Но у них есть закон: не спрашивать, сколько врагов, а спрашивать, где они; не раздумывать, можно ли отбиться, а выходить и биться. И спартанцы боятся закона больше, чем персы царя».

Царское войско шло через Фракию тремя дорогами. Небольшие реки были выпиты воинами до капли. Озера близ города Пистир едва хватило, чтобы напоить вьючный скот, а озеро такое, что обойти его — нужно полтора часа. Фракийцы покидали свои деревни, убегали в горы и с лесистых склонов смотрели на бесконечные ряды царских войск. До сих пор,— говорит Геродот,— дорогу, по которой шел Ксеркс, они считают священной, не разрушают и не засевают ее.

На пути лежали греческие города: Энос, Маронея, Абдера, Эйон, Стагир и Аканф. В каждом городе делали привал. Горожане мололи все свои запасы зерна на хлеб для войска, переливали все свои запасы золота на посуду для царя. Ксеркс пировал в палатке, войско под открытым небом. Отпировав и переночевав, персы двигались дальше, захватив с собою все, что оставалось — если оставалось — и хлеба, и мяса, и золота. Царская дружба была не менее опустошительна, чем царская вражда.

В городе Абдере один остроумный человек предложил согражданам собраться в храм и поблагодарить богов за то, что персы обедают только раз в день: двух обедов город бы не выдержал.

За Аканфом начинался прорытый для Ксерксова флота канал, за каналом виднелась гора Афон. Видом она похожа на женскую грудь, а высока так, что солнце освещает вершину много раньше, чем подножие: вверху уже пахарь устал пахать, а внизу еще только кричат петухи. Ксеркс долго смотрел на Афон, а потом послал глашатая возвестить горе: «Гордый Афон, царь Ксеркс говорит тебе: если ты вновь помешаешь его пути, то будешь срыт до основания».

Здесь, в Аканфе, умер полководец и родственник Ксеркса Артахей, надзиравший за постройкой канала. Это

был самый высокий из персов — росту в нем было пять царских локтей без четырех пальцев, а по-нашему — два с половиною метра; а голос у него был такой, что только египтянин, окликнувший когда-то Гистиея через Дунай, мог бы, пожалуй, померяться с ним. По приказу Ксеркса каждый из воинов бросил на его могилу горсть земли; вырос огромный курган, на котором до сих пор,— говорит Геродот,— аканфяне приносят жертву герою Артахею.

Последней стоянкой был город Ферма. Здесь персы стали лагерем вдоль берега моря. От края до края лагеря был день пешего пути. Дальше начиналась Греция. Лесистые горы загораживали в нее дорогу; там уже стучали топорами царские дровосеки, прорубая просеки для ксерксова войска. Над темными высотами этих гор поднималась покрытая вечными снегами и окутанная белыми туманами вершина Олимпа.

Здесь, на пороге Греции, царь Ксеркс ждал возвращения послов, отправленных в греческие города с требованием земли и воды.

КТО ИЗ ГРЕКОВ ДАЛ И КТО НЕ ДАЛ ПЕРСАМ ЗЕМЛЮ И ВОДУ

«Землю и воду дали: фессалийцы, долопы, энианы, перребы, локры, магнеты, малийцы, фтиотийцы, фиванцы и другие беотийцы, за исключением феспийцев и платейцев»,— перечисляет Геродот.

Это была вся северная и почти вся средняя Греция.

Не дали землю и воду только спартанцы, афиняне и их ближайшие соседи.

В Афины и Спарту Ксеркс послов не посылал. Сюда их посылал еще Дарий, и отсюда они не вернулись. Афиняне бросили царских послов в пропасть, а спартанцы — в колодезь, сказав: «Здесь вы найдете вдоволь и земли и воды».

Послы считались лицами неприкосновенными: убийство их было грехом, который нужно искупать. Спартанские цари обратились к народу: не желает ли кто из граждан пожертвовать жизнью для Спарты? Вызвались двое. Их отослали в Персию — прямо на гибель. Но Ксеркс не стал их губить. «Зачем мне снимать со спартанцев их вину перед богами?» — сказал он. Оба спартанца с честью возвратились на родину.

Когда они были в Персии, их позвал в гости один из царских друзей, по имени Гидарн. «Вы — отважные люди, а царь умеет ценить отважных людей,— сказал Гидарн.— Разве не лучше вам служить царю, чем вашей нищей родине?» Спартанцы ответили: «Ты не можешь сравнивать, Гидарн: что значит быть царским рабом, ты знаешь, а что значит быть свободным человеком, ты не знаешь. Если бы ты только испробовал вкус свободы, ты сам бы стал драться за нее копьем и мечом».

Геродот продолжает свой рассказ. «Те эллины, которые дали персам землю и воду,— говорит он,— были спокойны в уверенности, что варвары не причинят им никакой беды; напротив, отказавшие в земле и воде пребывали в большом страхе, потому что кораблей для обороны в Элладе было мало, а народ по большей части не желал вести войну и сильно сочувствовал персам».

Вот этот большой страх — и перед персами, и перед собственным народом — и заставил афинских и спартан-

ских правителей забыть распри и действовать заодно. Обойтись друг без друга они все равно не могли: у Спарты было сильное войско и слабый флот, у Афин сильный флот и слабое войско. А Ксеркс шел на Грецию и с войском, и с флотом.

Решено было так: все города, отказавшие персам в земле и воде, кончат междоусобные войны, дадут друг другу клятву в верности, в персидский стан пошлют лазутчиков, а в те города, где персидские гонцы еще не побывали,— послов с просьбой о помощи.

Персидский стан находился тогда еще в Сардах. Туда и явились греческие лазутчики: три человека. Их схватили и повели на казнь. Об этом узнал Ксеркс. Он приказал: казнь отменить, лазутчиков освободить, провести их по всему лагерю, показать им всю царскую пехоту и конницу, а потом отпустить на все четыре стороны. «Чем лучше будут греки знать мою силу, тем скорей отдадутся они мне во власть»,— сказал Ксеркс. С тем лазутчики и воротились.

Городов и областей, куда были отправлены послы с просьбой о помощи, было четыре: Аргос, Керкира, Сиракузы и Крит. Всюду послы получили отказ.

Аргос ответил отказом, потому что от прихода персов он ждал не зла, а блага. Ксеркс прислал в Аргос глашатая с такою вестью: «Знайте, аргосцы: персидский народ происходит от героя Перса, а Перс — это сын Персея и Андромеды, а Персей — это сын Зевса и Данаи, царевны Аргоса. Вы наши предки, мы ваши потомки; ни вам не пристало идти на нас, ни нам на вас; оставайтесь же дома и ждите от царя Ксеркса почета и уважения». Вот почему аргосцы не выступили против персов.

Крит ответил отказом, потому что так посоветовал ему дельфийский оракул. Оракул сказал:

> Вспомните, как помогали вы эллинам мстить за Елену,
> Вспомните, сколько вы бед понесли, и примите решенье.

Критяне вспомнили, как после троянской войны весь их остров обезлюдел от голода и мора, и почли за лучшее в новой войне помощи грекам не оказывать.

Керкира не ответила отказом: керкиряне снарядили шестьдесят кораблей и послали их в путь. Но корабельщикам был дан тайный приказ: на полпути остановиться, бросить якорь и ждать исхода войны. Если победит Ксеркс — явиться к нему и сказать: «У нас — сильнейший в Греции флот после афинян, но мы не пошли против тебя, как пошли афиняне: прими нас в подданство и оцени нашу покорность». Если победят греки — явиться к ним и сказать: «Мы шли к вам давно, но нас задерживали противные ветры; теперь мы рады встать и биться рядом с вами». Корабельщики так и поступили.

Сиракузы в Сицилии были сильнейшим государством Греции — не менее сильным, чем Афины и Спарта. Но у сицилийских греков был свой враг — Карфаген: ему уже принадлежала половина Сицилии, и он рвался захватить вторую ее половину. В Сиракузах правил тиран Гелон. Греческим послам он сказал: «Когда я просил у вас помощи против карфагенян, мне никто из вас не помог; теперь, когда вас самих стали теснить варвары, вы вдруг вспомнили о Гелоне! Я не таков, как вы: я готов послать вам двести триер, двадцать тысяч тяжеловооруженных воинов, две тысячи лучников, две тысячи пращников, две тысячи тяжелой и две тысячи легкой

конницы. Но за это я требую, чтобы военачальником и главою эллинов был я».— «Нет,— ответил спартанский посол,— никогда не уступит Спарта Сиракузам главенства на суше».— «Нет,— ответил афинский посол,— никогда не уступят Афины Сиракузам главенство на море».— «Нет,— ответили они вдвоем,— нас послали к тебе просить не военачальника, а войска!» — «Ну, что же,— сказал тогда Гелон,— я вижу, что вы имеете начальников, но вряд ли будете иметь подначальных. Ступайте же назад и объявите Элладе, что нынешний год у нее будет без весны».

Вот как случилось, что четыре сильнейших греческих государства отказали Афинам и Спарте в помощи против персов.

Кто вел себя хуже? «Не знаю,— говорит Геродот,— не к лицу людям судить о дурных делах других людей. Полагаю только, что если бы люди решили поменяться своими пороками и снесли их в одно место, то, посмотрев хорошенько на чужие пороки, каждый взял бы назад свои». Вот так и поведение аргосцев и всех остальных могло быть еще далеко не самым позорным.

КАК ГРЕКИ ШЛИ НАВСТРЕЧУ ПЕРСАМ, А ПЕРСЫ ГРЕКАМ

Ксеркс шел на Грецию с севера.

Перед завоевателем, который идет на Грецию с севера, природа поставила три преграды: вал, стену и ров.

Вал — это Пиерийские горы. За ними лежит северная Греция — зеленая гладь фессалийской равнины. Через вал несколько перевалов: по ним сейчас прокладывают путь дровосеки царя Ксеркса.

Стена — это Этейские горы. За ними лежит средняя Греция — лабиринт невысоких хребтов и узких долин между ними. Здесь Фокида с городом Дельфы, здесь Беотия с городом Фивы, здесь Аттика с городом Афины. В стене — единственная калитка: Фермопилы, проход меж горами и морем, шириной в шестьдесят шагов, а местами и того уже.

Ров с водою — это длинный и узкий Коринфский залив. За ним лежит южная Греция — полуостров Пелопоннес, похожий на четырехпалую руку, протянувшую пальцы к югу. Здесь Спарта, здесь Аркадия, здесь Аргос. Через ров — единственный мост: Коринфский перешеек шириною в пять верст от моря до моря; с юга его замком запирает Коринф, город Кипсела и Периандра.

Казалось, что грекам не о чем спорить: нужно обо434ронять от Ксеркса сперва вал, потом стену, потом ров.

Но греки спорили.

Спартанцы не хотели защищать ни вал, ни стену. Они хотели сразу отойти за ров, за Коринфский залив, окопаться на перешейке и здесь, на пороге родины, драться до последнего человека. Все, что к северу от перешейка,— и Фокиду, и Беотию, и Аттику — они без жалости оставляли на разорение врагу: для них это была чужая земля.

Но это была родная земля для афинян: их город, их поля, могилы их отцов. О том, чтобы отдать все это врагам без боя, они не хотели и думать. Они требовали защищать стену и калитку в стене — Фермопилы. Если же нет,— говорили они,— мы посадим на суда жен и детей, заберем кумиры из храмов и добро из сундуков и сделаем, как когда-то фокейцы: всем народом поплывем за море искать себе но-

вую страну. И пусть тогда попробует Спарта отбиться от персов без афинского флота.

Ров, стена — о вале никто не заботился, защищать Фессалию никто не хотел. Фессалийцы говорили: «Не отдавайте нас персам»; фессалийцам отвечали: «Защищайте себя сами». Тогда фессалийские послы встали и горько сказали: «Если вы не хотите помочь нам — не думайте, что мы будем умирать за вас. Мы сдадимся персам, и никто нас не осудит: нет принуждения сильнее необходимости».

Так вал был сдан без боя.

Сдать без боя стену спартанцы не могли. Но победить в этом бою они не хотели. К Фермопилам был послан ничтожный отряд: триста воинов во главе с царем Леонидом, братом Клеомена. Когда эти триста человек выступили из Спарты, дрогнуло сердце даже у спартанских старейшин. Они сказали Леониду: «Возьми хотя бы тысячу». Леонид ответил: «Чтобы победить — и тысячи мало, чтобы умереть — довольно и трехсот».

Триста спартанцев, две с лишним тысячи аркадцев и коринфян, тысяча с лишним беотийцев — всего четыре тысячи человек с небольшим собрались на защиту Фермопил. А в войске Ксеркса,— напоминает Геродот,— было пять миллионов двести восемьдесят три тысячи двести двадцать человек. Афиняне чуяли недоброе. Они требовали, чтобы спартанцы выслали войско побольше. Спартанцы отвечали: «Сейчас — празднества в Олимпии, которые бывают раз в четыре года; после праздников пришлем подкрепления».

Чтобы персидский флот не сделал высадки в тылу у защитников Фермопил, в море вышел греческий флот. Он

встал напротив Фермопил, у северного мыса на острове Эвбее. На мысу стоит храм Артемиды, и сам мыс называется Артемисием.

Была середина лета.

Войско Ксеркса перевалило Пиерийские горы и тремя потоками хлынуло в Фессалию. Фессалийцы безропотно подчинились царю. В честь царя был устроен праздник с конскими скачками: фессалийские кони против персидских коней. Фессалийские кони, лучшие во всей Греции, оказались далеко позади.

Флот Ксеркса снялся с македонской стоянки и двинулся вдоль берега на юг.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПРИ МЫСЕ АРТЕМИСИИ

У острова Скиаф персы натолкнулись на три сторожевых греческих корабля: трезенский, эгинский и афинский. Трезенский корабль захватили сразу; красивейшего из пленников вывели на нос корабля и умертвили в жертву богам. Эгинский корабль захватили только после долгого боя: на нем сражался воин по имени Пифей, положивший несчетно много персов и павший, еще дыша, но весь изрубленный. Его отвезли в царский стан, перевязали раны, лечили лучшими снадобьями, дивясь его храбрости. Афинский корабль ускользнул: он и принес весть о приближении персидского флота.

Греческие моряки с трепетом ждали встречи с врагом. Афиняне молились Борею. У них было изречение оракула: «В беде воззовите к зятю своему»; а женою бога Борея,— гласило предание,— была дочь древнего афинского

царя. Кроме того, Борей уже однажды спас Грецию — тогда, когда разбил корабли Мардония об афонские скалы. И божественный зять опять помог: налетел вихрь, поднялась буря, греки успели укрыть свои суда в проливе за Эвбеей, а персы были застигнуты бурей в открытом море. По самому меньшему счету,— говорит Геродот,— погибло не менее четырехсот судов; потом фессалийские землевладельцы разбогатели, подбирая на берегу выбрасываемые морем золотые и серебряные чаши и кольца с персидских кораблей. Персы высадились на сушу и ждали, пока маги заклинаниями и жертвами не остановили бурю,— «или, быть может, она унялась сама по себе»,— замечает Геродот.

Буря уменьшила разницу в силах: теперь можно было начинать бой.

Персидских кораблей было больше. Персы решили двинуться на греческий флот с трех сторон, окружить, стиснуть и уничтожить. Об этом замысле афинян предупредил перебежчик. Его звали Скиллий, и он был самым лучшим пловцом во всей Греции. Говорили, будто во время бури он губил царский флот, плавая под водой и перерезая якорные канаты. Говорили, будто и теперь он приплыл от персов к грекам, нырнув на одной стороне пролива, а вынырнув на другой — через полторы версты. «Впрочем, я полагаю, что, скорее всего, он переправился в лодке»,— разумно добавляет Геродот.

Греки вывели корабли навстречу персам полукругом, носами вперед и кормами внутрь.

Битва длилась три дня: на ночь разъезжались, поутру сходились снова. Бились так, как во всех морских битвах: корабль проходил борт о борт мимо вражеского корабля, в

щепы ломая его торчащие весла, а потом разворачивался и тараном, носом в бок, прошибал и топил беспомощного, безвесельного врага. Нужно было суметь ударить во вражеский борт, не подставив врагу собственного борта. Афиняне и эгиняне у греков, финикияне и ионяне у персов были хорошими моряками и хорошими бойцами. Они это умели.

«В этом морском побоище,— пишет Геродот,— оба неприятеля оказались равносильны, ибо царские корабли терпели неудобства по причине своей же огромности и многочисленности, смешиваясь в беспорядке и попадая один на другой; несмотря на то, они сопротивлялись и не отступали, считая для себя позором бежать перед столь немногочисленным врагом. Эллинских кораблей и воинов погибло много, но варварских кораблей и людей погибло еще того более. После такого сражения оба войска разошлись».

Все три дня, пока бились корабли перед Артемисием и бились пешие воины в Фермопильском ущелье, в стороне от Артемисия и в стороне от Фермопил стояли и смотрели, покачиваясь на волнах, два гонца в двух легких и гонких лодках. Кто первый победит или будет побежден, тот должен был дать знать о том второму.

На исходе третьего дня гонец от Фермопил пригреб к Артемисию. Он принес весть о том, что битва кончилась, все греческое войско полегло и ущелье в руках персов.

В ту же ночь греческий флот снялся с якоря и ушел на юг.

По пути была сделана последняя хитрость. По всем местам, где на берегу была питьевая вода и где могли высадиться царские моряки, были оставлены надписи: «Ионяне, идущие с царем, стыдно вам идти на своих же соплеменни-

ков и братьев. Если можете, отложитесь от царя; если не можете, сражайтесь вполсилы». Сделано это было с двойным расчетом: или царь об этой надписи не узнает, и тогда ионяне перейдут к своим, или царь об этой надписи узнает, и тогда он сам из подозрения не пустит ионян в бой. Вот каков был этот расчет.

КАК БИЛИСЬ И ПОГИБЛИ ЦАРЬ ЛЕОНИД И ЕГО БОЙЦЫ

«Фермопилы» — это значит «Горячие ворота». Здесь бьют из-под земли горячие серные источники, посвященные Гераклу. Говорят, что Геракл, умирая, сложил себе погребальный костер на соседней горе Эте и что подземные ключи разогрелись от жара этого костра.

В Фермопилах, у горячих источников, разбил лагерь для своих трехсот спартанцев и четырех тысяч союзников царь Леонид. В десяти верстах впереди, на равнине перед ущельем, раскинулся лагерь Ксеркса.

Ксеркс прислал к Леониду гонца с двумя словами: «Сложи оружие». Леонид ответил тоже двумя словами: «Приди, возьми».

Гонец сказал: «Безумец, наши стрелы закроют солнце». Леонид ответил: «Тем лучше, мы будем сражаться в тени».

Ксеркс послал соглядатая — узнать, много ли в лагере спартанцев и что они делают. Соглядатай донес: спартанцев триста человек, никакой тревоги в лагере нет, а занимаются они гимнастическими упражнениями или расчесывают волосы. «Что это значит?» — спросил Ксеркс Демарата. «Это значит, что они готовятся к бою,— сказал Демарат.— Наш закон велит воинам заботиться о прическе: она делает красивых грозными, а некрасивых страшными».

Ксеркс ждал четыре дня, чтобы греки устрашились и отступили. Греки не трогались с места.

На пятый день Ксеркс приказал мидянам идти вперед и выбить безумцев из ущелья.

Кто воевал, тот знает, что самый страшный бой на войне — рукопашный. В древности все бои были рукопашные. Сойтись на длину копья, сойтись на длину меча, ударить мечом, отбить щитом, сделать выпад, уклониться, рассечь панцирь, ранить, убить, добить — таков был бой. Он был бешен и кровав.

Мидяне привыкли биться конными, греки — пешими. У мидян были копья короче, у греков — длинней. Мидяне нападали врассыпную, греки принимали удар сомкнутым строем. Строй был священен: покинуть место в строю, чтобы броситься на врага или от врага, было одинаковым преступлением. Это была железная стена сдвинутых щитов и щетинящихся копий, и об нее разбивался и откатывался каждый натиск мидян.

Ксеркс сменил мидян персами — теми «бессмертными», которых было десять тысяч и у которых на копьях были золотые и серебряные яблоки. Ксеркс сам следил с холма за ходом боя и три раза в волнении привставал с трона. Но и эти отборные воины не поколебали спартанский строй.

С заходом солнца сражение прервалось, с восходом возобновилось. Рукопашный бой тяжел, воины уставали. Но Леонид быстро отводил усталых назад, отдохнувших вперед, и бой продолжался. Груды трупов громоздились в узком ущелье.

На закате второго дня в царский стан пришел человек и предложил провести персов горной тропой в тыл грекам.

Человека звали Эфиальт. Кто он был, неизвестно; почему он пошел на это черное дело, неизвестно; как он погиб, неизвестно. Греки назначили за его голову награду, он бежал, скрывался и вскоре был убит; но кем убит — о том говорили различно, а за что убит — о том говорили неясно: во всяком случае, не за измену, а за что-то другое. Геродот обещает рассказать об этом в своем месте, но до этого места он свою историю недописал.

По узкой тропинке, знакомой лишь козьим пастухам, персидский отряд поднялся в горы и потянулся длинной вереницей вдоль ручья по лесистой расселине.

На рассвете персы столкнулись с греческим сторожевым постом. Их услышали по шороху листьев под ногами. Но схватки не было. Это были не спартанцы, а робкие фокидяне. Осыпанные тучею стрел, они рассеялись по горам. Тропа повернула, и Эфиальд повел персов вниз, к Фермопилам, в тыл Леониду и его бойцам.

В греческом лагере уже знали, в чем дело. Вечером гадатель по печени жертвы сказал, что на заре всех ждет смерть. Ночью перебежчики из царского лагеря донесли, что в обход через горы послан большой отряд. Утром сбежавшие с гор фокидские часовые доложили, что враг уже здесь.

Время пришло умирать. Леонид приказал всем своим союзникам отступить, пока путь не закрыт: он ни с кем не хотел делить славу честной гибели. Осталось триста спартанцев, да еще не пожелали уходить семьсот беотийцев из

города Феспий. Эта тысяча человек приняла под Фермопилами последний бой.

Персы ударили с двух сторон. «Позади отрядов их стояли с бичами в руках начальники и ударами гнали всех вперед дальше и дальше,— говорит Геродот.— Многие падали в море и гибли, многие падали наземь и были растоптаны заживо, но на погибавших никто не обращал внимания. Эллины дрались отчаянно и с бешеной отвагой. Когда копья сломались, они рубились мечами, а у кого не осталось мечей — руками и зубами, пока варвары не похоронили их под градом стрел».

Двух спартанцев не было в стане, когда начался бой. Они лежали больные в ближней деревне. Их звали Эврит и Аристодем. Услышав шум битвы, Эврит приказал подать ему доспехи, встал и, опираясь на раба, пошел в бой. Он погиб вместе со всеми. Аристодем вернулся в Спарту — единственный из трехсот. Если бы они погибли вдвоем, их бы прославили, если бы они вернулись вдвоем, их бы простили. Но Аристодем вернулся один. Его имя было покрыто позором. С ним не разговаривали, ему не давали ни огня, ни воды, на перекличках его называли Аристодемом-Трусом. Мы вспомним о нем, когда будем рассказывать о битве при Платее.

Имя царя «Леонид» означает «львенок». На том холме, где пали последние герои Фермопил, греки поставили каменного льва и высекли знаменитую надпись:

Путник, весть отнеси всем гражданам воинской Спарты:
Их исполняя закон, здесь мы в могилу легли.

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ,
место действия которого — Саламин,
а главный герой — афинянин Фемистокл.
Битва при Саламине: сентябрь 480 г. до н.э.

«Здесь я должен высказать мнение, которое не по душе придется большинству эллинов, но на котором я настаиваю со всею твердостью. Если бы афиняне из страха перед угрожающей опасностью покинули свою страну или отдались бы Ксерксу, никто бы не решился без них выступить против царя на море. А если бы никто не решился выступить на море, то пусть бы даже спартанцы и перегородили многими стенами свой перешеек, все же варварский флот брал бы у них город за городом, и они погибли бы, хотя и с честью и по совершении славных подвигов. Ибо какая была бы польза от стен на перешейке, если бы море было во власти царя? Вот почему, не погрешая против истины, афинян можно назвать спасителями Эллады». Так пишет Геродот.

КТО БЫЛ ФЕМИСТОКЛ
И ЧТО СКАЗАЛ АФИНЯНАМ ОРАКУЛ

Когда Мильтиад одержал марафонскую победу и Афины ликовали, только один среди афинян ходил мрачный, не пировал с друзьями и не спал по ночам. Это был Фемистокл. «Что с тобой?» — спрашивали его друзья. Фемистокл отвечал: «Лавры Мильтиада не дают мне спать».

Фемистокл был молод и самолюбив. Он говорил: «Чего я стою, если мне никто не завидует?»

Поприщем славы ему виделись только дела государственные и военные. Его спрашивали: «Кем бы ты лучше хотел быть: Ахиллом или Гомером?» Он отвечал: «А кем, по-вашему, лучше быть: олимпийским победителем или глашатаем, возвещающем о его победе?» Он даже не умел играть на лире. Над ним смеялись. Он отвечал: «У меня не в ладу струны, зато в ладу государственные дела».

Он искал любви народа, и народ его любил. Он знал всех граждан в лицо и обращался к каждому по имени. Это он, когда афиняне убили персидских послов, явившихся с требованием земли и воды, предложил наказать изгнанием и переводчика, посмевшего произнести такие слова перед греками по-гречески.

Если в пору персидского нашествия у афинян оказался самый сильный в Элладе флот,то этим они были обязаны Фемистоклу. За несколько лет до этого в афинских рудниках были открыты богатые залежи серебра. Доход был неожиданный. Народ не знал, что с ним делать, и решил распорядиться попросту: начеканить денег и поделить их поровну между гражданами. Фемистокл уговорил народное собрание не устраивать дележа, а пустить эти деньги на постройку флота. Флот был нужен для войны с Эгиной — той войны, которая велась будто бы за деревянные кумиры. Флот этот очень понадобился через несколько лет в войне против Ксеркса.

Когда Ксеркс двинулся на Грецию, афиняне послали в Дельфы спросить оракула, что им делать. Оракул ответил:

Что вы сидите? Не медлите! Бросьте дома и ограды,
Прочь от огня и меча сокройтесь в окрайные земли:

Все сокрушит азиатский Арес с боевой колесницы!
Видите? Храмы дрожат, черной кровью потеют колонны,
Беды грядут; ступайте же вон и оплачьте свой город.

Это было так страшно, что афинские послы, вопреки всем обычаям, вновь склонились перед Аполлоном, молитвенно прося другого вещания, помилостивей.

Оракул сказал:

Нет, не уйти от того, что Зевес порешил Олимпиец;
Вот непреложное слово: отымутся горы и долы.
Лишь деревянный оплот пребудет спасеньем афинян,
Ныне же прочь, и спасайте себя от конных и пеших.
О, благой Саламин, сколь много мужей здесь погибнет!

Оставалось только понять, что такое «деревянный оплот». Старики говорили, что это — афинский акрополь, потому что акрополь в старину был обнесен терновым плетнем. Молодые говорили,— а громче всех Фемистокл,— что это борта афинских кораблей и что это значит: надо садиться на суда и принимать бой у Саламина. Им возражали: «Но ведь сказано: „сколь много мужей здесь погибнет!"» Фемистокл отвечал: «Речь не о наших мужах, а о персидских: иначе было бы сказано не „о, благой Саламин", а „о, презлой Саламин"». Такое толкование было, пожалуй, чересчур уж тонким; но люди верят тому, чему хотят верить, и они поверили Фемистоклу.

Решать надо было быстро. Персы уже прошли через Фермопилы. Фокидяне были порабощены. Беотийцы дали царю землю и воду. Спартанцы забыли и думать о защите союзников и строили стену на Коринфском перешейке.

Афиняне распорядились: всем взрослым мужчинам покинуть город и собраться на остров Саламин в аттическом заливе; всех женщин и детей перевезти через залив и просить для них приюта в городе Трезене. Трезенцы повели себя по-братски: беженцев приютили, женщинам назначили пособие на прокорм, детям позволили рвать плоды где угодно, а чтобы время не пропадало зря, наняли для детей учителя. Мы не знаем имен многих и многих древних героев, художников и мудрецов, но имя человека, предложившего нанять для афинских детей учителя, мы знаем. Его звали Никагор.

Персы вступили в пустые Афины. Только на акрополе засело несколько десятков стариков и бедняков. Они верили в оракула по-своему: они загородили все входы досками и бревнами и ждали врага, полагаясь на деревянный оплот. На подступающих персов они сбрасывали каменные глыбы. Персы расположились поодаль и стали пускать в акрополь стрелы с пучками горящей пакли. В деревянной ограде начался пожар. Тогда персы пошли на приступ, по неприметной тропе взобрались на скалу, перебили защитников, выжгли и разграбили храм. Это тоже была месть за Сарды.

Когда-то за покровительство над афинской землей спорили два божества: Посейдон и Афина. Страна должна была достаться тому, кто даст ей более полезный подарок. Посейдон ударил оземь трезубцем — и из земли забил соленый источник, Афина ударила оземь копьем — и из земли выросло оливковое дерево. С тех пор владычицей Аттики и стала Афина.

На акрополе стоял храм, в этом храме на дне каменной расселины в полу виднелся соленый источник Посейдо-

на, а рядом росла сотворенная Афиной олива. Она сгорела, когда сгорел акрополь. Но когда на следующее утро Ксеркс приказал совершить на выжженном акрополе все положенные жертвоприношения,— а совершить это должны были сыновья Гиппия, внуки Писистрата, наследники афинской власти, сопровождавшие Ксеркса в его походе,— тогда взошедшие на акрополь увидели: среди дымящихся развалин храма на черном обугленном стволе священной оливы зеленел бледной зеленью свежий побег, вытянувшийся за ночь почти в локоть длиной. Для всех, кто верил, это был знак, что Афины скоро встанут из пепла, расцветут и наполнятся новой силой.

ГДЕ БЫЛ САЛАМИН И О ЧЕМ СПОРИЛИ ГРЕЧЕСКИЕ ФЛОТОВОДЦЫ

Мы видели остров Саламин, когда смотрели с афинского акрополя на юг, на зеленую равнину и синий залив под голубым небом. Саламин лежал у аттического берега, изогнувшись подковой, взгорбившись двумя холмами и вытянув по направлению к Афинам длинный язык песчаной отмели. Он разгораживал собою большой залив, по одну строну которого лежали земли Афин, а по другую сторону — земли города Мегары.

Когда-то Саламин был спорной землей между Афинами и Мегарой. Два города вели из-за него долгую и жестокую войну. Однажды афиняне потерпели в этой войне такое поражение, что в отчаянии собрались и постановили: от Саламина отказаться навсегда, а если кто вновь заговорит о войне за Саламин, того казнить смертью. Мрачные, в трауре

по погибшим, ходили афиняне по своему городу, думая об одном и том же, но вслух не говоря ни слова. В те дни еще молод был мудрец Солон. Он придумал, как заговорить о запретном. Он притворился сумасшедшим, который не может отвечать за свои слова. Со всклокоченными волосами, в разорванном плаще, он выбежал из дома, бросился на рыночную площадь, вскочил на камень, с которого выступали глашатаи, и заговорил с народом стихами. В стихах говорилось:

...Лучше бы мне не в Афинах родиться, а в месте безвестном.
Чтобы не слышать укор: «Сдал он врагам Саламин»!
Если ж афиняне мы, то вперед, и на остров желанный!
Смело на бой, чтобы снять с родины черный позор!

Услышав эти слова, народ словно сам обезумел: люди бросались в дома, хватали мечи и копья и бежали строиться в полки. Был поход, была победа, а потом, чтобы не затягивать войны, спор о Саламине решили отдать на третейский суд Спарте. Каждая сторона представила доводы, что Саламин принадлежит ей. Доводы были странные. Например, мегаряне говорили: «В Афинах жрица Афины-градодержицы не имеет права есть афинский сыр, а саламинский сыр ест; стало быть, Саламин — земля не афинская». Афиняне возражали: «В Мегаре покойников хоронят головой на восток, в Афинах — на запад, на Саламине — как в Афинах; стало быть, Саламин — земля афинская». Этот довод подсказал афинянам Солон, и спартанцам он показался более веским: остров Саламин остался за Афинами.

Сейчас у северного берега Саламина встал на стоянку греческий флот. Сюда отступили корабли от Артемисия; сюда подошли корабли, которые не успели попасть к Арте-

мисию. Всего было триста семьдесят восемь боевых судов от двадцати городов. Половину их выставили Афины.

Двадцать флотоводцев собрались в палатке главноначальствующего — спартанца Эврибиада. Нужно было решить: где принимать бой? Один за другим вожди вставали и говорили: надо плыть к Коринфскому перешейку и сражаться там. Там впереди — открытое море, а не узкий неудобный пролив; там позади — своя земля и свои войска, а не захваченная врагами Аттика.

Против был один Фемистокл. Он говорил: надо принимать бой здесь, в Саламинском проливе. Здесь впереди — узкий пролив, но он опасней для врагов, чем для греков; здесь позади — Саламин, Эгина и Мегара, греческие земли, которые нельзя без боя отдавать врагам.

Фемистокла не слушали. «Ты — человек без родины, поэтому молчи!» — сказал ему коринфский вождь Адимант и показал через пролив — туда, где из-за холмов медленными клубами всплывал серый дым над горящими Афинами. «У меня есть родина, и она — вот! — отвечал Фемистокл и показал на пролив — туда, где у берега борт к борту стояли, покачиваясь на волнах, двести афинских триер.— Если же вы покинете Саламин — мы покинем вас и всем народом отплывем в заморские земли. Вы вспомните мои слова, когда лишитесь таких союзников!»

Эта угроза решила дело. Мнение одного перевесило мнение многих. Нехотя разошлись флотоводцы, чтобы готовиться к битве в проливе.

Греки не знали, что в это же время в стане царя Ксеркса происходит такой же военный совет и советники царя спорят, давать или не давать бой.

Мардоний говорил: «Царь, лучше дать бой, чем его откладывать. Ты разом уничтожишь все греческие корабли, и тогда все берега всей Греции будут в твоей власти. Греческие войска, собравшиеся на перешейке, разбегутся, чтобы защищать каждому свой город, и ты войдешь в Пелопоннес. Не бойся, что флот твой не выдержит боя: ты сядешь сам на троне на берегу, и под взглядами своего царя твои моряки будут биться еще лучше, чем бились они до сих пор».

Артемисия, правительница Галикарнаса, вождь пяти кораблей, сказала: «Царь, лучше не давать боя. Исход боя всегда неверен, а греческие моряки настолько сильнее твоих, насколько мужчины сильнее женщин. Если же ты помедлишь, победа будет твоей без боя. Двинь войско к перешейку, и у Саламина не останется ни одного греческого корабля: все они разбегутся от чужой земли к своим городам, и ты легко разобьешь их врозь. А на доблесть твоих моряков не особенно надейся: обычно у дурных господ хорошие рабы, у хороших господ дурные рабы; так и у тебя, лучшего из господ, немало дурных рабов».

Царь выслушал оба мнения, похвалил Артемисию, но предпочел согласиться с Мардонием.

Персидский флот снялся со стоянки и стал в боевом порядке у входа в пролив — между Саламином и афинским берегом.

КАКУЮ ХИТРОСТЬ ПРИДУМАЛ ФЕМИСТОКЛ И ЧТО СКАЗАЛ О НЕЙ АРИСТИД

Когда в греческом стане узнали, что персидский флот стоит в часе пути, все благие решения были разом забыты. Начальники

шумели в палатке Эврибиада. Фемистоклу не дали сказать ни слова. Общее отступление к перешейку было назначено на следующий день. Фемистокл понял, что уговорами уже ничего не решишь. Он вышел из палатки и сделал знак своему рабу. Раб подошел. «Делай, что сказано»,— тихо сказал ему Фемистокл. Раб кивнул и исчез. Фемистокл вернулся в палатку.

Раба звали Сикинн. Это был единственный человек, которому Фемистокл доверял. Он знал, что даже под пытками Сикинн не выдаст его тайну.

Сикинн сел в маленький челнок. Незаметно, держась под самым берегом, он обогнул Саламин. Он плыл в стан персов.

Персидские часовые привели его в царский совет. Сикинн сказал: «Царь, меня прислал к тебе афинянин Фемистокл, желающий тебе победы. Греки хотят бежать: отрежь им выход, окружи их и разбей. Они враждуют друг с другом и не устоят против вас».

Царь выслушал и поверил Сикинну.

От греческой стоянки в открытое море вели два узких пролива: один между Саламином и афинским берегом, другой между Саламином и мегарским берегом. Первый уже был занят персами; царь приказал занять второй. Темной ночью отряд персидских кораблей, не плеснув и не скрипнув, обогнул Саламин с юга и занял второй пролив. Теперь греки были окружены и должны были принять бой — не охотой, так неволей.

Весть об окружении принес в греческий стан на рассвете афинянин Аристид.

Аристид был врагом Фемистокла, и Фемистокл был врагом Аристида. Каждый из них хотел блага Афинам, но

Фемистокл видел это благо в сильном флоте, а Аристид в сильном пешем войске. Фемистокл был хитер и пылок, Аристид — спокоен и справедлив. «Справедливый» — было его прозвище; справедливостью он славился на всю Грецию.

Вражда между двумя вождями была такая, что Фемистокл выступал против любых предложений Аристида, не разбираясь, разумные они или неразумные. Аристиду приходилось подавать советы народному собранию через подставных лиц. Временами он говаривал: «Самое лучшее для афинян: связать нас обоих, Фемистокла и меня, да и сбросить в пропасть».

До пропасти дело не дошло, но до изгнания дошло. В Афинах был особый суд, чтобы изгонять тех, кто ни в чем не виновен, но слишком могуществен. Раз в год архонты-правители спрашивали народное собрание: не стал ли в Афинах какой-нибудь гражданин чересчур уж силен и влиятелен? не грозит ли городу новая тирания? Если народ отвечал: «Да!» — устраивалось голосование: каждый писал на глиняном черепке имя того, кто казался ему опасен, архонты подсчитывали черепки, и тот, чье имя повторялось чаще всего, отправлялся на десять лет в почетное изгнание. «Черепок» по гречески — «остракон», «суд черепков» — «остракизм». Таким «судом черепков» должны были решить афиняне, кому из двоих остаться у власти, кому уйти в изгнание: Аристиду или Фемистоклу. У Аристида врагов оказалось больше: в изгнание отправился он.

Говорили, что во время голосования к Аристиду подошел незнакомый крестьянин: «Я неграмотен: напиши за меня имя на черепке». Аристид взял черепок. «Чье имя?» —

«Пиши: Аристид». Аристид удивился. «А что этот Аристид тебе сделал?» — «Ничего он мне не сделал, а просто надоело слышать, как все про него твердят: Справедливый да Справедливый». Аристид улыбнулся и твердым почерком написал свое имя на черепке. Уходя в изгнание, он воскликнул: «Пусть не придет такой тяжелый час, чтобы афиняне вспомнили обо мне!»

Тяжелый час пришел: афиняне вспомнили об Аристиде. Он жил в изгнании на Эгине. За ним послали корабль с просьбой вернуться. Когда корабль возвращался с Аристидом, все подступы к Саламину оказались уже заняты персидскими судами. С трудом удалось ему проскользнуть к своим. Аристид сошел на берег. Ночь кончалась, со стороны Аттики занимался рассвет. В палатке военачальников еще слышались охрипшие голоса: там обсуждали последние подробности отступления. Аристид попросил вызвать к нему Фемистокла.

Аристид сказал: «Фемистокл, теперь не время нам сводить счеты. Скажи своим товарищам, что спорить об отступлении поздно: отступать некуда, мы окружены».

Фемистокл сказал: «Аристид, я знаю твою ненависть ко мне, но я знаю и твою любовь к родине. Узнай то, чего не знает никто, кроме раба моего Сикинна; это я посоветовал царю окружить наш флот, чтобы заставить этих спорщиков биться за нашу Аттику, а не за свой Пелопоннес. Если ты думаешь, что я сделал плохо,— скажи им об этом, и пусть меня казнят как изменника. Если ты думаешь, что я сделал хорошо,— скажи им только, что спорить поздно и что надо готовиться к бою».

Аристид долго смотрел в лицо Фемистоклу. Потом он проговорил: «Ты сделал хорошо, Фемистокл. Ты сделал лучшее, что ты мог». Он шагнул в сторону, поднял полог и вошел в палатку.

Аристиду не поверили сразу, но уже всходило солнце и с холма посреди острова стал виден лес персидских мачт в обоих проливах. Уже подплывала к саламинскому берегу ионическая триера-перебежчица и бежали по песку ее воины, крича, что царь отдал приказ наступать. Начальники бросились к своим отрядам, трубы затрубили сбор, гребцы схватились за весла, бойцы за мечи, и корабль за кораблем стал отваливать от берега, чтобы стать на свое место в боевом строю.

КАК ШЕЛ БОЙ В САЛАМИНСКОМ ПРОЛИВЕ

Царь Ксеркс поставил свой золотой трон на высоком берегу Аттики над Саламинским проливом. У подножия трона сидели писцы, готовые записывать для потомства все подробности великой царской победы.

Как на ладони лежал перед Ксерксом Саламинский пролив: слева — узкая его часть, по которой медленно двигалась к месту боя бесконечная толпа персидских кораблей, справа — широкая его часть, где в боевом строю их ожидал греческий флот.

Выйдя из узкого водяного коридора, где справа были аттические скалы, а слева — Саламин, царские суда входили в такой же узкий коридор, где справа были все те же аттические скалы, а слева — бортами друг к другу, окованными носами к врагу — длинный, длинный ряд греческих кораблей.

Первыми в царском флоте плыли финикийские корабли, потом — ионийские, киликийские, памфилийские,

египетские. Нужно было далеко проскользнуть по водяному коридору, развернуться под самым носом у вражеских кораблей и встать к ним лицом. Это было трудно. Места было мало, и времени было мало: сзади напирали новые и новые суда.

Когда головные корабли персов уже развернулись, средние еще плыли вперед, а задние сгрудились в проливе, со стороны греков грянула труба, вспенилось море под веслами, и вся цепь их медноносых судов двинулась вперед, разбегаясь все быстрей с каждым взмахом гребцов. Царский флот принял удар. Все смешалось в проливе: треск бортов, скрип весел, крик бойцов, лязг оружия, стоны раненых взлетели над битвой к золотому ксерксову трону. Суда сцеплялись крючьями, проламывались под таранами, бились о берега, рассыпались обломками, тонули. Люди, убитые, раненые, живые, громоздились на бортах, скользили, падали в море и захлебывались в кровавой воде, а над их головами с треском сшибались новые и новые корабли.

Геродот пишет, как афинский корабль гнался за кораблем Артемисии, царицы его родного Галикарнаса; Артемисия спаслась, неожиданно ударив и потопив соседний, персидский же, корабль,— афиняне решили, что она передалась к ним, и перестали гнаться за ней.

Геродот пишет, как ионийский корабль потопил корабль афинский, а эгинский корабль подоспел и потопил ионийский, а ионяне, метатели копий, держась за обломки бортов и мачт, копьями сбили эгинцев с их корабля и, подплыв, захватили его сами.

Геродот пишет, как эгинский вождь Поликрит отбил у врагов тот корабль, где томился в ранах захваченный персами отважный Пифей, его земляк, а потом, случайно встретив в разгаре боя корабль Фемистокла, во весь голос крикнул ему через борт: «Ну, что, Фемистокл, ты и теперь будешь говорить, что эгиняне — изменники?»

«Большинство варварских кораблей погибло в сражении при Саламине, причем одни из них были уничтожены афинянами, другие эгинянами,— пишет Геродот.— Так как эллины сражались строем, все на своих местах, а варвары не успели еще выстроиться и ничего не делали со смыслом, то неизбежно должно было случиться то, что случилось. Варвары в тот день бились отважно, потому что каждому из них казалось, что на него смотрит сам великий царь. Но когда передовые их корабли повернули назад, они стали гибнуть без числа и счета, потому что задние корабли рвались вперед, желая тоже отличиться пред царем, и сталкивались в тесном проливе со своими же убегающими передовыми».

«Наибольшую славу в этой битве стяжали среди эллинов эгинянин Поликрит и афинянин Аминий — тот, корабль которого первым сцепился с вражеским кораблем и который потом гнался за Артемисией. Если бы он знал, что на том корабле — Артемисия, он непременно бы взял ее в плен, ибо за голову Артемисии была назначена награда в десять тысяч драхм: так сильно негодовали афиняне на то, что женщина пошла в поход против них. Но она, как сказано, ускользнула; с нею вместе бежали и укрылись в афинской гавани все уцелевшие варвары с их кораблями».

Западный ветер подул, подхватил в проливе несчетные корабельные обломки и понес, колыхая, их к берегу Аттики, к месту, называемому Колиады. Так исполнились слова

одного прорицателя, которые были произнесены за много лет до того и которые тогда никто не понял:

— Будут жарить на веслах тунцов колиадские жены.

КАК ЦАРЬ КСЕРКС ВОРОТИЛСЯ В АЗИЮ

Мардоний сказал Ксерксу:

«Не печалься, царь, и не думай, что войско твое побеждено. Не корабельные бревна, а люди и кони решают исход войны. Не персы и не мидяне, а финикийцы, киликийцы и прочие рабы твои оказались перед тобой нерадивыми воинами. Двинь твое войско к перешейку — и ты увидишь, что те же самые греки, которые были так храбры на кораблях, побегут перед тобою на суше. Или же, если хочешь,— возвращайся в Азию, а здесь оставь меня и триста тысяч настоящих воинов — и через год Греция будет твоей».

Царь задумался. Он отпустил Мардония и приказал позвать Артемисию. Он сказал: «Ты давала мне совет перед битвой, и он оказался лучшим; дай мне совет после битвы, и я последую ему».

Артемисия сказала: «Сделай так, как советует Мардоний: оставь его с войском, а сам воротись в Азию. Если Мардоний будет победителем,то честь победы достанется не ему, а тебе; если Мардоний будет побежден, то позор поражения ляжет не на тебя, а на него. Ты шел сжечь Афины — ты сжег Афины; дело твое сделано, вернись к своему народу».

Ксеркс сделал так, как сказала Артемисия. Триста тысяч человек он оставил с Мардонием — это были персы, мидяне, бактрийцы, саки, индийцы, пешие и конные, а из

других народов — только самые красивые, сильные и храбрые бойцы. Весь остальной многоязычный сброд он увел с собой, потому что пользы от него в Греции было мало.

Когда Ксеркс собрался выступать в обратный путь, в его лагерь пришел посол от спартанцев. Встав перед царем, гонец сказал: «По велению оракулов спартанцы требуют, чтобы ты, царь персов, искупил свою перед ними вину: ты убил царя их Леонида, когда тот защищал отечество». Ксеркс с трудом понял, чего от него хотят. Он рассмеялся. Показав на Мардония, он сказал: «Вот кто будет искупителем». Спартанец выслушал это без улыбки, кивнул головой, повернулся и удалился.

Сорок пять дней шел Ксеркс от Греции до Геллеспонта. С ним были парфяне и сагартии, ликийцы и ливийцы, согды и эфиопы, утии и парикании. Шли в Азию по той же дороге, по которой пришли из Азии. Все вокруг было съедено, разорено, вытоптано. Воины рвали плоды, выдергивали траву, сдирали кору с деревьев, болели, падали и умирали. До Геллеспонта дошли немногие. Мост давно был разрушен бурями, обломки бревен и клочья канатов виднелись в прибрежном песке. Через пролив перебирались на лодках. За проливом начиналась Азия. Здесь было зерно в полях и скот на пастбищах. Изголодавшиеся люди бросались на хлеб и мясо и умирали из-за того, что отвыкли от пищи.

Рассказывали, будто однажды на корабле Ксеркс попал в бурю. Корабль был полон знатной свитой. Кормчий сказал: «Государь, если мы не избавимся от лишних людей, мы потонем». Ксеркс повернулся к персам: «Пришла пора доказать вашу любовь ко мне: спасение мое в ваших руках». Вельможи в шитых одеждах один за другим склонились пе-

ред царем и один за другим бросились в море. Облегченный корабль достиг берега. Здесь Ксеркс велел вывести кормчего вперед, за спасение царя увенчать его золотым венком, а за погибель стольких знатных персов — казнить.

Но Геродот не склонен верить этому рассказу. «Я полагаю, все согласятся со мною,— рассудительно пишет он,— что царь поступил бы так: гребцов побросал бы в море, а вельмож посадил на весла». Но главная причина даже не в этом, а в том, что Ксеркс, как было сказано, возвращался в Азию не морем, а посуху.

А если нужны доказательства, что Ксеркс возвращался посуху, то доказательства этому вот: в городе Абдере до сих пор хранятся золотой меч и шитая золотом царская шапка, которые Ксеркс оставил здесь в знак своей милости. Сделал он это потому, что только здесь, в месяце пути от Греции, он почувствовал себя в безопасности и лег спать, не опоясанный мечом. Впрочем, об этом рассказывают одни только абдерцы, так что этому можно верить, а можно и не верить.

КАК ФЕМИСТОКЛ БЫЛ ПРИЗНАН ЛУЧШИМ ИЗ ГРЕЧЕСКИХ ПОЛКОВОДЦЕВ

Поределый царский флот день простоял в афинской гавани, а потом отплыл к берегам Азии: в Греции он был более не нужен. Плыли быстро и осторожно: в одном месте приняли цепь островов за цепь кораблей и далеко ее обогнули.

Греки не сразу поверили своей победе. Ночь после боя они провели на Саламине, огородив лагерь обломками кораблей: ждали нападения. Наутро стали собирать добычу — персидское золото, корабельную утварь, богатую одежду с трупов: все, что море выбрасывало на берег. Десятую долю послали в Дельфы: там на эти средства была отлита статуя Аполлона в двенадцать локтей вышины, с корабельным носом в руке. Остальное разделили между собой.

Когда стало ясно, что персы уходят, началось ликование. Афиняне рвались преследовать врага, мстить за разоренную родину: «На Геллеспонт! Разрушим мост, отрежем царя,уничтожим персов!» Фемистокл остановил их: «Не мешайте врагу отступать, не доводите его до крайности: кто отчаялся в спасении, тот страшнее в бою». Стоял сентябрь, приближались равноденственные бури, плыть было опасно: греки послушались Фемистокла.

А в лагерь Ксеркса вновь пробрался верный раб Сикинн: «Царь, афинянин Фемистокл, желающий тебе победы, передает: афиняне хотят идти на Геллеспонт, сегодня их удалось отговорить, но удастся ли завтра — неведомо; спеши!» И спеша к Геллеспонту, теряя своих воинов тысячами, не снимая меча ни днем ни ночью, царь помнил и верил, что афинянин Фемистокл желает ему победы.

Вместо Геллеспонта греки поплыли к эгейским островам: наказывать тех, кто шел вместе с персами. Десять лет назад Мильтиад после Марафона отправился требовать дань с острова Пароса, но безуспешно. Десять лет спустя Фемистокл после Саламина двинулся требовать дань с острова Андроса, но тоже безуспешно. Андрос был гол и скалист, здесь не было даже мрамора, Фемистокл объявил андросцам: «Я пришел к вам с двумя мощными божествами — Убеждением и Принуждением». Андросцы ответили: «А не велят нам платить тоже два мощных божества: Бедность и Нужда».

С Андроса так и не удалось ничего получить; но соседние острова, устрашенные, дали дань. С этой добычей флот ушел на зимнюю стоянку в Коринф, к укреплениям на перешейке.

В Коринфе, у алтаря Посейдона, владыки морей, двадцать флотоводцев собрались, чтобы решить: кто из них был лучшим в этой войне. Каждый называл двух: первого и второго по достоинству. Первым каждый называл сам себя, вторым каждый называл Фемистокла. Так Фемистокл получил двадцать голосов, а каждый из остальных — по одному.

В Спарте герои Саламина получили два оливковых венка: Эврибиад — за отвагу и мужество, Фемистокл — за ум и проницательность. Фемистоклу подарили, кроме того, боевую колесницу, лучшую в Спарте, а на обратном пути до границы его сопровождали триста лучших спартанских воинов. Ни до ни после самолюбивые спартанцы не оказывали такой почести никому из иноземцев.

Один человек, родом с маленького островка Серифа, завидуя, сказал Фемистоклу: «Ты обязан своей славой не себе, а своему городу». Фемистокл ответил: «Ты прав: ни я бы не прославился, будь я серифийцем, ни ты бы не прославился, будь ты афинянином».

Не нужно удивляться, что наградой был простой лиственный венок, увядающий в несколько дней. Таковы были греки: они не давали долговечных наград, чтобы, любуясь на старую награду, человек не переставал стремиться к новым. На самых знаменитых греческих играх-состязаниях — Олимпийских, Истмийских, Пифийских — наградами тоже были венки: из оливковых листьев, из сельдерея, из лавра. В год Фермопил и Саламина Олимпийские игры справлялись обычным чередом. Ксеркс спросил: «Из-за чего же состязались там греки с такой страстью, что даже забыли прислать помощь своим бойцам в Фермопилы?» Ему ответили: «Из-за оливкового венка». Тогда молодой Тигран, сын Артабана, воскликнул: «Горе нам, царь! Ты повел нас против тех, кто даже состязается не ради денег, а ради чести».

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ,

место действия которого — Платея,
а главный герой — спартанец Павсаний.
Битва при Платее: август 479 г. до н. э.

ЧТО ДЕЛАЛ МАРДОНИЙ, ОСТАВШИСЬ В ГРЕЦИИ

Оставшись в Греции, Мардоний отвел свои триста тысяч войска зимовать в Фессалию. Только хлебородная Фессалия могла прокормить этот люд. Брошенные греческими союзниками, фессалийцы принимали и кормили персов не за страх, а за совесть.

У фессалийцев был свой расчет на персов. Фессалийцы издавна вели соседские войны с фокидянами. Последняя война кончилась для них позорно. Фокидяне набелили гипсом шестьсот своих воинов в одежде и с оружием, и эти шестьсот ночью напали на лагерь фессалийцев, рубя в темноте всех, кто не побелен. Фессалийцы, обезумев от ужаса, даже не защищались и гибли, как овцы.

Опомнившись от поражения, фессалийцы решили отомстить: они пошли на врага всей своей конницей, а конница у них была, как мы уже знаем, лучшая в Греции. Но фокидяне и тут взяли хитростью. В горном проходе на пути у конницы они вырыли широкую канаву, заставили ее всю глиняными глубокими кувшинами, а сверху слегка присыпали землей. Фессалийские кони провалились на скаку и поломали себе ноги, а всадников изрубили фокидяне.

Теперь фессалийцы привели на Фокиду персов. Страна была разорена, а людям было приказано дать в царское войско тысячу бойцов. Тысяча бойцов явилась. Мардоний окружил ее конницей со всех сторон; уже натягивались луки, уже метились стрелы; фокидяне, видя свой конец.

сомкнулись плечом к плечу и ощетинились копьями на все четыре стороны. Тут конница умчалась, а к фокидянам вышел глашатай Мардония и провозгласил его слова: «Будьте спокойны, фокидяне: вы храбрей, чем о вас говорят. Будьте так же храбры и у меня на службе: в услугах вы не превзойдете ни меня, ни царя».

Пока Мардоний испытывал храбрость фокидян, помощник его Артабаз занимался осадой Потидеи. Это был греческий город невдалеке от Афона, вдруг взбунтовавшийся против персов. Артабаз осадил Потидею; уже нашелся в городе изменник по имени Тимоксен из города Скионы; уже поддерживалась с ним связь с помощью стрел, обернутых записками и пускаемых в условное место. Но как-то раз персидский стрелок промахнулся, и стрела с запиской ранила нечаянного потидейца. Сбежался народ, записку прочитали, и Тимоксена изобличили. Измена не состоялась, и Артабазу пришлось отступить от Потидеи. А изменника Тимоксена из города Скионы наказывать не стали — для того, чтобы неразумные люди не говорили потом про его земляков: «все они, скионцы, изменники!»

И еще одно важное дело сделал Мардоний, оставшись в Греции: он призвал карийского человека по имени Миз и послал его по всем окрестным прорицателям с тайными вопросами. Миз побывал в храме Аполлона Исмения, где стоит статуя бога из кедрового дерева. Побывал в Потниях, где дух фиванского царя Амфиарая дает прорицания всем, кроме фиванцев, потому что фиванцам он предложил одно из двух: быть им или вещателем, или союзником, и фиванцы выбрали второе. Побывал в страшной пещере Трофония, где человек проваливается под землю, а вернувшись, на всю

жизнь теряет способность смеяться. Побывал в Акрефии над Копаидским озером, и здесь бог устами прорицателя неожиданно заговорил с ним на его родном карийском языке.

«Что именно желал узнать Мардоний от оракулов, когда давал такое поручение, о том я не могу сказать, потому что этого нигде точно не сообщается,— пишет добросовестный Геродот,— полагаю однако, что он посылал спросить относительно тогдашнего положения дел, и ни о чем другом».

Какой совет получил Мардоний от оракулов, это выяснилось весной, когда он вновь вступил в среднюю Грецию, ведя все триста тысяч своего войска.

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ АФИНЯНАМ ПЕРСИДСКИЕ И СПАРТАНСКИЕ ПОСЛЫ

Когда наступила весна, в Афины прибыл послом Александр, правитель Македонии, союзник персидского царя.

Александр сказал: «Афиняне, я передаю вам то, что мне передал Мардоний, а Мардонию передал великий царь Ксеркс. Царь говорит: „Я прощаю афинянам их прегрешения против меня; я оставляю им их свободу; я оставляю им их землю и дам любую другую, какую они захотят; я отстрою их храмы и все, что я истребил огнем; все это я сделаю, если афиняне по доброй воле, без коварства и обмана, станут моими союзниками". И я, царь Александр, друг персов и ваш друг, советую вам: сделайте так, как говорит царь. Могущество у царя сверхчеловеческое, и рука у него безмерно длинная: вы это сами видели в минувшем году. Вы можете кончить войну с честью: сделайте это ради вашего же блага».

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

Когда Александр кончил, заговорили спартанские послы.

Спартанцы сказали: «Афиняне, нас послали спартанские старейшины с советом: не слушать царя и не принимать его предложений. Вы начали эту войну, накликав на Грецию персов; вы хотите кончить эту войну, оставшись невредимыми, а всю остальную Грецию повергнув под ноги царя; это нечестно, и это несправедливо. Мы знаем, что несчастья ваши велики, что второй уже году вас нет ни хлеба в полях, ни крова над головой; но мы клянемся, что примем к себе жен, детей и стариков ваших и будем их кормить и содержать до самой победы. А македонцу Александру не верьте: тиран тирану всегда подаст руку, свободный же человек — никогда».

Когда спартанцы кончили, заговорили афиняне. Речь от них держал Аристид, носивший прозвище «Справедливый».

Аристид сказал: «Ты, царь Александр, передай пославшему тебя: пока солнце будет следовать по своему небесному пути, мы не заключим союза с Ксерксом и будем воевать с ним в надежде на помощь богов, чьи храмы он разрушил и сжег. Вы же, спартанцы, возвестите в Спарте: стыдно вам думать о нашей бедности и не думать о нашей доблести; мы ценим вашу заботу о наших женах и детях, но о них мы позаботимся и сами, а от вас нам нужен не кров и хлеб, а мечи и воины. Недалеко то время, когда варвар снова вторгнется в нашу страну; опередим же его и встретим его общими силами на пороге Аттики».

Так отвечали афиняне послу Мардония и послам спартанцев.

Прошло немного времени, и Мардоний, действительно, явился на пороге Аттики. Спартанцы не прислали на помощь ни одного человека: они спешили достраивать стену на перешейке, и уже довели ее до самых зубцов.

Повторилось то же, что год назад: взрослые афиняне переправились на Саламин, жен и детей перевезли в Трезен, а опустелый город и страну занял Мардоний. Мардоний сжег все, что еще можно было сжечь.

О том, что Афины заняты вновь, была послана огненная весть Ксерксу в Сарды. Это значит, что на самом высоком месте Аттики зажгли такой большой костер, что его было видно с Эвбеи; при виде его зажгли такой же костер на Эвбее, чтобы его было видно с Андроса; и затем цепь костров пошла перекидываться с острова на остров, с Андроса на Теноc, с Теноса на Миконос, с Миконоса на Икарию — это та самая Икария, куда некогда выбросили волны тело Икара, дедалова сына, который слишком высоко взлетел к солнцу на скрепленных воском крыльях,— с Икарии на Самос, с Самоса на азиатский берег, а с азиатского берега на гору Тмол, что возвышается над Сардами.

С Саламина афиняне послали гонцов в Спарту. «Пока стена ваша на перешейке была недостроена, вы заботились о нас и сулили нам помощь. Теперь, когда стена ваша достроена, вам до нас нет дела, и помощи от вас мы не видим. Это нечестно, и это несправедливо. Присылайте же войско, чтобы мы могли встретить врага — не на пороге Аттики, так за порогом ее».

Спартанцы колебались десять дней, прежде чем дать ответ. Наконец, нашелся умный человек из города Тегеи по имени Хилай, который напомнил спартанцам: «Если афиняне

с их кораблями перейдут к персам, то Пелопоннес будет открыт врагу со всех сторон, какая бы стена ни стояла у вас на перешейке». Тогда в несколько часов было собрано войско, и пять тысяч спартанцев в шлемах, панцирях и с копьями в руках выступили из Спарты, сопровождаемые толпой легковооруженных бойцов.

Во главе войска был Павсаний, племянник Леонида, павшего при Фермопилах.

КАК ПОГИБ КРАСИВЕЙШИЙ ИЗ ПЕРСОВ

Когда Мардоний узнал, что спартанцы выступили в поход, он вывел свое войско из Аттики и отошел в Беотию. Аттика была страной холмистой, а Беотия — страной ровной и очень удобной для персидской конницы.

«Танцплощадка войны»,— так назвал Беотию Эпаминонд, величайший из беотийских полководцев, живший лет семьдесят спустя после Геродота. И действительно, за несколько столетий греческой истории на беотийской равнине разыгралось несчетное количество сражений,— в том числе и то, о котором пойдет сейчас речь.

Афиняне переправились с Саламина и соединились со спартанцами в Элевсине. Это город, посвященный подземным богиням Деметре и Коре. Здесь показывают тот луг, где перед гуляющей Корой раскрылась пропасть и бог Плутон с черной колесницы схватил девушку и увлек в свое подземное царство. Здесь показывают то поле, которое впервые на земле было вспахано и засеяно хлебом: этому научила людей богиня Деметра. Здесь стоит знаменитое святилище Деметры и Коры, где раз в год справляется тайный праздник

7—5758

подземных богинь, о котором никто никогда не говорит вслух; а святилище это замечательно тем, что сколько в него ни набирается народу, оно никогда не бывает полно.

От Элевсина двинулись на север, к беотийской границе. Граница шла по горному хребту Киферону. Греки перевалили Киферон и стали на его пологом, овражистом северном склоне. У подножия склона текла медленная речка Асоп, за Асопом расстилалась зеленая беотийская равнина, на равнине пестрел палатками раскинувшийся персидский лагерь с деревянной стеной, а за лагерем, на горизонте, виднелись стены Фив, самого большого города Беотии.

Мардоний ждал, чтобы греки сошли на равнину. Греки медлили. Мардоний послал вверх по склону свою конницу с луками. Туча стрел посыпалась на греческий строй. Персы подскакивали вплотную к греческим щитам и копьям и кричали, издеваясь: «Трусы!» и «Бабы!»

На самом опасном месте стояли мегарцы. Они послали к вождям гонца: «Мы гибнем, но держимся; если нас не сменят, мы отступим». Павсаний спросил вождей: «Кто пойдет добровольно?» Никто не отважился; вызвались одни афиняне. Под градом персидских стрел их отряд сменил мегарцев и начал отстреливаться.

Впереди персов гарцевал на белом коне Масистий, самый рослый, красивый и сильный человек в царском войске. В бок коню попала стрела; конь встал на дыбы и сбросил седока. Тяжесть лат мешала Масистию подняться на ноги. Афиняне бросились на него с мечами и копьями. Мечи и копья скользили по его золотому чешуйчатому панцирю. Кто-то догадался и ткнул перса копьем в глаз. Масистий замер и испустил дух.

Персы бросились на афинян вскачь, во весь опор, со всех сторон, с неистовыми криками. Только греки с их умением держаться в строю могли выстоять пешими против такого натиска. На помощь афинянам двинулись другие отряды. Битва была яростной, но недолгой. Увидев, что отбить тело вождя им не удается, всадники врассыпную ускакали прочь.

Вскоре в персидском стане поднялся стон и плач: это персы оплакивали Масистия. Они обрезали волосы себе и гривы лошадям. Они били себя в грудь и по голове, и крики их разносились на всю Беотию. Ибо после Мардония Масистий был первым человеком в персидском войске, и сам царь его знал и любил.

«Между тем греки, выдержавши напор конницы и отразивши его, сделались гораздо смелее,— говорит Геродот.— Тело Масистия они положили на колесницу и возили по рядам своих войск, а тело это своим ростом и красотою весьма заслуживало того, чтобы поглядеть на него: ради этого его и возили. Воины покидали свои места и шли смотреть на убитого Масистия».

КАКИЕ ГАДАТЕЛИ БЫЛИ У ГРЕКОВ И ПЕРСОВ

Греция — страна сухая и безводная. Путников здесь напутствовали пожеланием: «Счастливого пути и пресной воды!» А когда в поход выступало большое войско, то напоить его на стоянке стоило больших трудов.

Там, где стояли греки на склоне Киферона, воды не было. Впереди тек Асоп, но за Асопом скакали персидские лучники, и стрелы их не подпускали греков к реке.

Павсаний решил перенести стоянку в сторону-— к городу Платее.

Платея лежит у самой границы между Беотией и Аттикой. Платейцы были единственными из греков, кто пришел на помощь афинянам при Марафоне; платейцы были единственными из беотийцев, кто не передался персам при нашествии Ксеркса. Здесь и решил раскинуть Павсаний свой стан. Перед Платеей был источник Гаргафия, где можно было брать воду, а за Платеей — киферонский перевал, откуда можно было подвозить пищу. Гаргафия эта,— уверяли греки,— тот самый источник, в котором купалась богиня Артемида, когда ее увидел нагою охотник Актеон и был за это превращен в оленя и растерзан собственными собаками.

Греки стояли на холмах у Гаргафии, персы стояли на равнине за Асопом. Павсаний не решался сойти на равнину, где была всесильна персидская конница; Мардоний не решался взойти на холмы, где была неприступна греческая пехота. День за днем, десять дней стояли два войска друг против друга. Воины томились. Они спрашивали полководцев, почему их не ведут в бой. Полководцы отвечали: «Потому что боги не дают добрых знамений».

Добрые знамения — это была целая наука. Гадать можно было по полету птиц, по крику птиц, по грому и молнии, по кометам и затмениям, по плеску воды и дыму ладана, по самым случайным словам и звукам. Главным же образом гадали по жертвоприношениям. При каждом войске гнали небольшое стадо жертвенных быков и баранов, чтобы они были под рукой перед всяким важным боем. Считалось добрым знаком, если животное шло на заклание охотно и кивало головой (чтобы оно тряхнуло головой, ему иногда наливали воду в уши); дурным знаком — если оно упиралось, вырывалось или умирало от страха раньше, чем его зарезали. Зарезав животное, смотрели, как горят на алтаре куски его мяса, особенно — хвост; если хвост скручивался, это предвещало трудности, если конец его опускался вниз — неудачу, если поднимался вверх — удачу. Выпотрошив животное, смотрели на его внутренности, особенно на печень: если вид их казался необычным, это значило, что животное нездорово и, стало быть, неугодно богам: боги не насытились и требуют себе другого животного. Чтобы добиться добрых знамений, приходилось иной раз закалывать не один десяток баранов или овец. Поэтому неудивительно, что умные гадатели могли оттягивать бой сколько угодно.

У спартанцев гадателем был Тисамен из Элиды. Это был человек необыкновенный. В молодости он обратился к оракулу с вопросом, будут ли у него дети. Оракул ответил: «Ты победишь в пяти великих состязаниях». Тисамен удивился такому ответу, но решил, что это тоже неплохо; и он стал усиленно упражняться в беге, прыжках, борьбе и метании копья и диска, чтобы выступить в пятиборье на Олимпийских играх. Выступил, но не победил. Тогда все решили, что оракул имел в виду не гимнастические, а военные состязания. Спартанцы предложили Тисамену поступить к ним в войско и принести им эти пять побед. Тисамен возгордился; он потребовал, чтобы за это спартанцы приняли его, элидянина, в число спартанских граждан. Спартанцы с негодованием отказались. Но прошло несколько лет, на Грецию двинулись персы, спартанцы встревожились, позвали Тисамена и сказали, что согласны на его условие. Тисамен набавил цену и потребовал, чтобы вместе с ним в число граждан был

принят и его брат. Спартанцы пошли и на это. Так Тисамен и его брат оказались единственными за всю историю Спарты иноземцами, принятыми в число ее граждан. И спартанцы одержали с участием Тисамена пять побед: над персами при Платее, над тегейцами при Тегее, над аркадцами при Дипее, над мессенцами при Ифоме и над афинянами при Танагре, двадцать лет спустя после Платеи.

У Мардония гадателем был Гегесистрат, родом тоже из Элиды. Человек этот был злейшим врагом спартанцев. Однажды они его схватили, бросили в тюрьму, приковали за ногу и приговорили к казни. Случайно в руки Гегесистрату попал топор. Перерубить им цепь он не смог; тогда он отрубил себе ногу, проломал ночью стену тюрьмы и скрылся. Когда рана зажила, ногу он приделал себе деревянную и потом явился в персидский стан. Собственно говоря, это был непорядок, потому что жрецу не полагалось иметь никаких телесных недостатков. Но персы, как видно, очень уж дорожили таким союзником, чтобы обращать внимание на эти мелочи.

Вот эти два человека и удерживали два больших войска от наступления в течение десяти дней.

КАК ПРОИЗОШЛО СРАЖЕНИЕ ПЕРЕД ХРАМОМ БОГИНИ ГЕРЫ

На восьмой день ожидания Мардоний решил еще раз вызвать греков на бой. Он послал своих всадников к источнику Гаргафии, откуда греки брали воду. Тысяча персидских конников проскакала по тому месту, где когда-то купалась богиня Артемида. На месте чистого источника осталась лужа жидкой грязи. Другой персидский отряд

захватил киферонский перевал и отбил обоз с продовольствием, которое везли в греческий лагерь. Греки остались и без еды, и без питья. Персидские всадники подскакивали к их стану и кричали: «Спартанцы, долго ли вы будете трусить? Восемь дней мы ждем от вас вызова и никак не дождемся. Выставляйте, сколько хотите, воинов, и мы выставим столько же: посмотрим, чья возьмет!» Спартанцы сжимали копья и стояли молча.

На десятый день Павсаний решил отступить: отойти от растоптанной Гаргафии поближе к городу Платее, туда, где возле храма богини Геры тек свежий ручей.

Храм Геры в Платее — особенный храм, и празднуется там особенный праздник. Храм посвящен Гере-невесте, и вот почему. Богиня Гера, супруга Зевса, была ревнива. Однажды она поссорилась с Зевсом, ушла от него и не хотела возвращаться. Зевс спросил совета у платейского царя. Платейский царь посоветовал Зевсу сделать деревянную статую в полный рост, одеть ее как невесту, посадить на колесницу и объявить, что Зевс берет себе новую жену — нимфу Платею, дочь Асопа. Когда об этом услышала Гера, она тотчас явилась, бросилась в ярости к колеснице, сорвала с невесты одежду и увидела деревянную статую. На радостях она тут же помирилась с Зевсом, а в Платее в память этого выстроили храм и справляют каждые семь лет праздник деревянных статуй. Делают это так. Идут в священный дубовый лес, разбрасывают по земле куски мяса и ждут, пока какой-нибудь ворон не унесет себе кусок и не сядет на дерево. Дерево срубают, вырезают из него статую, одевают ее как невесту и везут в колеснице от Асопа на Киферонскую гору. Там уже сложен

жертвенный костер; на нем приносят в жертву Зевсу — быка, в жертву Гере — корову, кладут туда деревянную статую и зажигают костер. Пламя его видно со всей Беотии.

К этому-то храму Геры и вознамерился отвести свои войска царь Павсаний. В войске сразу началось смятение. Коринфяне, аркадцы, мегарцы и прочие спартанские союзники бросились отступать первыми, не дожидаясь остальных. Спартанцы, напротив, считали отступление позором и роптали на Павсания. Голосование в военном совете велось, как обычно, белыми и черными камешками; один спартанец, по имени Амомфарет, схватил вместо камешка огромную каменную глыбу и двумя руками бросил ее оземь, сказав: «Вот мой голос — за битву, а не за бегство!»

Отступление началось ночью и затянулось до утра. На заре последними выступили спартанцы с тегейцами и афиняне с платейцами.

Мардоний, увидев отступающего неприятеля, возликовал. «Ну, что же? — спросил он греков, своих союзников.— Не вы ли мне говорили, будто спартанцы никогда не бегут перед врагом? Как видно, народ этот слаб и робок, а другие греки его боятся потому лишь, что сами еще слабей и трусливей!» И он приказал своей коннице и своей пехоте броситься в погоню за отступающими.

Вот как случилось, что Мардоний пренебрег недобрыми знаменьями, покинул свою равнину и погнался за греками по холмам, где в пешем строю они были несокрушимы.

Бой был труден, потому что принимали его только спартанцы и афиняне: союзники были далеко. Спартанцы стояли, не двигаясь, под градом стрел и ждали, пока персы зайдут достаточно далеко и конница их растеряется меж

холмов и оврагов киферонского склона. Тогда Павсаний дал знак, и спартанцы, осыпаемые стрелами, сомкнув щиты и с копьями наперевес, мерным шагом двинулись вперед.

«Жестокий бой продолжался долго, пока, наконец, войска не перешли в рукопашную. Варвары хватались руками за копья и ломали их. В отваге и силе персы не уступали эллинам, но они были безоружны, неопытны и по ловкости не могли равняться с противником. Выбегая вперед по одному или по десяти человек, большими или меньшими толпами, нападали они на спартанцев и гибли. В том месте, где бился сам Мардоний верхом на белой лошади, окруженный тысячью отборных и отважнейших персов, там варвары сильнее всего теснили эллинов. Пока Мардоний был жив, они сопротивлялись, защищались и положили многих спартанцев. Но когда Мардоний был убит и пали окружавшие его храбрейшие воины, тогда и остальные варвары оборотили тыл и побежали перед спартанцами. Наиболее гибельно для них было их одеяние без тяжелого вооружения: легковооруженные, они должны были иметь дело с тяжеловооруженными. Здесь-то смертью Мардония, согласно изречению оракула, спартанцы отомстили за смерть царя Леонида; здесь-то спартанец Павсаний, сын Клеомброта, внук Анаксандрида, одержал победу, блистательнейшую из всех, нам известных». Так пишет Геродот.

Персы врассыпную бежали через холмы, через реку Асоп, через равнину, к своему лагерю. Спартанцы настигали их и убивали каждого настигнутого. Перед лагерем пришлось задержаться: лагерь был обнесен деревянной стеной с башнями, а брать стены приступом спартанцы умели плохо. Но подоспели афиняне, опытные в осадах; стена была про-

ломлена, греки ворвались в лагерь, началась резня. Из трехсот тысяч Мардониева войска уцелело только сорок тысяч, которых еще до сражения увел в Азию Артабаз. Остальные полегли почти до единого. Из спартанцев же в битве погиб всего девяносто один человек, из тегейцев — шестнадцать, из афинян — пятьдесят два.

Самым храбрым из греков показал себя в этом бою спартанец Аристодем — тот, который один спасся из-под Фермопил и за это был заклеймен позором. Бился он отчаянно, положил множество врагов и сам погиб в битве. Но посмертной награды он не получил, потому что бился не ради славы, а из жажды смерти.

КАК ТОРЖЕСТВОВАЛИ ГРЕКИ СВОЮ ПОБЕДУ

Добычи в персидском стане было захвачено столько, что за золото платили, как за медь. Даже кормушка, из которой кормили лошадь Мардония, была из чистого золота. Ее захватили тегейцы и пожертвовали в храм Афины. Остальное добро снесли в одно место: только золото, серебро и драгоценные камни; на шитые ткани даже и не смотрели. Десятую долю добычи отделили Зевсу Олимпийскому, Аполлону Дельфийскому, Посейдону Коринфскому. Остальное поделили между всеми в меру заслуг каждого. Павсаний получил вдесятеро против остальных — и золота, и серебра, и рабов, и коней, и верблюдов.

В палатке Мардония Павсаний приказал персидским рабам приготовить самый лучший персидский обед и подать его на золотых и серебряных блюдах к золотым и серебряным столам, крытым тканями, шитыми жемчугом. А спартанским рабам он велел сварить и поставить рядом в глиняной миске знаменитую спартанскую черную похлебку. Потом он позвал в палатку греческих вождей и сказал им: «Посмотрите, с какими безумцами мы воюем: вот что они имели, и вот что они пришли сюда искать!»

Эгинец Лампон предложил Павсанию: «Отомсти варварам за смерть Леонида: Ксеркс и Мардоний распяли на кресте труп Леонида, а ты распни на кресте труп Мардония». Павсаний посмотрел на него с негодованием: «То, что к лицу варвару,— не к лицу греку; не позорь нашей доброй славы такими советами. А царь Леонид и остальные павшие под Фермопилами и без того отомщены несчетным множеством лежащих здесь врагов».

Над павшими при Платее были насыпаны курганы. Курганов было семь: три спартанских, тегейский, мегарский, флиунтский и афинский. Остальные союзники в битве не участвовали. Но из стыда они потом насыпали рядом свои курганы: пустые.

На поле боя нужно было поставить трофей — столб, увешанный вражеским оружием. Кто должен был это сделать? Афиняне и спартанцы одинаково притязали на эту честь. Начались споры, перекоры, еще немного — и взялись бы за оружие. Тогда совет военачальников решил высшую награду за храбрость присудить не Афинам и не Спарте, а какому-нибудь третьему городу — иначе не миновать междоусобной войны. Встал коринфянин и предложил оказать эту честь Платее — городу, на чьей земле произошел бой. Скрепя сердце на это согласились и афиняне, и спартанцы: и Аристид Справедливый, и победоносный Павсаний.

Возле курганов был воздвигнут алтарь Зевсу-Освободителю. Дельфийский оракул велел: огонь на алтаре зажечь от огня в дельфийском храме, а все остальные огни в округе погасить, потому что они осквернены персами. Вожди греков обошли все окрестные дома и хижины, гася огни, а в Дельфы побежал лучший платейский бегун по имени Эвхид. Утром он выбежал из Платеи с незажженным факелом в руке; в полдень он был в Дельфах, зажег факел от Аполлонова алтаря, возложил на голову лавровый венок и помчался назад; на закате он вбежал в Платею и передал факел жрецам, упал у алтаря и умер от разрыва сердца. За один день он покрыл тысячу стадий — больше ста восьмидесяти верст.

На платейском холме, у алтаря Зевса-Освободителя, каждый год совершаются жертвоприношения в память греков, погибших в великом бою. Чин этого обряда описывает один поздний историк. Во главе шествия идет трубач, трубя боевой сигнал, потом везут на телегах венки для украшения могил, потом ведут черного быка в жертву Зевсу и несут кувшины с вином, молоком, маслом и благовониями для возлияния умершим. В шествии выступают только свободнорожденные юноши, ни одного раба здесь нет, ибо это — память о тех, кто пал за свободу. Последним идет архонт города Платеи; в иные дни он носит только белую одежду и не смеет касаться железа, в этот день на нем пурпурный плащ, а в руках железный меч. Он закалывает быка, он молится Зевсу и Гермесу-Подземному, он совершает возлияния и, проливая на землю вино из бронзовой чаши, говорит: «Пью за мужей, которые пали за свободу Греции!»

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

КАК ВЕСТЬ О ПОБЕДЕ ДОНЕСЛАСЬ ДО МЫСА МИКАЛЕ

Мыс Микале вдается в море крутым выступом на побережье Малой Азии. Если смотреть с его кручи вправо, то за узким проливом виден Самос, остров Поликрата; если посмотреть налево, то за узким заливом виден Милет, город Гистиея; если посмотреть вперед, то видно только синее море до самого горизонта и рассыпанные на нем редкие островки.

У мыса Микале стоял персидский флот, отдыхая после Саламина, а из-за горизонта ждали греческого флота.

Но греческий флот не спешил. Он стоял среди моря у Делоса, священного острова Аполлона, и ждал: не соберутся ли ионийские греки сами восстать против персов — и на Самосе, и в Милете, и повсюду?

И когда на малой лодочке, неприметно проскользнув между островами, прибыл, наконец, с Самоса вестник с этой доброй вестью,— тогда на следующий день умный гадатель возвестил греческому войску, что знаменья велят выступать в поход.

Грекам везло в этот год на гадателей. На Делосе у них был гадателем тоже необыкновенный человек — Деифон, сын Эвения из Аполлонии. В Аполлонии есть стадо овец, посвященных Аполлону, а пасут это стадо днем и ночью богатейшие и знатнейшие люди города, по году каждый. Пас их в свой черед и Эвений. Однажды он заснул на страже, а волки в это время напали на стадо и зарезали шестьдесят овец. Эвений, проснувшись, хотел подменить зарезанных овец своими собственными, чтобы никто ничего не узнал. Но обман был замечен, и Эвению выкололи глаза за то, что он спал на посту. Прошло немного времени, в городе случился

неурожай; спросили оракула, оракул сказал: «Эвений невиновен: боги сами наслали волков на его стадо. Вознаградите Эвения за себя всем, чего он захочет; а боги вознаградят его за себя так, что он будет доволен».

Узнав о таком вещании, правители города сохранили его в тайне, а к Эвению послали надежных людей. Надежные люди нашли его на рыночной площади, он грустно сидел и грелся на солнышке. Подошли, заговорили, стали сочувствовать его доле, спросили невзначай, чего бы он захотел, если бы ему предложили выбрать выкуп за ослепление? Эвений, не долго думая, ответил: «Лучшее поле и лучший дом в нашем городе».— «Вот и хорошо,— сказали ему собеседники,— это ты и получишь, потому что так велел оракул». Узнав про оракул, Эвений очень рассердился, что не запросил больше, но делать было нечего. В вознаграждение от граждан он получил поле и дом, а в вознаграждение от богов получил замечательный дар прорицания. Этот дар прорицателя и унаследовал от него Деифон, гадатель при греческом войске. «А впрочем,— замечает Геродот,— иные говорили, будто этот Деифон вовсе не был сыном Эвения, а только выдавал себя за такового».

Напутствуемые прорицателем, греки снялись с якорей и двинулись к мысу Микале.

Персы не захотели принимать морской бой: в морском бою изменить легче, чем в сухопутном, а что ионийцы изменят, в этом никто не сомневался. Персы решили финикийские корабли отпустить, ионийские корабли вытащить на берег, обнести лагерь валом и тыном и так ждать греков.

Греческий флот подплыл к берегу. Вдоль берега тянулся вал, за валом виднелись мачты вытащенных кораблей, на валу стояли плотным строем персы в пестрых плащах и ионяне в блестящих шлемах. Греки медленно повели суда вдоль вала. Глашатаи громко кричали: «Ионяне! Помните о свободе! Наш боевой клич: „Юность!"» Греки рассуждали так же, как когда-то на Эвбее: если персы не поймут, то ионяне им изменят, если персы поймут, то сами не пустят ионян в бой.

Миновав персидский лагерь, греки высадились. Построившись в ряды, взяв копья наперевес, они двинулись на приступ. День клонился к вечеру. Тут-то и пролетела по всем рядам необычайная весть: «При Платее был бой, и наши победили!» Необычайной была эта весть потому, что бой при Платее случился в этот же самый день, только не вечером, а утром. Ни один гонец не успел, да и не успел бы так быстро оповестить о победе по ту сторону моря. По-видимому, это сделал бог; какой именно бог, о том впоследствии греки много спорили, но сейчас им было не до этого. Радостные и возбужденные, с боевым кличем «Юность!» бросились они на приступ тына и вала. Тын был взят, вал был взят. Афиняне ворвались в лагерь первыми, спартанцы подоспели потом. Ионяне повернули оружие и бросились на персов. Мидяне, бактрийцы, киссиеи и прочие царские воины, стоявшие рядом с персами, дрогнули и побежали. Персы не отступили ни на шаг и были перебиты все до одного. С ними пал и начальник их войска Тигран — тот Тигран, сын Артабана, который когда-то, услышав о том, каковы у греков состязания в Олимпии, воскликнул: «Горе нам, Ксеркс! Ты повел нас против тех, кто даже состязается не рали денег, а ради чести».

Опускалась ночь. Греки подожгли ограду разоренного вражеского лагеря, палатки персов и их корабли на

морском берегу. Столб огня и дыма взметнулся, полыхая, к звездному небу. В свете этого победного костра потянулись греческие корабли от мыса Микале через узкий пролив в гавань соседнего Самоса: отдохнуть, переночевать, принять клятвы в вечной верности и союзе от ликующих ионян, а наутро отплыть к Геллеспонту.

КАК ГРЕКИ ОСАЖДАЛИ ГОРОД СЕСТ; ЗДЕСЬ ЖЕ ГОВОРИТСЯ О ЛЮБВИ ЦАРЯ КСЕРКСА И О ГИБЕЛИ БРАТА ЕГО МАСИСТА

Греки плыли к Геллеспонту для того, чтобы разрушить царский мост и чтобы взять в свои руки хлебную дорогу с Черного моря. Но, подплыв к Геллеспонту, они увидели то, что еще год назад увидел персидский царь: моста нет, а обломки его бревен и обрывки финикийских канатов раскиданы прибоем по обоим берегам. Греки их старательно собрали и погрузили на корабль, чтобы пожертвовать в дар своим богам.

Места здесь были старинные, сказочные. Поблизости отсюда причалили когда-то греки, шедшие войной на Трою. Им было предсказано: кто первым ступит на троянскую землю, тот первый погибнет. Они замешкались. Тогда хитрый Одиссей бросил на берег свой щит и соскочил на него; а за ним, но уже прямо на землю, стали спрыгивать остальные, а первым — молодой фессалийский вождь Протесилай. Была битва, и первым пал, конечно, Протесилай. Греки его похоронили невдалеке от Сеста, поставили над его гробницей святилище, и в святилище этом за долгие века накопилось немало золотых и серебряных пожертвований от проезжих греков.

На эти-то сокровища польстился правитель соседнего города Сеста, перс Артаикт. Он знал, что ограбить святилище ему никто не позволит. Тогда он сделал так. Когда Ксеркс был в Сеете и смотрел с мраморного трона на свои идущие через Геллеспонт полчища, Артаикт подошел к нему и сказал: «Царь, здесь есть дом первого из греков, который пошел войною на твою землю. Подари мне его, чтобы неповадно было другим». Царь сказал: «Дарю». Артаикт разорил святилище, а сокровища унес к себе в Сеет. За это, как мы увидим, и постиг его вскоре гнев богов.

Греки осадили Сеет. Во главе их был афинянин Ксанфипп, отец славного впоследствии Перикла. Артаикт не успел приготовиться к осаде. Город его голодал, горожане уже варили и ели кожаные ремни от постелей. Артаикт ждал помощи от Ксеркса. Но Ксеркс был в это время занят совсем другим.

Ксеркс жил в Сардах. С ним была его любимая царица Аместрида, с ним были его родственники, с ним был весь двор. Среди родственников царя был его брат, сын Дария, полководец Масист, человек благородный и храбрый. У Масиста была молодая жена Артаинта. Ксеркс влюбился в Артаинту.

Царица Аместрида соткала для Ксеркса плащ, великолепно разубранный и разукрашенный. В этом плаще Ксеркс, красуясь, пошел к Артаинте. Артаинта спросила Ксеркса: «Если я тебя полюблю, дашь ты мне то, о чем я попрошу?» Ксеркс поклялся. «Дай мне этот плащ!» — сказала Артаинта. Ксеркс уговаривал ее взять свою просьбу обратно, предлагал ей несчетное золото, целые города в управление, целые войска под предводительство,— но молодая

женщина стояла на своем. Она получила плащ, носила его и гордилась им,— «ибо так судили боги погибнуть и ей и всему ее роду»,— добавляет Геродот.

Когда царица Аместрида увидела сотканный ею плащ на плечах Артаинты, она поняла, что Артаинта — любовница ее мужа. Она ждала. Раз в году, в день своего рождения, персидский царь устраивает великолепный пир и на этом пиру раздает всем подарки, кто каких желает. Царица дождалась этого пира и сказала царю: «Подари мне Артаинту».

Царь понимал, что это значит, но отказать не мог. Царице Аместриде он сказал: «Бери ее». А брату своему Масисту он сказал: «Масист,ты — сын Дария,ты — мой брат, и я люблю тебя. Откажись от жены твоей Артаинты и возьми в жены любую из моих дочерей: так я хочу». Масист удивился: «С какой стати, государь, мне отказываться от моей жены и матери моих детей? Я ценю твою милость, но, право, дочерям твоим найдутся мужья достойнее, чем я». Ксеркс вскипел гневом. «Хорошо! Тогда говорю тебе: жену ты потеряешь, но дочери моей ты не получишь, чтобы впредь ты умел принимать, что дают!» Выслушав это, Масист только сказал: «Уж не погубить ли меня ты задумал, мой царь?» — и, чуя недоброе, поспешил домой.

Дома его встретил крик и плач. Царица Аместрида приказала своим слугам наказать свою соперницу Артаинту жестокой казнью: ей отрезали нос, уши, губы и язык и так отослали домой. Увидев свою жену, обезображенную и окровавленную, Масист созвал друзей, взял с собой детей и в ту же ночь покинул Сарды. Он поскакал к далекой бактрийской границе, чтобы там поднять восстание и, как говорит Геродот, «чтобы причинить царю величайшие беды». Они отскакали уже далеко, но царская погоня их настигла. Все беглецы погибли до единого. Таков рассказ о любви Ксеркса и о гибели брата его Масиста.

Итак, греки осаждали город Сест...

Марафон *(сентябрь 490 г. до н.э.)*

Фермопилы *(конец августа 480 г. до н.э.)*

Саламин *(конец сентября 480 г. до н.э.)*

Персидский флот
Греческая стоянка
Греческий флот
трон Ксеркса
Персидский флот
гавань Пирей
АФИНЫ
о. Саламин
БЕОТИЯ
Эретрия
Фивы
Платея
АТТИКА
Марафон
Пирей
Афины
Коринф
о. Саламин
о. Эгина
Персы
Первое положение
Афиняне
Спартанцы
Второе положение
Персы
Афиняне
Спартанцы
Платея

Платея *(август 479 г. до н.э.)*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«История» Геродота обрывается неожиданно: без какого-либо заключения, почти на полуслове. Большинство ученых считают, что Геродот сам поставил здесь точку: все главные события греко-персидских войн произошли, перелом совершился, а долгое — почти на тридцать лет — довоевывание было писателю неинтересно.

Меньшинство сомневается в этом. Мы знаем, как любознателен был Геродот, какие интересные подробности он умел отыскивать даже в небогатых событиями отрезках истории,— можно не сомневаться, что он нашел бы, о чем рассказать, и в дальнейшем. Да и событий предстояло еще немало.

Вспомним хронологию. 560г. до н.э.— воцарение лидийского Креза, покорение малоазиатских греков лидийцами. 546г. до н.э.— Кир побеждает Креза, покорение малоазиатских греков персами. 525г. до н.э.— Камбис завоевывает Египет. 513г. до н.э.— Дарий завоевывает Фракию и идет неудачным походом на скифов, малоазиатские греки задумывают восстание. 499-494гг. до н.э.— малоазиатские греки поднимают восстание и терпят поражение. Это — предыстория, завязка. Затем начинаются главные события. 490г. до н.э.— персы вторгаются в Грецию: первый, малый их поход и Марафонская битва. 480г. до н.э.— второй, великий поход персов: сперва сухопутная и морская битвы при Фермопилах и Артемисии, потом переломное событие — Саламинская победа. 479г. до н.э.— довершение успеха: сухопутная и морская битвы при Платее и Микале. (Здесь обрывается рассказ

Геродота.) 468г. до н.э.— греки в свою очередь вторгаются в персидские владения, сын Мильтиада Кимон одерживает победу при Евримедонте. Здесь — конец главных событий, начинается развязка. 459-454гг. до н.э.— восстание в Египте против персов, афиняне снаряжают большой поход в помощь восставшим и терпят сокрушительное поражение. Сил для войны больше нет. 449г. до н.э.— последнее крупное морское сражение возле острова Кипра, афиняне хоть отчасти смывают свой позор и заключают мир: грекам не заходить и не заплывать в персидские владения, персам в греческие. Война кончается вничью.

Вы замечаете симметрию событий? В центре — Саламин, решающее событие. По сторонам от него — двойные битвы, сухопутные и морские: сперва Фермопилы с Артемисием, потом Платея с Микале. Еще дальше по сторонам — битвы, начинающие войну на чужой территории: сперва Марафон, потом Евримедонт. А еще дальше? В начале была предыстория персидского государства, и подробнее всего там говорилось о Египте — хотя к тогдашним греко-персидским отношениям он не имел никакого касательства. Не значит ли это, что в конце тоже должна была идти речь о Египте — как о месте большого поражения афинян? Геродот замечал такую симметрию событий и старался соблюдать ее в своем рассказе: это можно подсчитать по числу страниц и строчек, которые он отводит на каждое событие. Поэтому я предпочитаю думать, что Геродот хотел довести свой рассказ до самого конца, но умер раньше, чем успел это сделать.

А теперь задумаемся не о самих событиях, а об их смысле. В самом начале повествования Геродота мудрец Солон говорит царю Крезу: «не превозносись: чем выше возносится человек, тем сокрушительней бывает его падение. Мера — превыше всего: не отступай от меры». Потом по ходу действия Геродот пользуется каж-

дым случаем, чтобы еще и еще напоминать об этом (например, в рассказе о тиране Поликрате). Но главное подтверждение мудрости Солона — сама история греко-персидских войн. Царь Ксеркс вознесся выше меры (как устрашающе описывались его полчища!) — и вот вся эта мощь рушится от разгрома при Саламине. Однако достаточно ли этого примера? Нет: победители-греки на нем ничему не научились. Афиняне сами возгордились своей победою свыше меры, пошли всею силою на персов в Египет и всею силою потерпели крушение. Лишь теперь, когда обе стороны были наказаны судьбой за нарушение меры, положенной человеку, стал возможен мир и конец войны.

Зная любовь Геродота к симметрии (симметрия — это тоже мера!), мы можем даже предположить, сколько места ему понадобилось бы, чтобы довести свой рассказ до конца войны. Вероятно, три таких рассказа, как в этой книге. Одиннадцатый — о том, как афиняне изгнали победителя-Фемистокла, спартанцы казнили победителя-Павсания, а Кимон одержал победу при Евримедонте. Двенадцатый — о том, как в Спарте восстали порабощенные мессеняне (и как они восставали еще раньше, за двести и двести пятьдесят лет до этого), как Кимон хотел помочь спартанцам и за это был изгнан афинянами, как в Персии на смену царю Ксерксу воцарился царь Артаксеркс и афиняне пошли против него походом в Египет. Тринадцатый — о том, как афиняне в Египте сперва побеждали, а потом были окружены и побеждены, как они после этого вернули из изгнания Кимона и как Кимон перед самой своей смертью одержал для них победу при Кипре и как афиняне и персы после этого перестали воевать и заключили мир на условиях «каждому свое». И конечно, Геродот не преминул бы сделать отступления о многом другом, но о чем — мы не знаем.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда археологи находят обломки поврежденных статуй, они их реставрируют: приделывают к ним несохранившиеся части так, как они выглядели, например, по древним описаниям или изображениям этих статуй. Хотелось бы вот так же реставрировать замысел Геродота и дописать за него — хотя бы в пересказе — ненаписанный им конец его повествования. Но это невозможно: без Геродота мы слишком мало знаем об этом времени. Будем благодарны ему за то, что он рассказал то, что он рассказал.

СОДЕРЖАНИЕ

Гаспаров М.Л.

Г 22 Рассказы Геродота о греко-персидских войнах и еще о многом другом. — М.: Согласие, 2001. — 228 с.

ISBN 5-86884-125-5

До сих пор труд Геродота считался только источником исторических сведений, однако академик М.Л. Гаспаров утверждает, что Геродот интересен, в первую очередь, как писатель. Стремясь устранить недостатки ранее существовавших русских переводов, Гаспаров предлагает читателям не перевод, а пересказ, рассчитанный на восприятие читателя-неспециалиста.

УДК 882 63.3(0)32+83.3(2Рос-Рус)6